

Молитва Мужа

и волшебная книга

Григория

Два Ружа Бул

Annotation

Молли Мун — сирота. Она живет в Хардвикском приюте, где властвует ужасная мисс Гадкинс. Злобная старуха всячески унижает и притесняет девочку, старшие ребята дразнят ее, учителя ругают за несобранность — в общем, жизнь маленькой Молли сложно назвать счастливой. Но однажды в руки Молли Мун попадает таинственная старинная книга по гипнозу, и жизнь девочки в одночасье меняется. Она обнаруживает в себе удивительную способность — заставлять людей делать все, что она пожелает. Вскоре мисс Гадкинс оказывается полностью в ее власти, и Молли замышляет побег из сиротского приюта. Она садится на самолет и улетает в Нью-Йорк, чтобы найти там своего лучшего друга Рокки, завоевать славу и богатство... Но за Молли по пятам следует зловещий незнакомец. Он знает секрет девочки и намерен использовать ее необычайные способности в своих гнусных целях... Основную идею книги о Молли Мун подсказал случай, который произошел с Падди — собакой писательницы. Джорджия пила чай и заметила, что собака пристально смотрит на пирожное, которое она держит в руках. Она стала дразнить Падди, водя пирожным перед его носом. В этот момент она заметила, что даже животное можно загипнотизировать. А что если ребенок захочет загипнотизировать взрослого человека? Так родилась идея о девочке, которая использовала свои гипнотические способности для того, чтобы вырваться из убогого приюта для сирот, добраться до Нью-Йорка, разыскать своего друга и стать звездой мюзикла... Сейчас Джорджия Бинг становится самым продаваемым детским писателем. Ее первая книга о Молли Мун переведена на 22 языка и издана в 35 странах мира: Великобритании, Германии, Франции, Дании, Норвегии, Чехии, Польше и др., а также в США и Канаде... Девид Хейман, продюсер фильма `Гарри Поттер и философский камень`, уже планирует сделать фильм по книге о Молли Мун. В интервью газете Daily Mail Джорджия Бинг говорит о том, что издание этой книги для нее важно исключительно из-за надежды, что книгу прочитают тысячи детей во всем мире, и это сделает их более счастливыми. `Книга, выпущенная в Великобритании в мае 2002, сразу же получила признание в США как `новый Гарри Поттер`. Writing Magazine, June 2002 `Благодаря голографической обложке читатель ослеплен и заморожен книгой еще до того, как он прочитал первое слово`. Manchester Evening News, May 2002 `Первая повесть Джорджии Бинг была написана

для детей, но мы все были настолько загипнотизированы ее чтением, что не могли оторваться`. Vogue, June 2002 `Если ваша фантазия пребывает в одиноких поисках волнующей истории об опасности и настоящей дружбе, где есть над чем посмеяться и над чем задуматься, то прочитайте эту замечательную книгу`. Evening Telegraph & Post, May 2002

- [Джорджия Бинг](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)
 - [Глава двадцать шестая](#)
 - [Глава двадцать седьмая](#)
 - [Глава двадцать восьмая](#)
 - [Глава двадцать девятая](#)
 - [Глава тридцатая](#)
 - [Глава тридцать первая](#)

- [Глава тридцать вторая](#)
 - [Глава тридцать третья](#)
 - [Глава тридцать четвертая](#)
 - [Глава тридцать пятая](#)
 - [Глава тридцать шестая](#)
 - [Глава тридцать седьмая](#)
 - [Глава тридцать восьмая](#)
 - [Глава тридцать девятая](#)
-

Джорджия Бинг

Молли Мун и волшебная книга гипноза

*С любовью посвящается Марку,
за то, что вдохновлял меня,
поддерживал и иногда смешил.*

Глава первая

Молли Мун опустила глаза и грустно посмотрела на свои розовые пятнистые лодыжки. Вода в ванне не была виновата в том, что ноги стали крапчатыми, как колбасный фарш. Они всегда были такими — бледными и тощими. Может быть, когда-нибудь эти ноги с торчащими острыми коленками станут самыми красивыми ногами на свете. Ведь превратился же гадкий утенок в прекрасного лебедя. Хоть какая-то надежда...

Молли откинулась на спину, так, что ее кудрявые каштановые волосы и уши погрузились в воду. На желтом, засиженном мухами потолке блеклой полоской светилась лампа дневного света; в углу, на влажном пятне, обрамленном бахромой облупившейся краски, росла какая-то гадкая плесень. Вода налилась в уши, и все звуки теперь доносились будто сквозь густой туман. Мир уплыл далеко-далеко.

Молли закрыла глаза. Лежа в обшарпанной ванной комнате ветхого дома под названием «Хардвикский приют», девочка представила себе, что взлетает в воздух, будто птица, и смотрит с высоты на серую шиферную крышу в окружении заросшего ежевикой сада. Она взмывает все выше и выше: пологий склон холма, на котором стоит деревня Хардвик, раскидывается под ней, как на крупномасштабной карте. Еще выше, пока убогое здание Хардвикского приюта не становится совсем крошечным! Вверх и вверх: и вот уже весь город Брайерсвилль расстилается как на ладони. Еще выше — разбегаются вдаль окрестные поля и леса, на горизонте показалось побережье, и вот уже со всех сторон плещется море. Мысли девочки взлетели выше облаков. Она представила себе, что летит в космосе и оттуда — сверху — смотрит на далекую Землю. Там она будет парить долго-долго. Молли любила мысленно улетать с Земли. Это был ее способ отдыхать. И нередко, расслабившись, она испытывала какое-то особенное чувство.

Вот и сегодня на нее нахлынуло это странное ощущение — будто с ней вот-вот должно случиться что-то загадочное, удивительное. Когда такое чувство посетило Молли в прошлый раз, она нашла в деревне на тротуаре недоеденный пакет с конфетами. А в позапрошлый раз ей удалось вечером смотреть телевизор целых два часа вместо одного, и ей ничего за это не было! Молли задумалась — какой приятный сюрприз ждет ее сегодня? Она открыла глаза и снова очутилась в ванне. Молли вгляделась в свое лицо, вкривь и вкось отраженное нижней стороной хромированного крана. О

боже! Неужели она в самом деле такая уродливая?! И этот розоватый комок теста — ее лицо?! И эта картошка — ее нос?! А эти маленькие зеленые блестки — глаза?!

Снизу донесся громкий стук — будто колотили молотком по дереву. Странно — здесь вроде бы ничего не ремонтируют! И вдруг Молли поняла, что молоток тут ни при чем — просто кто-то колотит в закрытую дверь ванной. Плохо дело! Молли вскочила и здорово стукнулась головой о водопроводную трубу. Грохот становился все громче и громче, к нему добавился разъяренный крик.

— Молли Мун, а ну открывай дверь, *сейчас же*! А не то вскрою замок отмычкой!

Молли услышала, как звякают ключи в связке. Она опустила глаза, посмотрела на воду — и ахнула. Вода в ванне стояла намного выше, чем позволялось правилами! Девочка стрелой выскочила из ванны, вытащила сливную пробку и потянулась за полотенцем. Как раз вовремя! Дверь распахнулась. Мисс Гадкинс влетела в комнату и, как змея, метнулась к ванне. Обнаружив, что в дырку с бульканьем утекает вода, она кровожадно наморщила чешуйчатый нос. Потом закатала кримпленовый рукав и сунула пробку на место.

— Так я и думала, — прошипела она. — Преднамеренное нарушение правил сиротского приюта!

Злобно сверкнув глазами, мисс Гадкинс достала из кармана рулетку, вытянула из коробочки длинную металлическую ленту и, причмокивая болтающейся во рту вставной челюстью, измерила, высоко ли стоит вода в ванне. Как она и думала, уровень воды намного превышал красную линию, нарисованную вокруг бортика. От холода Молли стучала зубами. Из щели между оконными створками тянуло ледяным сквозняком, но, несмотря на это, у девочки вспотели ладони. Так бывало всегда, когда она волновалась или чего-то пугалась.

Мисс Гадкинс встряхнула рулетку, вытерла ее о Моллину рубашку и со звонким щелчком втянула ленту в коробочку. Молли собрала все силы, чтобы взглянуть в лицо старой карги. Из-за короткой седой стрижки и обильной растительности на тощем лице та больше напоминала мистера, чем мисс.

— Ты наполнила ванну на тридцать сантиметров, — прошипела мисс Гадкинс. — А если учесть то количество воды, которое ты *обманным* путем спустила в канализацию, пока я стучалась в дверь, я догадываюсь, что глубина в ванне была целых сорок сантиметров! Тебе известно, что правила позволяют наливать ванну только на *десять* сантиметров. Ты

превысила разрешенный уровень в четыре раза, а это значит, что ты уже использовала воду на следующие три купания! Следовательно, Молли Мун, тебе запрещается принимать ванну еще три недели. А наказание, — мисс Гадкинс схватила зубную щетку Молли. У бедняжки душа ушла в пятки: она поняла, что мисс Гадкинс готовит ей свое излюбленное наказание.

Мисс Гадкинс оглядела Молли тусклыми черными глазками. Ее лицо чудовищно исказилось: старуха языком сняла вставную челюсть, покрутила ее во рту и поставила на место.

— На этой неделе ты будешь отвечать за туалеты. — Старая карга ткнула в Молли зубной щеткой. — Унитазы должны сверкать, как стеклышки, и чистить их ты будешь вот этой щеткой. И только попробуй взять обычную туалетную щетку: я буду за тобой присматривать.

Мисс Гадкинс в последний раз удовлетворенно причмокнула вставной челюстью и вышла из комнаты. Молли без сил присела на край ванны. Значит, то предчувствие, что посетило ее сегодня, предвещало всего лишь беду. Она с отвращением взглянула на облезлую зубную щетку, надеясь, что ее друг Рокки поделится с ней своей.

Накручивая на палец болтающуюся нитку застиранного, потертого полотенца, она подумала: до чего же здорово, наверно, завернуться в мягкий, пушистый, белый халат. Такой, о каком поют в рекламном ролике по телевизору:

*«Мягкость — удивительная!
Нежность — восхитительная!
„Облако девятый номер“ —
Самый лучший порошок!»*

Молли любила рекламу. Яркие ролики показывали ей, какой радостной и уютной бывает жизнь, уносили ее в свой сверкающий мир. Многие ролики были дурацкими, но у девочки было несколько самых любимых, совсем не глупых. Их персонажей она считала своими друзьями — они всегда были рады видеть ее, когда она мысленно приходила к ним в гости.

*«Роскошь, мягкость, наслаждение.
Не порошок, а загляденье!»*

Задребезжал звонок, сзывающий на вечернее собрание. Молли нехотя

стряхнула с себя грезы о белом банном халате и поморщилась. Опять опоздала. Как всегда! Везде она опаздывает, все шишки ей на голову валятся. Ее даже прозвали «Зона бедствия», или просто «Беда», — за то, что она такая неуклюжая и вечно на что-нибудь натывается. Другими прозвищами девочки были «Дрема», потому что ребята говорили, будто ее голос навевает на них дремоту, и «Лупоглазая», потому что ее темно-зеленые, близко посаженные глаза были чуть-чуть навывкате. Только ее лучший друг Рокки да кое-кто из сирот помладше звали ее просто по имени — Молли.

— Молли! Молли!

По коридору сломя голову мчались ребята. За их спинами Молли разглядела темно-коричневое лицо Рокки — он махал ей, поторапливая. Молли схватила зубную щетку и побежала в спальню, где вместе с ней жили еще две девочки — Гизела и Синтия. Посреди коридора на нее налетели двое мальчишек — Роджер Фиббин и Гордон Бойлз. Они грубо оттолкнули ее.

— Прочь с дороги, Беда!

— Проваливай, Лупоглазая!

— Скорее, Молли! — воскликнул Рокки, засовывая ноги в шлепанцы. — Нельзя опять опаздывать! А то у Гадкинс истерика начнется... И она подавится своей вставной челюстью! — весело добавил он и широко улыбнулся подруге. Рокки всегда умел подбодрить ее. Он ведь так хорошо ее знал!

А начиналось это так.

И Молли, и Рокки попали в Хардвикский приют десять лет назад. Белая малышка и черный малыш.

Мисс Гадкинс нашла Молли в картонной коробке на крыльце приюта, а Рокки обнаружили в коляске на автостоянке позади Брайерсвилльского полицейского участка. Нашли его по чистой случайности — только потому, что он вопил во всю мочь и его слышали.

Мисс Гадкинс не любила младенцев. Эти крикливые, мокрые, вонючие существа вызывали у нее отвращение, а уж о том, чтобы менять им пеленки, не могло быть и речи. Для ухода за Молли и Рокки она наняла миссис Тринкелбери — тихую вдову, которая и раньше помогала выхаживать младенцев-подкидышей. Миссис Тринкелбери всегда давала младенцам имена по той одежде или предметам, в которых их нашли — например, Мозес Корзинс лежал в плетеной корзинке, а Лента Атлас была одета в ночную рубашечку с атласными лентами. Поэтому Молли и Рокки

тоже получили экзотические имена.

Фамилия Молли — Мун — произошла от надписи «Шоколадный зефир, фабрика Муна», напечатанной розовыми и зелеными буквами на стенках ее картонной колыбельки. А внутри коробки миссис Тринкелбери нашла леденцовую палочку «Лолли» и дала девочке имя Лолли Мун. Однако мисс Гадкинс отвергла имя Лолли, и малышка стала зваться Молли Мун.

А имя Рокки произошло от его красной коляски. На ее откидном верхе было почему-то написано: «Пурпурный рокер Скарлет». Рокки был крепко сложен, тяжел как камушек и на редкость спокоен. Безмятежность его происходила от мечтательности — однако она была совсем иного рода, чем у Молли. Та словно спала на ходу, пытаясь в грезах укрыться от мрачной действительности, а Рокки будто бы размышлял над удивительным миром, который простирается вокруг. Даже в младенчестве он нередко лежал в своей колыбельке, задумавшись о чем-то и тихонько мурлыкая про себя. Глядя на симпатичное лицо малыша и слушая его низкий хрипловатый голос, миссис Тринкелбери говорила, что когда-нибудь он станет рок-звездой и будет петь дамам любовные песни. Поэтому она дала ему имя Рокки Скарлет, и оно очень ему подходило.

Миссис Тринкелбери не блистала умом, но сердце у нее было доброе. Маленьким Молли и Рокки повезло, что их вынянчила добрая старушка, потому что, если бы они с младенчества попали к злой мисс Гадкинс, то решили бы, что весь мир такой же плохой, как она, и сами выросли бы плохими. А миссис Тринкелбери качала их на толстой коленке, и они засыпали под ее тихое пение. У нее они выучились доброте. А по ночам, если они спрашивали, почему их подкинули под чужую дверь, она отвечала, что они стали сиротами, потому что злой кукушонок вытолкнул их из гнездышка. А потом она пела им колыбельную. Вот такую:

*«Простите, ребятки, того кукушонка,
Что вытолкнул вас из гнезда.
Его мама-кукушка учила с пеленок
Толкаться везде и всегда».*

И хоть иногда Молли и Рокки сердились на своих неведомых родителей за то, что те бросили их, песня доброй старушки их успокаивала.

Но миссис Тринкелбери больше не жила с ними в приюте. Как только Молли и Рокки выросли из пеленок, ее отослали прочь. Теперь она

заходила только раз в неделю, чтобы прибраться и постирать. Молли и Рокки мечтали, чтобы в приют попали еще младенцы-подкидыши, и тогда миссис Тринкелбери вернулась бы, но этого никак не случилось. Иногда, бывало, поступали маленькие дети, но они уже умели ходить и говорить, и мисс Гадкинс назначала Молли и Рокки к ним в няньки. Самой маленькой девочке в приюте — Руби — уже исполнилось пять лет, и она давным-давно не нуждалась в пеленках, даже по ночам.

Близился вечер.

Вдалеке Молли услышала приглушенный скрежет — это часы в комнате мисс Гадкинс пробили шесть.

— Опять опоздали, — охнула Молли, хватая халат с крючка за дверь.

— Будет теперь орать как ненормальная, — подхватил Рокки, и друзья помчались по коридору. На бегу ребята привычно огибали все препятствия, встречающиеся по дороге: они проделывали этот путь уже тысячи раз. Свернули за угол, скользя по вытертому линолеумному полу, и через три ступеньки поскакали вниз по лестнице. Тихонько, затаив дыхание, на цыпочках прокрались по квадратным каменным плиткам вестибюля, мимо комнаты с телевизором и, наконец, бесшумно скользнули в дубовую дверь общего зала.

Вдоль обшитых деревянными панелями стен стояли навтыжку девятеро детей. Четверым из них еще не было семи лет. Молли и Рокки пристроились в конец шеренги, рядом с двумя пятилетками по имени Руби и Джинкс. Они надеялись, что мисс Гадкинс еще не добралась до их имен в списке. Молли скользнула взглядом по хмурым лицам ребят постарше, стоявших напротив. Самая противная девчонка в приюте, Гизела Хеккерсли, мстительно прищурила глаза, а Гордон Бойлз провел ребром ладони по горлу, будто ножом.

— Руби Эйбл! — зачитала мисс Гадкинс.

— Я, мисс Гадкинс, — пропищала маленькая Руби из-за плеча Молли.

— Гордон Бойлз!

— Здесь, мисс Гадкинс, — отозвался Гордон и скорчил Молли рожу.

— Джинкс Эймс!

Руби ткнула Джинкса в бок.

— Здесь, мисс Гадкинс, — откликнулся тот.

— Роджер Фиббин!

— Здесь, мисс Гадкинс, — буркнул высокий тощий мальчишка, стоявший рядом с Гордоном, и злобно взглянул на Молли.

— Гизела Хеккерсли!

— Здесь, мисс Гадкинс.
Молли вздохнула с облегчением. Ее имя было следующим.
— Джерри Оукли!
— Здесь, мисс Гадкинс, — откликнулся семилетний Джерри и сунул руку в карман, где рвалась на свободу маленькая ручная мышка.
— Синтия Редмон!
— Здесь, мисс Гадкинс, — ответила Синтия и подмигнула Молли.
Молли не на шутку встревожилась — когда же назовут ее имя?!
— Крейг Редмон!
— Здесь, мисс Гадкинс, — проворчал брат-близнец Синтии. Мисс Гадкинс, похоже, забыла про Молли...
— Джемма Пейтел!
— Здесь, мисс Гадкинс.
— Рокки Скарлет!
— Здесь, — отозвался запыхавшийся Рокки.
Мисс Гадкинс захлопнула журнал.
— Как обычно, Молли Мун сегодня не пришла.
— Я уже здесь, мисс Гадкинс, — Молли не верила своим ушам.
Значит, мисс Гадкинс нарочно назвала ее имя в самом начале, чтобы подловить на опоздании!
— Сейчас уже не считается, — возразила мисс Гадкинс, кривя губы. — Сегодня вечером будешь мыть посуду! Эдна будет рада получить выходной.
От огорчения Молли даже зажмурилась. Надежда на то, что сегодня с ней произойдет нечто особенное, быстро улетучивалась. Похоже, этот вечер будет таким же, как и все остальные, — полным неприятностей.
Своим чередом началась вечерняя служба. В это время было принято петь церковные гимны и читать молитвы. Обычно раскатистый голос Рокки перекрывал все остальные, но сегодня он пел тихо, словно берег дыхание. Молли надеялась, что зимой у него не будет бесконечных приступов астмы.
Едва закончилась последняя молитва, прозвучал гонг к ужину, и тяжелая дверь в столовую распахнулась. Мальчики и девочки поспешили к столу, откуда навстречу им тяжелыми волнами накатывал запах протухшей рыбы. Ребята не раз видели эту рыбу в пластиковых ящиках, в переулке за кухонными дверями. По ней ползали жуки и мухи, и воняла она так, будто пролежала там по меньшей мере неделю. И все знали, что Эдна, приютская кухарка, наверняка опять запекла рыбу под толстым слоем жирного сырнорехового соуса, чтобы отбить ее гнилостный вкус. Этому приему она научилась, когда служила на флоте.

Сама Эдна, огромная и мускулистая, с седыми космами и приплюснутым носом, стояла возле стола и пристрасно следила, чтобы каждый из ребят съел все без остатка. С моряцкой татуировкой на плече (о ней ходило немало толков) и солеными грубостями на языке Эдна походила на просмоленного пирата. Ее норов притаился внутри, будто спящий дракон, и дракон этот, если его разбудить, показывал зубы и изрыгал пламя.

Дрожащие от страха дети, сдерживая тошноту, безропотно выстроились в очередь, а Эдна щедрой рукой раскладывала по тарелкам пахучие порции.

— Эдна, у меня аллергия на рыбу.

— А ну, взять на борт проклятую тресковую отбивную! — хрипло скомандовала Эдна, вытирая нос рукавом халата.

— Эту треску и правда здорово избили, — шепнула Молли другу, тоскливо глядя на тарелку с рыбой.

Вечер близился к концу. До отхода ко сну Молли оставалось еще отбыть наказание — помыть посуду. Как обычно, Рокки вызвался помочь.

— Можем сочинить песню о мытье посуды, — сказал он. — Наверху все равно сидят Гордон и Роджер. Опять будут задираться.

— Они тебе просто завидуют. Сходи наверх да отлупи их хорошенько, — предложила Молли.

— Не хочу руки марать.

— Но ты же терпеть не можешь мыть посуду!

— Ты тоже. А с моей помощью ты быстрее справишься.

И на исходе вечера, такого заурядного, двое друзей отправились в подвал, в буфетную, где их дожидались горы немытой посуды. Но Молли Мун оказалась права. Нынче вечером и впрямь *должно было* произойти нечто весьма необыкновенное. И это нечто неуклонно приближалось!

В подвале было холодно, с труб над головой капала вода, в стенах зияли дыры, из которых тянуло холодом, плесенью и мышами.

Молли повернула кран, и оттуда сердито брызнула тоненькая струйка чуть теплой воды. Рокки отправился за жидкостью для мытья посуды. Из коридора доносилось ворчание Эдны — она катила по наклонному полу тележку, нагруженную одиннадцатью тарелками из-под жирной рыбы.

Молли скрестила пальцы, моля сама не зная кого, чтобы Эдна просто оставила тележку с посудой у входа в буфетную и ушла. Но вряд ли это произойдет — скорее всего, она войдет в буфетную и тут же начнет ругаться. Такова уж была Эдна.

Вскоре вернулся Рокки с бутылкой моющего средства в руках. Он плеснул немного пенящейся жидкости в раковину, изображая персонажа из их любимого рекламного ролика.

— О, мамочка! — воскликнул он, обращаясь к Молли. — Почему у тебя такие мягкие руки?

Молли и Рокки часто разыгрывали в лицах рекламные ролики и знали десятки из них наизусть, слово в слово. Им нравилось воображать себя героями рекламы.

— Ах, милый! — капризно пропищала Молли. — Они такие мягкие, потому что я пользуюсь самым лучшим средством для мытья посуды. Все остальные марки просто губительны для кожи. Лишь «Пенистое чудо» нежно и ласково!

Вдруг на плечо Молли, грубо вторгшись в их воображаемый мирок, обрушилась громадная, как лапа динозавра, рука Эдны. Молли в страхе метнулась в сторону, ожидая, что в следующее мгновение на голову ей изрыгнется поток проклятий. Но вместо этого у нее над ухом прогудел тошнотворно-слащавый голос.

— Ступай, детка, я сама помою. Иди, поиграй.

Детка? Молли изумилась — уж не ослышалась ли она? Эдна *никогда* не разговаривала с ней по-доброму. Обычно Эдна была чудовищно груба и сердита. Но сейчас она улыбалась, и улыбка ее была оскаленной, щербатой.

— Но мисс Гад...

— Не волнуйся, — успокоила ее Эдна. — Иди, отдохни. Пойди посмотри этот чертов телек.

Ничего не понимающая Молли обернулась к Рокки — тот ответил ей озадаченным взглядом. Потом оба воззрились на Эдну. Перемена в старой кухарке была удивительна. Дети удивились бы гораздо меньше, если бы у нее на голове вдруг выросли тюльпаны.

И это было только первое из череды необычайных событий, случившихся на этой неделе...

Глава вторая

Если уж начинает не везти, то кажется, что несчастья никогда не кончатся. Молли искренне так полагала, и неудивительно: ведь ей так часто не везло. Если бы она только знала, какая куча всяких интересных вещей скоро с ней случится, то на завтра, может быть, сильнее радовалась бы наступающему дню. Но поутру, едва открыв глаза на своем жестком приютском матраце, Молли с первой же минуты поняла: день не заладился. А случилось вот что.

Она проснулась оттого, что у нее над ухом оглушительно задребезжал колокольчик. Здоровая дура Гизела, любимица мисс Гадкинс, обожала будить Молли всякими жестокими способами. Гизела аккуратно зачесала назад свои черные, до плеч, волосы, связала их лентой и с трудом впихивала свою коренастую фигуру в узкую синюю школьную форму.

— Слышь, Лупоглазая, сегодня на физкультуре будет кросс, а на первом уроке — контрольная на пятьдесят слов, — ехидно объявила она и отошла, весело помахивая колокольчиком и радуясь, что испортила Молли все утро.

Молли быстро оделась и заглянула в спальню, где жили Рокки и Гордон. В знак приветствия Гордон швырнул в нее мокрым бумажным стаканчиком. Рокки напевал про себя, ничего не замечая вокруг.

— Рок, — тихо позвала Молли. — Ты не забыл, что сегодня контрольная?

Они было попытались повторить трудные слова за завтраком, но добились только того, что мисс Гадкинс отобрала у них тетрадки с домашними работами. Потом мисс Гадкинс с восхищением наблюдала, как Молли драит унитазы зубной щеткой. К половине девятого бедняжку начало тошнить.

По пути в школу и без того поганое утреннее настроение только ухудшилось.

Брайерсвилльская начальная школа, в которой учились все сироты, была таким же, как и приют, серым каменным зданием в пятнадцати минутах ходьбы. По дороге один из деревенских мальчишек швырнул в Гизелу водяную бомбу. Та увернулась, и бомба попала точнехонько в Молли, промочив ее насквозь. Гизела со своими приспешниками, четырьмя старшими приютскими детьми, решила, что это очень смешно.

Из-за всего этого Молли и Рокки опоздали в школу. Они пропустили утреннее собрание, пытаясь высушить Моллину куртку на теплой батарее в девчоночьей раздевалке. Они понимали, что опоздают и на первый урок, а это было чревато уж совсем большими неприятностями.

— Опоздали! — проскрипела их учительница миссис Жаббс, когда они наконец появились на пороге. — И к тому же пропустили собрание! Я назначу вам наказание позже. Ап-чхи! — Миссис Жаббс разразилась оглушительным чиханием, что всегда случалось с ней, стоило ей рассердиться.

Молли вздохнула. Опять наказание!

В наказаниях миссис Жаббс была весьма изобретательной — Молли уже не раз выпадал случай испытать это на собственной шкуре. Например, в десятый раз поймав Молли на том, что та жует клочок бумаги, миссис Жаббс усадила ее в углу класса и заставила съесть целую стопку бумаги для компьютера. У Молли ушло на это два часа. Было ужасно невкусно! Даже закрыв глаза, трудно представить себе, что деревянистая масса — это на самом деле бутерброд с кетчупом или пончик. Вкус-то все равно остается бумажным.

Молли терпеть не могла миссис Жаббс и радовалась, что учительница такая мерзкая на вид — с опухшим, точно вечно заплаканным лицом, почти лысая, а живот — будто резиновый мешок с водой. Так ей и надо, уродине! Может быть, стоит пожалеть миссис Жаббс за то, что у нее так громко урчит в животе, за то, что у нее аллергия на все на свете и она постоянно чихает, — иногда, правда, думала Молли. Но все-таки ненавидела свою училку.

Впрочем, от приступов чихания миссис Жаббс иногда бывала кое-какая польза — во время них было легко списывать, но на сегодняшней контрольной о списывании не могло быть и речи, потому что ни Рокки, ни Молли попросту не подготовились. Они уныло уселись за изъеденные жучками парты в переднем ряду.

И кто только выдумывает такие контрольные?! Надо было не просто правильно написать слова, но и разъяснить их значение. Молли и Рокки блуждали вслепую в дебрях неведомых слогов, пытаясь угадать ответ.

Наконец работа закончилась. Миссис Жаббс собрала тетради, дала классу задание по английскому и уселась за свой стол проверять контрольные. Начала она с Моллиной работы. Не прошло и двух минут, как на весь класс закрипел ее пронзительный голос, то и дело прерываемый залпами яростного чихания. У Молли в животе все сжалось: началась очередная взбучка. Силы девочки таяли. В конце концов, есть же предел

человеческому терпению! Молли с головой закрылась в своей противоругательной скорлупе и отключилась. Она давно научилась вот так уходить в себя, чтобы жестокий язык миссис Жаббс не ранил ее слишком сильно. Мысленно она улетала все дальше и дальше, и вскоре гнусный голос миссис Жаббс зазвучал тихо-тихо, будто по телефону, а крапчатый рисунок на ее бесформенной юбке слился в размытое лилово-оранжевое пятно.

— И слово «бесславный» ты тоже объяснила неправильно, — скрипел визгливый голос. — *Ап-чхи!* На самом деле оно означает «позорный, достойный осуждения», и надо сказать, оно напрямую относится к тебе. *Слышишь, Молли? А? А? А?*

Молли выпрямилась.

— Молли Мун! Да слушаешь ты меня или нет, негодная девчонка?

— Извините, что разочаровала вас, миссис Жаббс. В следующий раз я постараюсь получше.

Миссис Жаббс фыркнула, чихнула и села. В ее артериях пульсировал адреналин.

Молли мысленно поставила сегодняшнему утру десять баллов из десяти за гнусность. Но днем случилось нечто куда более страшное, и учителя здесь были ни при чем.

После обеда Молли со всем классом переодевалась к кроссу. Шел проливной дождь, и дорожки на склоне холма, уходившие от школы в лес, раскисли от грязи. По стеклу раздевалки стекали мутные струйки, а Молли никак не могла отыскать свой спортивный ботинок. Когда он наконец нашелся и она вместе с Рокки вышла под дождь, весь класс уже был далеко впереди. Рокки хотел нагнать остальных, но бежать по скользкой земле было очень трудно. Миновав заболоченный лесок, Молли совсем выбилась из сил, а Рокки начал задыхаться. Они присели передохнуть на скамейку под деревом. Кроссовки насквозь промокли, коленки посинели от холода, но под пластиковыми дождевиками было очень жарко. Рокки снял дождевик и завязал его вокруг пояса.

— Побежали дальше, — сказал он. — А то совсем отстанем.

— Может, лучше вернуться? — предложила Молли.

— Молли, — раздраженно возразил Рокки. — Ты что, с ума сошла? *Хочешь*, чтобы тебя опять наказали?

— Я не сошла с ума, я просто не люблю бегать.

— Давай, Молли, побежали.

— Нет... не хочется.

Рокки склонил голову набок и задумчиво всмотрелся в ее лицо. Он

битых десять минут помогал ей найти кроссовку, а теперь она хочет впутать его в еще большие неприятности.

— Молли, — проговорил он, едва сдерживая злость. — Если останешься, нас заставят бежать еще два круга. Хотя бы попробуй.

— Нет, и пробовать не стану. Все равно у меня ничего не получится.

Рокки возмущенно воззрился на нее.

— Знаешь, ты могла бы неплохо бегать, если бы захотела. А если ты научишься хорошо бегать, тебе это понравится. Но ты ведь и пробовать не хочешь! — Рокки поднял голову и посмотрел на дождевые тучи. — И так во всем! Если у тебя что-то не получается, ты просто бросаешь это. И тогда у тебя не получается еще сильнее, и ты совсем перестаешь пробовать, и тогда получается еще хуже, а потом...

— Да замолчи же, Рокки! — Молли очень устала, и меньше всего ей хотелось выслушивать нотации от лучшего друга. На самом деле она была потрясена, что Рокки заговорил ТАК. Обычно он был очень терпим и легок в общении. А если ему что-то не нравилось, то он чаще всего не обращал на это внимания или просто отходил в сторону.

— А потом, — продолжал Рокки, — начинаются *неприятности*. — Он глубоко, шумно вдохнул. — И знаешь что? Мне до смерти надоело видеть, как ты без конца попадаешь в беду. Можно подумать, ты нарочно накликаешь их на себя. Словно тебе *нравится*, что тебя любят все меньше и меньше.

Эти неожиданные слова больно задели Молли. Раньше Рокки *никогда* не критиковал ее. Девочка пришла в ярость.

— Да тебя и самого не слишком-то любят, Рок Скарлет, — парировала она.

— Это потому, что я всегда с тобой, — небрежно бросил Рокки.

— Ничего подобного, *тебя* тоже никто видеть не хочет, — огрызнулась Молли. — Не такой уж ты идеальный. Вечно весь в своих мыслях, будто живешь на другой планете. Общаться с тобой — все равно, что пытаться завести разговор с марсианином. И ты совсем не надежен. Бывает, я тебя *часами* дожидаясь! Вчера, например, я тебя *полдня* прождала в раздевалке. А ты появился, не торопясь, будто и не опоздал ничуть. И *вечно* что-то таишь, куда-то исчезаешь! Где, например, ты был вчера после школы? В последнее время ты куда-то пропадаешь по сто раз на день! Пусть *меня* считают чокнутой, но и ты в глазах ребят такой же странный! Чудной бродячий менестрель!

— И все равно *меня* любят *больше*, чем тебя, — уверенно сказал Рокки и отвернулся.

— Что ты сказал?

— Я сказал, — громко повторил Рокки, — что меня любят больше, чем тебя.

Молли встала и окинула Рокки испепеляющим взглядом.

— Я пошла, — заявила она. — Теперь я знаю, ты считаешь, что ты намного лучше, чем я. И знаешь что, Рокки? Можешь бежать сколько хочешь, догонять остальных. Иди, завоевывай себе популярность. Я тебя удерживать не стану.

— Да не сердись же ты так. Я просто хотел тебе помочь, — сказал Рокки и нахмурился.

Но Молли разъярилась не на шутку. У нее внутри будто что-то взорвалось. Она и так знала, что ее любят меньше, чем Рокки, но слышать об этом у нее не было ни малейшего желания. Ее и вправду задирали все кому не лень, а к Рокки никто не приставал. Он был уверен в себе, погружен в свои мысли и неуязвим для насмешек, его трудно было вывести из себя. Гизела и ее компания старались держаться от него подальше, и в школе у него было полно друзей. Многие из ребят втайне хотели походить на него. А Молли теперь ненавидела его за предательство. Она впилась в него свирепым взглядом, а он только беспечно надул щеки, будто говоря: «Ну и надоела же ты мне!»

— Сейчас ты похож на большую толстую рыбу, — тихо сказала Молли. — Может, кто-нибудь из твоих новых друзей примет тебя за умного. — Она отошла от него, топая ногами, и во все горло завопила: — Ненавижу эту школу! Она самая *гадкая* на свете! До чего же мне ПЛОХО!

Молли сломя голову неслась сквозь кусты. Не будет она бежать этот гнусный кросс и вообще сегодня не вернется в эту мерзкую школу. Она пойдет в свое укромное местечко, туда, где ее никто не найдет. И пусть они кричат и бранятся, пока не лопнут от злости!

Глава третья

Молли прокладывала себе путь через лес на задворках школы. По ногам хлестала высокая мокрая трава, пестревшая зонтиками папоротников. Девочка подобрала ивовый прут и принялась яростно рубить растения. Первый же лохматый папоротник стал мисс Гадкинс. ВЖ-ЖИК! Прутик просвистел в воздухе и снес директрисе голову. «Старая корова!» — пробормотала Молли.

Вот это темно-зеленое ползучее растение будет Эдной. ВЖ-ЖИК! «Мерзкая калоша!»

Она подошла к подножию старого тиса. На земле гнили ядовитые красные ягоды, а на стволе вырос огромный, желтый, отвратительный гриб. «Ага! Миссис Жаббс!»

ШМЯК! ШМЯК! Изрубив миссис Жаббс на вонючие куски, Молли почувствовала себя гораздо лучше. «Сама ты бесславная», — вполголоса проговорила она.

Молли пнула ногой крапиву, уселась на пенек и задумалась над словами Рокки. Высокий стебель крапивы качнулся и обжег ей щиколотку. Молли сорвала листик щавеля и потерла ужаленное место. Ей пришлось в голову, что Рокки, может быть, прав — самую малость, конечно, — но она все равно сердилась на него. В конце концов, она-то *на него* никогда не ворчала. Иногда, правда, если он пел какую-нибудь из своих любимых песен, Молли приходилось встряхивать его, чтобы он обратил на нее внимание. Однако она ведь не требовала, чтобы он изменил свои привычки. Молли считала, что Рокки любит ее такой, какая она есть, и была потрясена, узнав, что ему не нравится хотя бы часть ее натуры. Еще неприятнее было видеть, как весело он общается с другими детьми. Интересно, давно ли он презирает ее, ничего не говоря? Может быть, он нарочно избегал ее? Лицо у Молли пылало. Как он сказал? Что она никогда ничего не пробует? Но она же великолепно разыгрывала вместе с ним рекламные ролики. Она же попробовала это! Может, надо найти какое-нибудь другое дело, которое получится? Она тогда ему докажет! Молли кипела от гнева и тревоги.

Девочка зашагала дальше, глубоко дыша, чтобы успокоиться. Ей было очень жалко себя. Деревья расступились, и она очутилась на голом склоне холма. Внизу расстился городок Брайерсвилль. Виднелась школа, позади нее главная улица, городская ратуша, общественные здания, дома горожан.

Крыши блестели под дождем. По узким змеящимся улицам сновали машины, похожие издалека на морских свинок. Молли захотелось, чтобы одна из этих машин подъехала к ней и отвезла домой, к теплomu уютному очагу. Какие же счастливчики остальные ребята из школы: даже в самый плохой день они возвращаются домой, где их все любят.

Мысли девочки изменили направление — ее взгляд остановился на огромном рекламном щите, стоявшем на окраине города. Каждый месяц на него наклеивали новые плакаты. Сегодня в жизнь каждого прохожего врывался бодрый призыв: «БУДЬ КРУТ, ПЕЙ „КЬЮТ“!» На огромном щите был изображен мужчина в темных очках, загорающий на пляже. Он пил «кьют». Банка прославленного напитка переливалась золотисто-оранжевыми полосками, как будто мир согревался и освещался не солнцем, а «кьютом». Молли очень нравилось такое сочетание — банка выглядела раскаленной, но в то же время содержала холодный напиток. Вокруг мужчины столпились загорелые красавцы и красавицы со всего пляжа, они восхищенно смотрели, как тот пьет. Все сверкали чудесными белозубыми улыбками, но самые ослепительные зубы были, естественно, у того, кто пил «кьют».

Молли любила рекламу «кьюта». Ей казалось, что она тоже идет по белому песчаному пляжу и знает всех, кто снимался в ролике. До чего же ей хотелось перенестись в этот фантастический мир! Она понимала, что все эти люди — актеры, и сцена поставлена искусственно, но все равно верила, что этот мир существует. Когда-нибудь она сбежит из убогого мирка Хардвикского приюта и начнет новую жизнь. Эта жизнь будет полна радостей, как у людей в ее любимых рекламных роликах. И будет взаправдашней.

Молли довелось попробовать «кьют» — однажды миссис Тринкелбери принесла в приют несколько банок. Но банок на всех не хватило, и Молли досталось всего несколько глотков. Она навсегда запомнила восхитительный фруктово-мятный вкус.

Шагая обратно к городу, Молли размышляла, как здорово было бы, если бы одна выпитая банка «кьюта» в самом деле превращала человека в знаменитость. Ей хотелось, чтобы ее все любили, как всех этих блестящих красавиц на плакате. Хотелось стать богатой и красивой. А так — кто она сейчас?! Бедная, уродливая, никому не нужная. Никто, ничто и звать никак.

Молли направлялась к городской библиотеке.

Ей очень нравилось это здание — старое, обветшалое. Внутри было тихо, спокойно, в толстых альбомах лежали фотографии далеких мест, где Молли хотела бы побывать. Молли и Рокки любили приходить сюда.

Старушка-библиотекарша всегда была занята — либо читала, либо раскладывала книги по местам — и не мешала детям бродить где хочется. По правде сказать, библиотека была единственным местом, где никто никогда не ругал Молли. А в заветном укромном уголке можно было отдохнуть.

Она поднялась по каменной лестнице, прошла мимо сторожащих вход каменных львов и очутилась в фойе. Чуть сладковатый запах паркетного лака мгновенно успокоил девочку. Она аккуратно вытерла ноги о половичок и подошла к доске объявлений, где можно было прочесть много чего интересного. На этой неделе кто-то пытался продать водяной матрас, а кто-то отдавал котят в хорошие руки. Объявления приглашали на занятия йогой, уроки танцев, кулинарные курсы и пешеходные прогулки. Самый большой плакат возвещал о том, что на следующей неделе состоится брайерсвилльский конкурс «Мы ищем таланты». Это напомнило ей о Рокки — он должен был выступить на конкурсе с одной из своих песен. Молли надеялась, что он победит, но, вспомнив, что она все еще сердита на него, велела надеждам замолчать. Молли толкнула тяжелую дверь и вошла. Библиотекарша сидела за столом и читала книгу. Увидев Молли, она улыбнулась.

— Здравствуй, Молли, — сказала она, блеснув сквозь стекла очков добрыми голубыми глазами. — Увидела в дверях школьную куртку и подумала — наверно, это твой друг. В последнее время он сюда частенько заходит. Рада видеть тебя.

Молли улыбнулась в ответ.

— Спасибо.

Дружелюбие старой библиотекарши сбивало ее с толку. Молли не привыкла, чтобы взрослые относились к ней с добротой. Она неловко опустила глаза и принялась листать брошюры, сложенные на газетном столике, за которым пожилая дама читала журнал под названием «*Собачья краса*». пышную прическу дамы покрывал толстый слой розоватого лака.

Так вот, значит, куда Рокки тайком ускользает от нее, — в библиотеку! Молли снова подумала — а не пытается ли ее друг здесь спрятаться от нее? Однако она решительно отбросила глупые мысли и пошла по библиотеке, мимо длинных рядов книжных полок, по дороге прихватив с кресла мягкую подушку.

Вдоль прохода по обе стороны тянулись высокие шкафы с книгами. От А до В, от Г до Е. Полки были уставлены книгами, нередко — в два ряда. Наверное, подумала Молли, некоторые из книг не снимали с полок годами. Она прошла от Ж до К, потом повернула налево, где стояли другие

стеллажи — от Л до Н, от О до С, от Т до Ф, от Х до Ч, от Ш до Я.

Дошла до конца и направилась обратно.

Стеллаж с книгами на букву И. Любимое место Молли. В этом месте, в уголке, проход сужался, и оставалось место только для коротких полок. А между полкой и стеной был узкий просвет, обогреваемый теплой трубой. Там горела электрическая лампочка. Ковер здесь был почти не истертый — сюда мало кто заходил, потому что не так уж много найдется писателей, чьи фамилии начинаются на Ж, З или И. Сюда заглядывали, например, чтобы взять книгу по зоологии. Но это случалось нечасто. Молли сняла куртку и, подложив под голову подушку, легла головой к букве И, а ногами к букве Ж. Пол был теплым, где-то вдалеке — видно, в котельной — ритмично постукивал бойлер, тихо журчал голос разговаривающей по телефону библиотечарши. Молли понемногу успокоилась, задышала ровнее и представила себе, что она летит высоко-высоко в космосе. Потом она задремала.

Разбудил ее чей-то сердитый громкий голос. Она проспала около получаса. Человек, говоривший с американским акцентом, был страшно зол, и с каждой секундой его хриплый голос грохотал все громче и громче.

— Поверить не могу, — рычал он. — Просто невыносимо! Я ведь только на днях договорился с вами по телефону. Перевел вам деньги за прокат книги, прилетел за ней из Чикаго! Преодолею *тысячи* миль, а вы тем временем взяли да и потеряли ее! Что за паршивое у вас заведение!

Такого с Молли еще не случалось. У нее на глазах давали взбучку кому-то другому! Беспомощный голос библиотечарши был жалобен, как птичий писк.

— Простите, профессор Нокман, понятия не имею, куда она могла подеваться. Я своими глазами видела эту книгу на прошлой неделе. Могу только предположить, что ее взял кто-то из читателей. Хотя она стоит в отделе, из которого книги не выдаются на дом, и поэтому не может быть... ох, боже мой... Погодите-ка, посмотрю в формулярах.

Молли приподнялась на локте и осторожно выглянула между полками — кто же там так шумит? За стойкой библиотечарша лихорадочно рылась в формулярах, листая каталожные карточки, как будто хоть одна из них могла подсказать ей, куда делась пропавшая книга. Молли прекрасно ее понимала.

— Вы сказали, автор книги — Логам? — озабоченно переспросила она.

— *Логан*, — поправил ее суровый голос. — А название начинается на букву Г.

Молли встала на колени и выглянула через полку повыше — ей хотелось посмотреть на этого бузотера. Перед ее взором предстал толстый как бочка живот, обтянутый гавайской рубахой с пальмами и ананасами. Молли поднялась еще на одну полку. Рубашка оказалась с коротким рукавом, на волосатой руке поблескивали очень дорогие на вид золотые часы. Пальцы были короткими, толстыми и тоже волосатыми, а ногти — безобразно длинными. Мужчина нетерпеливо барабанил пальцами по столу.

Молли приподнялась еще на одну полку.

Нос у незнакомца был вздернутый, а лицо круглое, с двойным подбородком. Черные жирные волосы обрамляли обширную лысину и свисали до плеч. Под нижней губой торчала острая, треугольная черная борода, аккуратно подстриженные усы блестели от масла. Глаза были круглые, водянистые, а лицо обгорело на солнце. В целом он походил на уродливого морского льва, и Молли подумалось, что она совсем не так представляла себе профессоров.

— Ну, что? — воинственно спросил он. — Нашли?

— Да, то есть нет, простите, профессор Нокман, похоже, она никому не выдана. Ох, боже мой. Ну и беда. Даже не знаю, как это могло случиться, — смущенно лепетала библиотечарша, копаясь в ящике своего стола. — Профессор Нокман, может быть, вернуть вам чек?

— МНЕ НЕ НУЖЕН МОЙ ЧЕК! — загрохотал разъяренный профессор. — КАК ВЫ СМЕЕТЕ ТЕРЯТЬ КНИГИ?! КАК ВАС ЕЩЕ ДЕРЖАТ В БИБЛИОТЕКАРЯХ?!

Профессор Нокман буквально захлебывался от ярости.

— Мне нужна эта книга. Я заплатил за нее. И я ее *получу*! — Он зашагал по проходу от буквы А к букве Г. — Наверно, какой-нибудь идиот поставил ее не на место!

Библиотечарша нервно заерзала в кресле. А сердитый профессор как слон топал между шкафами и пыхтел от натуги. Молли слышала его хриплое дыхание. Нокман остановился по другую сторону книжных полок, так близко от Молли, что до него можно было дотронуться рукой. От него противно воняло прогорклым маслом, рыбой и табаком. Вокруг толстой шеи висела золотая цепь, среди густых волос на груди притаился медальон в виде скорпиона, тоже золотого. Глаза у скорпиона были бриллиантовые. Они блеснули в лучике света, словно подмигивая девочке. Пухлые когтистые пальцы профессора торопливо пробежали по корешкам книг.

— Хорошо же, — вдруг заявил этот кабан в человеческом облике. — Книги, как я вижу, здесь нет, поэтому поступим следующим образом.

Вы, — он промаршировал обратно к стойке и грозно вытянутым пальцем чуть не ткнул несчастную старушку между глаз, — побеседуете со своими коллегами и выясните, что стряслось с моей книгой. Как только узнаете, позвоните мне. — Он вытащил из заднего кармана бумажник из змеиной кожи, достал оттуда визитную карточку и что-то написал на обратной стороне. — Я остановился в Брайерсвилльской гостинице. Звоните мне и держите в курсе дела. Помните: достать эту книгу — дело первоочередной важности! Она мне нужна для серьезнейших научных исследований. Мои коллеги по музею придут в ужас, когда услышат, как вы меня подвели! Хотя, если вы найдете книгу, они, конечно, об этом не узнают. Я понятно выразился?

— Да, профессор.

Профессор подхватил кожаное пальто и, сердито ворча, вышел из библиотеки.

Библиотекарша закусил губу и принялась поправлять шпильки в пучке на затылке. Громко хлопнула парадная дверь. Молли опустилась на колени. Прямо перед ней большая табличка указывала книги, начинающиеся на букву И.

Какая же, интересно, книга так нужна этому гадкому профессору? Он говорил, что заплатил за ее прокат, хотя она стояла в отделе, откуда книги на дом не выдаются. И приехал за ней издалека. Видимо, книга очень интересная, уж наверно, поинтереснее, чем «Изыскания», или «Иноверцы», или «Ипноз». Ипноз? Что за странное слово? Молли посмотрела на книгу, стоявшую прямо перед ней. Кусочек ее корешка с первой буквой названия был оторван. И вдруг Молли осенило: первой буквой должна быть буква Г!

Она торопливо стянула с полки тяжеленную книгу в кожаном переплете и, оглядевшись — не подсматривает ли кто, — раскрыла ее.

На титульном листе старомодными буквами было напечатано:

Д-р Г. Логан

Г И П Н О З

Уроки древнего искусства

издательство «Аркрайт и сыновья»

Дальше Молли заглядывать не стала. Она аккуратно закрыла книгу, завернула ее в куртку и, улучив момент, когда библиотекарьша склонилась под стойку за чайной чашкой, тихонько выскользнула из библиотеки. Это было второе из странных происшествий на этой неделе.

Глава четвертая

Сгорая от любопытства, Молли шагала по окраинным улочкам Брайерсвилля, по полям, по склону холма — обратно к приюту. Дождь перестал, но она все равно крепко прижимала к груди книгу, завернутую в теплую куртку. Близился вечер — блеклое ноябрьское солнце уже начало тускнеть. В лесу громко кричали фазаны, рассаживаясь по гнездам, а в траве прямо из-под ног Молли шустро разбегались кролики.

Когда она добралась до Хардвикского приюта, в окнах каменного здания уже мерцал свет. Сквозь тонкие занавески на втором этаже Молли разглядела сгорбленный силуэт мисс Гадкинс — та любовно гладила свою капризную собачонку Петульку.

Молли улыбнулась про себя, бесшумно приоткрыла железную калитку и тихонько пошла по гравийной дорожке. В эту минуту в доме открылась боковая дверь, и оттуда вышла миссис Тринкелбери. Увидев Молли, она с нежностью обняла девочку своими пухлыми руками.

— З-здравствуй, з-здравствуй, Молли, крошка моя! В-вернулась наконец! А то уж я с-совсем тебя п-потеряла. К-как поживаешь? Хорошо?

— Спасибо, в целом неплохо, — приветливо ответила Молли, обнимая старушку. Ей ужасно хотелось рассказать миссис Тринкелбери про книгу, но она благоразумно решила молчать. — Как поживаете?

— Х-хорошо, детка, к-как всегда. Только с Г-гизелой хлопот много, да это уж т-так п-повелось. С-смотри-ка, я т-тебе пирожок припасла. — Миссис Тринкелбери запустила руку в цветастую вязаную кошелку и пошарила там. — Ага, в-вот он. — Она протянула Молли бумажный пакетик. — Ш-шоколадный. Вчера в-вечером испекла. — Стекла ее очков сверкнули отблесками падавшего из вестибюля света. — Только с-смотри, как бы тебя мисс с-сама знаешь кто с-с этим пирожком не з-застукала.

— Спасибо, — от души поблагодарила Молли.

— П-пора мне, детка. — Старушка плотнее запахнула потертое вязаное пальто, застегнула его на все пуговицы и поцеловала Молли в лоб. — Не з-замерзни, малышка. Через неделю увидимся. — С этими словами миссис Тринкелбери зашагала в сторону города, а Молли вошла в приют.

Она на цыпочках проскользнула к себе в спальню и, пока остальные пили чай, успела спрятать книгу и пирожок под матрац. Потом спустилась в столовую и села поодаль от остальных, за маленький столик у камина.

Обычно Молли пила чай вместе с Рокки, но сегодня, как назло, его не было. Молли съела хлеб с маргарином, настороженно поглядывая на Гизелу — та сидела за большим столом в другом конце комнаты. Сегодня Гизела была в центре всеобщего внимания, потому что победила в кроссе. Ее толстые ноги были забрызганы грязью, круглое лицо покраснелось, а в волосы она лихо воткнула веточку с листьями, будто перо.

Молли понимала — как только Гизела увидит ее одну, сразу же начнет задирать. И злобность ее будет нарастать как снежный ком. Сперва Гизела отпустит парочку колких замечаний, а когда Молли пропустит их мимо ушей, то начнет поддразнивать ее все злее и злее, пока не пробьет Моллину защитную скорлупку. Молли вспыхнет, ее лицо задержится, или того хуже — в горле встанет комок, а глаза наполнятся слезами. Молли никогда не удавалось сохранить уверенность в себе, когда Гизела и ее дружки налетали всем скопом. Девочка торопливо запихнула в рот последний кусок хлеба и тихонько направилась к дверям. Но было уже поздно.

Гизела заметила ее и хриплым голосом закричала:

— Смотрите, Беда наконец добралась до финиша! Что с тобой стряслось, Дрема? Уж не свалилась ли ты в лужу? А может, на тропинку выскочила лягушка, а ты ее испугалась? Или у тебя коленки подкосились?

Молли саркастически улыбнулась, пытаясь не обращать внимания на обидные слова.

— Ты чо, считаешь это презрительной улыбкой? — не унималась Гизела. — Смотрите все, Лупоглазая строит из себя крутую!

Молли ненавидела Гизелу, однако так было не всегда. Поначалу она даже жалела эту девчонку.

Гизела попала в приют четыре года назад, когда ей было шесть лет. Ее родители разорились и вскоре погибли в автокатастрофе, не оставив ей ничего, даже родственных связей. И девочка, одинокая и никому не нужная, попала в Хардвикский приют. Молли старалась, как могла, чтобы Гизеле не было одиноко, но вскоре поняла, что той не нужна ее дружба. Однажды Гизела прижала Молли к стене и заявила: «Ты мне в подметки не годишься. У меня была хорошая семья, я знаю, что такое любящие родители. Меня не подбрасывали на крыльцо, как ненужную тряпку. Я попала сюда из-за трагического поворота судьбы, потому что мои дорогие папа и мама погибли». Гизела рассказывала тысячи историй о своем чудесном прошлом, и вскоре дети стали восхищаться ею. Но она терпеть не могла Молли и Рокки и всегда издевалась над ними. Целых четыре года Гизела дразнила и задирала Молли. По какой-то причине она невзлюбила свою невзрачную

соседку. И теперь Молли отвечала ей тем же.

— Я спрашиваю, это, по-твоему, называется *презрительной* улыбкой? — угрожающе повторила Гизела.

Четверо детей постарше, сидевших рядом с Гизелой, захихикали. Коротышки-близнецы Синтия и Крейг, а также закадычные друзья Гизелы — Гордон Бойлз и Роджер Фиббин, — все они были слишком слабы характером, у них никогда не хватило бы храбрости сказать хоть слово против своего вожака. Они обожали смотреть, как Гизела задирает Молли.

Слева от Гизелы сидел, стиснув кулаки, Гордон Бойлз. Его немытые волосы были туго стянуты банданой. Недавно он циркулем и чернилами сделал себе татуировку: наколол на каждом пальце буквы, которые на левом кулаке складывались в слово Ц А Р Ъ, а на правом — в слово Г О Р Д. Со своего места Молли могла отчетливо прочитать «ЦАРЬ ГОРД». Фантазия у него была извращенная, и, если ему обламывалась хоть малейшая выгода, он был готов буквально на все. При Гизеле он играл роль вышибалы-телохранителя.

Справа от Гизелы сидел ее шпион и наушник, Роджер Фиббин. Молли посмотрела на его чистенькую белую рубашку, аккуратную прическу и подумала: до чего же он похож на маленького и очень недоброго взрослого. Его острый нос и холодные пронырливые глазки были зловещими. Рокки и Молли прозвали его Ябедой. А близнецов Синтию и Крейга они называли Клонами. Чем грубее Гизела дразнила Молли, тем громче хохотала ее свита. Джемма и Джерри, двое детей шести и семи лет, тихонько сидевшие за небольшим столиком у двери, забеспокоились. Им не нравилось смотреть, как издеваются над Молли, но они были слишком малы и ничего не могли поделать.

— А может, какой-нибудь фермер швырнул в тебя лопатой, потому что ты похожа на крысу? — предположил тощий Роджер.

— Или крыса бросилась на тебя, потому что от тебя воняет? — прогудел мускулистый Гордон.

— Или вы с Рокки сидели в кустах и мечтали о свадьбе? — ухмыльнулась Гизела.

И вдруг Молли улыбнулась. Улыбка эта зародилась у нее где-то глубоко внутри, она происходила из глубоко спрятанного волнения, из тайной надежды на то, что книга о гипнозе поможет ей. Молли грезила наяву, представляя себе, чего она сможет добиться, если научится гипнотизировать людей. Пусть тогда Гизела со своей шайкой держатся подальше! Не говоря ни слова, Молли встала и вышла из комнаты. Девочке не терпелось заглянуть в книгу. Но удалось ей это далеко не сразу.

После чая всем детям полагалось отдыхать в постелях, кроме тех, кому было разрешено репетировать свои выступления к Брайерсвилльскому конкурсу талантов. Молли не терпелось почитать книгу о гипнозе, но она боялась рисковать, потому что на соседней кровати читала комикс Синтия.

Минуты текли невыносимо медленно. Молли прислушивалась к доносившемуся снизу пению. Она услышала хриловатый голос Рокки и снова пожелала ему победы на конкурсе, хотя все еще сердилась на приятеля за сказанные днем жестокие слова. Потом пришел час делать уроки. Молли казалось, что время стало резиновым и долгожданный вечер никогда не наступит.

Наконец кукушка на часах мисс Гадкинс прокричала шесть раз. На вечерней молитве Молли изо всех сил старалась держаться подальше от Рокки, и он тоже не обращал на нее внимания. Пропев гимн под записанную на магнитофон органную музыку, мисс Гадкинс зажала под мышкой свою капризную раскормленную собачонку Петульку и сделала несколько объявлений. Во-первых, Молли должна была в течение недели пылесосить комнаты, потому что не сумела пробежать кросс до конца. Во-вторых, завтра в приют приезжают гости из Америки.

— Они придут в четыре часа. Имейте в виду, они, как ни странно, желают усыновить одного из вас. Как вы помните, в прошлый раз наши американские гости уехали с пустыми руками. Не подведите меня на этот раз. Мне не терпится избавиться от кого-нибудь из вас. Им не нужны вшивые чумазные недомерки. — Глаза мисс Гадкинс остановились на Молли. — Поэтому приведите себя в порядок. Выбрать могут только порядочного ребенка. Правда, некоторым из вас говорить все это — только время терять.

От этой новости у каждого из приютских детей екнуло сердце. Даже в глазах Гизелы Молли заметила огонек надежды.

За ужином Молли сидела одна и грызла битое яблоко.

Наконец, когда Молли начало казаться, что она вот-вот лопнет от нетерпения, ей представился удобный момент уединиться в пустой спальне. Она торопливо выхватила из-под матраца книгу и раздавленный пирожок, сунула их в мешок с грязным бельем и отправилась искать укромное местечко, чтобы без помех почитать.

Гадесом по-гречески называется ад. А в приюте так прозвали нечасто посещаемую прачечную, скрытую глубоко в недрах здания. Молли напрямик направилась туда, как будто собиралась постирать.

Прачечная была темным подвалом с низкими потолками. По стенам тянулись ржавые трубы, с которых свисала сохнувшая одежда. По крайней

мере, здесь было не холодно. В дальнем углу стояли старые фаянсовые раковины с белым известковым налетом вокруг сливных отверстий, в которых дети полоскали белье. Молли отыскала теплое местечко под электрической лампочкой, возле труб, и, сгорая от нетерпения, запустила руку в мешок с бельем.

Всю жизнь Молли мечтала быть непохожей на других. В фантазиях она представляла себя совсем особенной и постоянно ждала, что однажды с ней произойдет что-нибудь чудесное. В глубине души она знала, что в один прекрасный день на свет появится новая, блистательная Молли Мун и покажет всем обитателям Хардвикского приюта, какова она на самом деле. Вчера ей казалось, что необычайное происшествие вот-вот случится. Может быть, чудо просто запаздывало на денек.

Весь вечер Молли размышляла о том, поможет ли эта книга воплотить в жизнь ее мечты и чему она сможет из нее научиться. Голова шла кругом. Быть может, в своих фантазиях Молли забрела чуть-чуть слишком далеко?! Трепеща от волнения, девочка робко приподняла сухой кожаный переплет. С тихим скрипом старая книга приоткрылась.

Перед ней снова был титульный лист.

ГИПНОЗ

Уроки древнего искусства

Молли перевернула страницу и после первого же абзаца буквально задрожала от нетерпения:

«Дорогой читатель!

Добро пожаловать в удивительный мир гипноза!

Поздравляю Вас. Ваше решение раскрыть эту книгу было правильным. Вас ждет необычайное путешествие. Если Вам удастся взрастить посеянные здесь семена мудрости, то Вы обнаружите, что окружающий Вас мир полон богатейших возможностей.

Счастливого пути!

Подписано: доктор Г. Логан.

Брайерсвилль,

3 февраля 1908 года».

Молли с удивлением отметила, что доктор Логан жил в Брайерсвилле. Этот сонный городок редко мог похвастаться выдающимися людьми. Девочка торопливо перевернула страницу.

«ВВЕДЕНИЕ

Вы, вероятно, не раз слышали о древнем искусстве гипноза. Быть может, видели на ярмарке среди бродячих артистов практикующего гипнотизера. Он развлекает публику тем, что погружает кого-нибудь из зрителей в сон и заставляет вести себя так, как тот никогда бы не поступил в повседневной жизни. А может быть, вы читали о том, как людей погружают в гипнотическое состояние перед операцией, и они не чувствуют боли.

Гипнотизм — великое искусство. Однако, подобно другим видам искусства, он вполне доступен. Большинство людей могут научиться искусству гипноза, если только наберутся терпения и будут старательно упражняться. Мало у кого из учеников имеется природный талант. Еще реже встречается настоящий дар. Может быть, вы — один из одаренных гипнотизеров? Прочитайте эту книгу, и узнаете».

У Молли вспотели ладони.

«Искусство ГИПНОЗА, — говорила книга, — получило свое название из греческого языка. „ГИПНОС“ по-гречески означает „сон“. Гипнотизеры практиковали свое искусство с древнейших времен. Иногда гипнотизм называют МЕСМЕРИЗМОМ, по имени доктора Франца Месмера. Он родился в 1734 году и умер в 1815; изучение гипнотизма было главным делом его жизни.

Когда человек находится во власти гипнотизера, он погружается в ТРАНС. Люди часто впадают в транс, сами того не сознавая. Например, если вы кладете ручку, а в следующую минуту не можете вспомнить, куда ее положили, значит, в тот миг вы были в транс.

Еще одна форма транса — грезы наяву. Люди, погружившиеся в мечтания, находятся в своем собственном мире и, выйдя из транса, часто не помнят того, что говорили или

делали в это время окружающие. В трансе мысли людей улетают из шумного мира в более тихие уголки сознания».

Молли подумала об изобретенном ею способе подниматься в космос и оттуда смотреть на наш мир. Она нередко уходила в себя, когда на нее кричали или ругались. Может быть, она, сама того не зная, погружалась в транс? Книга между тем продолжала:

«Таким образом наш мозг расслабляется и отдыхает. Транс — вполне нормальное явление организма».

Когда Молли прочитала следующее предложение, ее сердце заколотилось быстрее:

«Если вы умеете погружаться в транс, делаете это легко, часто и с удовольствием, возможно, вы станете умелым гипнотизером».

Девочка жадно читала дальше.

«Что же делает гипнотизер? Он погружает людей в транс и удерживает их там, разговаривая с ними особым образом. Когда человек погружен в глубокий транс — нечто вроде сна наяву, — гипнотизер может внушить ему определенный образ мыслей или поступок. Например, гипнотизер говорит: „Когда вы очнетесь, вам больше не захочется курить“. Или: „Когда вы очнетесь, вы не будете бояться ездить на автомобиле“».

Молли на миг отложила книгу.

— Или так, — сказала она: — «Когда вы очнетесь, то будете считать себя обезьяной».

Молли улыбнулась — идеи, одна другой лучше, вихрями носились у нее в голове. Но потом вдруг ее охватили подозрения. Эта книга говорит взаправду — или она написана рукой сумасшедшего?! Лихорадочно перелистывая страницы, Молли не могла отделаться от недоверия.

«Глава первая. Потренируйтесь на себе.

Глава вторая. Гипнотизируем животных.

Глава третья. Гипнотизируем других людей.

Глава четвертая. Гипноз с помощью маятника.

Глава пятая. Гипнотизируем небольшие группы.

Глава шестая. Как загипнотизировать толпу.

Глава седьмая. Гипноз с помощью голоса.

Глава восьмая. Гипноз на большом расстоянии.

Глава девятая. Удивительные чудеса гипноза».

Книга пестрела рисунками людей в старинных одеждах, демонстрирующих позы, которые нужно принимать для гипноза. На одной картинке женщина с ровной спиной лежала на двух стульях — одним под головой, другим под ногами. Рисунок назывался «Человек-доска». Было множество схем, где человек корчил самые немыслимые рожи — то раздувал щеки, как пухлая рыба, то закатывал глаза кверху так, что показывались белки. «Тьфу, какая гадость!» — подумала Молли. Переворачивая толстые страницы тяжелой старой книги, Молли постепенно дошла до шестой главы и обнаружила, что сразу за ней следует девятая. Две главы — седьмая «Гипноз с помощью голоса» и восьмая «Гипноз на большом расстоянии» — были аккуратно вырваны. Молли задумалась — кто же вырвал страницы? И когда это произошло — много лет назад или совсем недавно? Понять было невозможно.

Потом ей вспомнился уродливый, похожий на кабана человек в библиотеке. Он говорил, что приехал за этой книгой аж из Америки. Наверно, профессор считает, что под ее обложкой скрыты необычайно важные секреты. Вот так книга! Может быть — робко подумала Молли про себя — может быть, ей досталось настоящее сокровище!

Ближе к концу книги ей попались несколько страниц со старыми коричневатými фотографиями. На одной из них был изображен человек с шапкой темных кудрей и очками на толстом, как картошка, носу.

«Доктор Логан, самый знаменитый гипнотизер в мире», — гласила подпись. Молли было приятно увидеть, что хороший гипнотизер вовсе не обязательно бывает писаным красавцем. Она торопливо перелистала страницы к первой главе: «Потренируйтесь на себе». Первый раздел был озаглавлен «ГОЛОС». Молли начала внимательно читать: «Голос гипнотизера должен быть тихим, мягким, убаюкивающим. Подобно руке матери, укачивающей младенца, голос гипнотизера должен погружать слушателя в транс».

Это было так соблазнительно, что даже не верилось! Ребята не зря наградили Молли прозвищем «Дрема»: они утверждали, что ее голос навеивает на них сон. Выходит, эта способность — не порок, которого надо стыдиться, а наоборот, редчайший талант. Дальше говорилось: «Ниже

приводятся несколько упражнений для тренировки голоса, их нужно произносить медленно и размеренно. Потренируйтесь».

Молли прочитала вслух: «У МЕ-НЯ ЧУ-ДЕС-НЫЙ СПО-КОЙ-НЫЙ ГО-ЛОС. Я СПО-КОЙ-НА И НА-СТОЙ-ЧИ-ВА. МОЙ ГО-ЛОС О-ЧЕНЬ...»

Неожиданно снаружи послышались громкие шаги. Молли поспешно захлопнула книгу, запихнула ее в мешок с бельем и вытащила раздавленный шоколадный пирожок.

В Гадес спустилась Гизела. Она вошла в сушильную комнату, громко топая своими подкованными туфлями.

— Фу, — наморщила нос Гизела. — Ты чо тут делаешь, дура? Ты чо, пыталась петь? Брось. У тебя голос невыразительный.

— Просто напевала, пока искала носки, — ответила Молли.

— А по-моему, ты спустилась сюда просто поразмыслить, почему тебя никто не любит. — Гизела сняла с верхней трубы свою спортивную форму и обернулась к Молли. — Дрема, ты ж сама как старый носок. Рванный, вонючий, никому не нужный носок. Почему бы тебе не выступить на конкурсе талантов в роли носка? А еще лучше — запишись на конкурс, где выбирают самого некрасивого человека в мире. — И, передернув плечами, добавила: — Спорим, Лупоглазая, твои родители были уродами.

Молли ничего не ответила, и Гизела продолжала:

— Да, кстати, сегодня, пока тебя не было, приходила твоя мерзкая чокнутая Тринкелбери. — И с довольной ухмылкой она зашагала прочь.

Молли посмотрела ей вслед, улыбнулась про себя и откусила пирожок. И вполголоса произнесла:

— Ну, погоди же, Гизела Хеккерсли. Погоди у меня.

Глава пятая

Назавтра, в пятницу, Молли проснулась в шесть часов утра, улыбаясь своим мыслям. Ей приснилось, что она стала знаменитым гипнотизером. В ее голове созрел дерзкий план.

В школу идти она не собиралась. У нее не было ни сил, ни желания сидеть на противных, как помои, уроках старухи Жаббс, когда под матрацем ее ждет книга, полная удивительных тайн. Кроме того, нельзя было оставлять книгу без присмотра. Ее может найти пронырливая мисс Гадкинс. А если взять книгу в школу, там ее наверняка стащит Гизела.

Когда задребезжал утренний звонок, Молли сделала вид, что не слышит, и продолжала лежать с крепко закрытыми глазами, даже когда за ней зашел Рокки. Гизела во второй раз затрезвонила колокольчиком у нее над ухом и стянула одеяло, но Молли все так же безучастно лежала на кровати.

— Что, Лупоглазая, опять все мозги проспала? — усмехнулась Гизела.

— Я плохо себя чувствую, — простонала Молли.

На завтрак Молли не пошла. Дождавшись, пока все спустятся в столовую, она торопливо вскочила с кровати и принялась за дело. Для начала она распахнула окно спальни и маленькими ножничками соскобщила немного зеленоватой плесени с каменной стены в пластиковую мыльницу. Потом осторожно размяла зеленые кусочки в мелкий порошок и припудрила им лицо. Кожа приобрела болезненно-зеленоватый оттенок. Молли аккуратно ополоснула мыльницу и поставила ее на место около раковины.

Потом она на цыпочках прокралась в медпункт. Там стоял электрический чайник. Молли включила его, дождалась, когда вода вскипит, взяла стакан, плеснула в него кипятку и спрятала под кресло. Достала железный тазик и водрузила его высоко на шкаф.

Вернувшись в спальню, Молли покопалась у себя в ранце и извлекла пакетик с кетчупом, припрятанный для бутербродов. Сунула его в карман пижамы и легла обратно в постель. Ловушка была расставлена.

Ребята начали возвращаться с завтрака. В комнату к Молли заглянул Гордон Бойлз.

— Заболела? Хоть какая-то надежда, — бросил он.

Что-то просвистело в воздухе, и на шею Молли шлепнулся противный, холодный и мокрый комок. Затем Молли услышала голоса Джерри и

Джеммы — малыши зашли навестить ее.

— Кажется, она простудилась. Может быть, вчера она упала в лужу, — прошептала Джемма.

— Бедняжка Молли. Наверно, она заболела, потому что старшие все время над ней издеваются, — предположил Джерри.

— М-да. Пойдем, покормим твою мышку.

Наконец в комнату ввалилась сама мисс Гадкинс.

— Говорят, ты заболела, — безо всякого сочувствия заявила она. — Значит, иди в медпункт.

Молли встала, пошатываясь, как будто у нее страшно болела и кружилась голова, и проследовала за мисс Гадкинс по обшарпанному коридору. Ребята выглядывали из комнат, чтобы поглазеть на нее. В медпункте мисс Гадкинс усадила Молли в кресло, сняла ключ с большой связки у пояса, открыла шкафчик, достала градусник и сунула его Молли под мышку. Скрестив за спиной вспотевшие пальцы, Молли отчаянно молилась про себя, чтобы мисс Гадкинс хоть на миг вышла из комнаты. Спустя минуту ее молитва была услышана.

— Я вернусь через пять минут. Посмотрим, так ли уж ты больна. — Мисс Гадкинс вышла, причмокнув вставной челюстью.

Оказавшись в одиночестве, Молли вытащила из-под кресла стакан с водой — хоть уже и не кипящей, но все еще очень горячей — и опустила туда градусник. Тревожно, с колотящимся сердцем смотрела она, как ползет вверх столбик ртути. Сорок два градуса — вполне достаточно, такая температура убедит мисс Гадкинс, что девочка и в самом деле больна. Но для пущей убедительности Молли надорвала пакетик с кетчупом и сунула его обратно в карман. Нервы были натянуты до предела, и Молли, дрожа от страха, ждала воспитательницу, чтобы завершить свой план.

Спустя минуту в коридоре послышалось чмокание и торопливые шаги — это возвращалась мисс Гадкинс. Молли повесила голову, стараясь выглядеть смертельно больной. Мисс Гадкинс вошла и, не говоря ни слова, выхватила градусник у Молли из-под мышки.

Молли глубоко вздохнула. Когда мисс Гадкинс водрузила очки на переносицу и всмотрелась в градусник, она скорчила гримасу.

— Мисс Гадкинс, — простонала девочка, извиваясь всем телом. — Меня ужасно *тошнит*.

Мисс Гадкинс отпрянула, будто ей на дороге встретился воинственный скунс, и торопливо огляделась по сторонам.

— Где же этот чертов таз? — заволновалась она. Молли тем временем издавала громкие утробные звуки. Пока мисс Гадкинс карабкалась на стул,

чтобы добраться до тазика, Молли украдкой выдавила в рот немного кетчупа и набрала глоток воды. Едва мисс Гадкинс с тазиком в руках ступила на пол, Молли кинулась к воспитательнице.

— Уы-ву-у-фф. — Изо рта девочки на стальное дно выплеснулась розовая жидкость. Для пущей убедительности Молли покряхтела еще немного: — Ууырр-гхх, у-хх-ффу.

Кажется, представление удалось на славу.

— Простите, мисс Гадкинс, — еле слышно пролепетала Молли.

Воспитательница с отвращением отстранилась и еще раз посмотрела на градусник.

— Скорее собирай вещи — халат, зубную щет... — Она осеклась. — Короче, собирай вещи, и марш в изолятор! У тебя температура сорок два. Угораздило же тебя! Надеюсь, мы все не заразимся. И вымой этот чертов тазик. Заберешь его с собой.

Молли чуть не подпрыгнула до потолка от радости, что сумела провести мисс Гадкинс, но ничем не выказала своих чувств. Еле волоча ноги, она уныло потащилась в спальню, взяла легкий халатик и шлепанцы, достала из шкафа теплую кофту и прихватила мешок с бельем, в котором, разумеется, лежала книга по гипнозу. Потом по высланной бутылочно-зеленым линолеумом лестнице направилась в изолятор.

Это, естественно, не был настоящий изолятор со множеством комнат и кроватей. Изолятором в Хардвикском приюте служила одна-единственная крохотная комнатка на чердаке, под самой крышей, подальше от спален. Она располагалась прямо над квартирой мисс Гадкинс. Молли прошла мимо площадки, куда выходила дверь воспитательницы. Она была уставлена тяжелой мебелью красного дерева, на стене висел громадный портрет хозяйки. На полу около массивного серванта лежала фиолетовая подушечка Петульки, рядом с ней — целая коллекция небольших камушков и гальки. Петулька имела странную привычку сосать камни, а потом выплевывать их. Возле камней стояло блюдце, полное шоколадного печенья.

Молли поднялась к изолятору, распахнула дверь и, поскольку ноябрьский день выдался солнечным, обнаружила, что внутри довольно тепло. В лучах света, падающих сквозь оконные стекла, плясали пылинки, на подоконнике между створками валялись дохлые мухи. Возле желтой стены стояла латунная кровать. Молли сняла с матраца чудовищную клеенку — не собирается же она мочить постель! — и застелила кровать ситцевыми простынями и парой одеял. Потом устроилась поудобнее и начала читать.

Первую главу — о тренировках на себе — Молли решила пропустить. Ей не терпелось узнать, что делать дальше, к тому же она посчитала, что и так уже провела много лет в забытии и трансе. Она сразу перешла к главе второй.

«Как гипнотизировать животных.

Теперь, когда вы освоили искусство вхождения в транс, вы можете попробовать загипнотизировать животное. Гипнотизировать животных — нелегкое искусство, это гораздо труднее, чем гипнотизировать людей. Но если вы, гипнотизируя животное, сумеете достичь того, что я называю „чувством слияния“, то в дальнейшем, практикуясь на людях, вы сразу узнаете это чувство, и оно будет вам полезным.

Если вы не достигли „чувства слияния“, значит, животное или человек загипнотизированы не до конца.

Первый шаг: войдите в транс сами.

Второй шаг: находясь в трансе, думайте о животном, которое вы хотите загипнотизировать (кошка, собака, лев и т. п.). Постарайтесь понять сущность этого животного. Представьте себе, что вы сами стали этим животным».

Молли закрыла книгу и сунула ее под простыню. Потом пристально всмотрелась в солнечные блики, пляшущие на желтой стене, и начала вводить себя в транс. Мысленно она будто поднималась по крутому туманному склону, уходила прочь от обыденного мира. Ей было нетрудно отрешиться от всего, воспарить над миром, и вскоре все окружающее, кроме солнечного блика на стене, стало казаться размытым и нечетким. Молли закрыла глаза и, следуя инструкциям в книге, начала думать о животном. Единственным животным в приюте была Петулька, любимая собачонка мисс Гадкинс. Она и станет подопытным существом.

«Постарайтесь понять сущность этого животного. Представьте себе, что вы сами стали этим животным», — всплыли в мозгу у Молли слова доктора Логана.

Понять сущность Петульки! Молли представила себе маленького мопса с бархатистой шкуркой. Собака она была злонравная, капризная и избалованная, раскормленная и ленивая. Почему она стала такой противной? Всегда только сердится и никогда не радуется. Молли представила ее себе во всех подробностях — толстое черное тельце, кривые передние лапы, подгибавшиеся под весом жирного туловища,

вздернутый хвост, приплюснутую морду, белую отметину на лбу, сердитое рычание, хриплые вздохи, выпученные глаза. Погрузившись в транс, Молли всмотрелась в глаза Петульки — тусклые, водянистые, недовольные. Она склонялась над собакой все ближе и ближе. Вот глаза Петульки стали величиной с черные бильярдные шарики, потом с баскетбольные мячи, потом с большие кегельные шары. И, наконец, когда Петулькины глаза приняли вид огромных воздушных шаров — таких больших, что Молли испугалась, что еще немного, и они попросту взорвутся, разум девочки будто скользнул под шкуру мопсика и погрузился в собачьи мысли.

Молли почувствовала себя собакой! Как наяву она видела свои четыре кривые лапы, отвислые уши, чуткий нос, причем не со стороны, а словно глядя Петулькиными выпученными глазами. Молли ощущала сладкий аромат шоколадного печенья, немного затхлый запах бархатной подушечки. Это было удивительно! Молли взаправду нюхала покрытую собачьими волосами подушку! Потом она ощутила свой животик — вздутый, переполненный. Ее затошнило от шоколадного печенья, которым в немыслимых количествах кормила ее мисс Гадкинс. Ой-ой! Как болит живот! Молли поняла, каково живет Петулке, и даже тихонько заскулила от сочувствия: «Гр-р-у-у!»

Где-то далеко часы мисс Гадкинс пробили восемь, и Молли открыла глаза. Значит, вот почему Петулька такая вредная и сердитая! Просто у нее все время болит живот от шоколадного печенья!

У Молли в мозгу вдруг словно распахнулась дверца. Девочка поразилась тому, как легко поняла характер Петульки. Интересно, какие еще скрытые способности таятся у нее в душе? Способности, пользоваться которыми ее научит мистер Логан? Если Молли освоит остальные уроки в книге так же быстро, как этот, то вскоре она станет классным гипнотизером!

На миг девочка заколебалась. Ее глодали жестокие сомнения. Быть может, она попросту выдумала все чувства Петульки?! Молли торопливо раскрыла книгу снова. Посмотрим-ка, удастся ли ей всерьез загипнотизировать собаку. Но для этого надо было сперва разучить третий шаг...

Глава шестая

Когда дети ушли в школу, Молли услышала в коридоре торопливые шаги мисс Гадкинс. Та направлялась в изолятор проведать больную. Мисс Гадкинс обрадовалась, увидев, что Молли спит. Брезгливо прикрывая нос платком, она прошла через комнату и оставила на столе записку.

«Поскольку ты, скорее всего, заразна, тебе нельзя общаться с остальными, пока не выздоровеешь. Когда сможешь есть, спустись в коридор, где кухня, и позови Эдну. Ни в коем случае не входи в кухню и не дыши на еду.

Вот градусник. Когда тебе станет лучше и температура упадет до нормальных 37,5, ты перейдешь к себе в спальню и будешь жить по обычному распорядку. Тогда же отработаешь свое дежурство по уборке, которое ты не закончила.

Мисс Гадкинс».

Причмокивая вставной челюстью, мисс Гадкинс направилась в свои комнаты, чтобы выпить привычный утренний стаканчик хереса. День выдался, по ее мнению, на редкость хлопотливым, поэтому она налила себе сразу пару стаканов. Вскоре после этого Молли услышала, как ноги воспитательницы шаркают по гравиевой дорожке за окнами. Заскрипели, отворяясь, железные ворота; Молли выглянула в окно и увидела, как мисс Гадкинс ковыляет к своему микроавтобусу. Она куда-то уезжает, но без Петульки! Вот и удобный случай провести опыт! Молли принялась читать дальше:

«Может быть, вам потребуется несколько месяцев на то, чтобы определить сущность животного, но не отчаивайтесь. Постарайтесь найти „голос“, который подходил бы вашему животному».

Ага, Молли инстинктивно уже достигла этого. Она зарычала в точности как Петулька.

«Четвертый шаг. Встаньте лицом к животному и при необходимости медленно приблизьтесь к нему. Представьте себе „голос“ животного и „заговорите“ им медленно и спокойно.

Повторяйте эти звуки, как бы убаюкивая животное, пока оно не погрузится в транс. Можно использовать маятник. (Все, кто изучает искусство гипноза, должны приобрести маятник и внимательно изучить главу четвертую.) Когда животное погрузится в транс, вы узнаете об этом, ощутив „чувство слияния“».

Молли закрыла книгу и вышла на лестничную площадку. Перегнувшись через перила, она увидела Петульку — та сладко похрапывала на своей бархатной подушечке. Девочка бесшумно спустилась по лестнице и остановилась в трех метрах от собачки. Она прикрыла глаза, сосредоточила все свои мысли на Петульке, и вот с ее губ слетел точь-в-точь такой же рык, как в прошлый раз. Молли рычала снова и снова, стараясь, чтобы звук получался медленным и ритмичным.

— Гр-р-у-у! Гр-р-у-у! Гр-р-у-у! — повторяла она. Поначалу ощущение было дурацким, но вскоре, заметив, что Петулька наострила уши и приоткрыла глаза, Молли принялась за дело всерьез.

Собачонка увидела Молли на верхней ступеньке лестницы и услышала знакомый звук. Петулька наклонила голову и прислушалась. Будь все как обычно, она зарычала бы, потому что приближение ребенка означало, что ее могут взять на руки. А Петулька *терпеть не могла*, когда ее берут на руки. От этого у нее болел живот! Глупая хозяйка всегда брала ее на руки, а это так больно! Но этот ребенок ей сочувствовал. Звуки, которые он издавал, успокаивали. Петулька заметила, что ребенок приближается, но не стала возражать. Петульке даже хотелось, чтобы девочка подошла ближе, ей хотелось заглянуть в ее прелестные зеленые глаза. Ей нравился голос этой девочки — он погружал в приятную расслабленность.

Вскоре Молли оказалась всего в полшаге от Петульки. Черные собачьи глаза, не отрываясь, смотрели на девочку.

— ГР-Р-У-У! Гр-р-у-у! ГР-Р-У-У! Гр-р-у-у! — рычала Молли.

Она горячо надеялась, что гипноз подействует. И вдруг глаза Петульки, оставаясь открытыми, стали как стеклянные, словно в них изнутри задержались какие-то занавески. Зрелище, прямо скажем, было странное и даже немного пугающее. Но, глядя в собачьи глаза, Молли внезапно ощутила, как от самых кончиков пальцев на ногах поднимается, растекаясь по всему телу, до самых корней волос, какое-то теплое, ласковое чувство. Это, наверно, и есть то самое «чувство слияния», которое описывает доктор Логан. Молли перестала рычать. Петулька села, бессмысленно глядя в пространство перед собой, покорная, как игрушечная плюшевая собачка.

Получилось! Молли с трудом верила своим глазам. Вот здорово! Она по-настоящему загипнотизировала животное!

Теперь, подумала Молли, надо попробовать внушить что-нибудь Петульке. Но как это сделать, не умея говорить «по-собачьи»?! Больше всего ей *хотелось бы* заставить Петульку напустить слюней в стаканчик с хересом для мисс Гадкинс, или укусить ту за щиколотку, или вывалиться в коровьей лепешке, а потом улечься спать на кровать к воспитательнице. Неожиданно Молли сообразила, какая мысль будет самой полезной и правильной для Петульки. Надо отучить ее от шоколадного печенья, которым закармливает ее мисс Гадкинс. Петулька ест печенье по привычке и из жадности, не догадываясь о том, что от этого у нее болит живот и портится характер. Молли достала из кармана полупустой пакетик с кетчупом.

Петулька смотрела на девочку перед собой и думала, что та — самое милое, самое приятное существо на свете. Но тут девочка взяла одно шоколадное печенье и намазала его чем-то противным. Чем-то красным. Петулька догадывалась, что это страшно невкусно, потому что девочка морщилась от отвращения и корчила страшные рожи, глядя на красную замазку. И этой гадостью было покрыто Петулькино печенье. Теперь оно казалось страшно неаппетитным. И девочка тоже так считала. Она издала утробный звук, как будто ее сейчас вырвет. И Петулька поверила девочке. Своим собачьим умом она понимала, что должна запомнить все, чему учит ее это милое дитя. Шоколадные печенья — это плохо, плохо, *плохо*.

Потом девочка погладила Петульку по голове, и собачка еще сильнее полюбила ее. Девочка снова принялась тихонько рычать и вдруг, отойдя подальше, резко тьякнула. Это вывело Петульку из транса.

С озадаченной гримасой на морде Петулька встряхнула отвислыми ушами. Она не помнила ничего, что случилось в последние десять минут, но чувствовала себя как-то по-новому. Ей совершенно не хотелось шоколадного печенья. Она его терпеть не могла! Зато полюбила девочку, сидевшую на ступеньках.

Молли помахала Петульке рукой.

— Молодец, малышка, — сказала она.

Животик у Петульки все еще болел, но девочка ей так нравилась, что она подошла к лестнице, чтобы дать себя погладить. Собака завиляла хвостом; ощущение было приятным, давно забытым. Она не виляла хвостиком уже много месяцев подряд.

Молли погладила Петульку. Как хорошо все получилось! Потом она пошла в уборную и спустила в унитаз намазанное кетчупом печенье.

В тот день в животе у Молли урчало от голода, но она не обращала на это внимания. Она с головой ушла в книгу о гипнозе. Ближе к обеду по чердаку поплыл аппетитный запах копченого угря, приготовленного Эдной для мисс Гадкинс. Молли осторожно спустилась на площадку к Петульке и с радостью увидела, что та даже не прикоснулась к шоколадному печенью. Девочка пообедала собачьим печеньем и вернулась в изолятор, к своей книге.

В четыре часа Молли услышала, как ребята возвращаются из школы и мисс Гадкинс наполняет миску Петульки свежим печеньем. Пока все пили чай, Молли стащила еще три печенья. Через полчаса снаружи послышался шум подъехавшей машины. Выглянув из окна, Молли увидела, что это прибыли американцы — худой бородатый мужчина и его жена с розовым шарфом на голове. Мисс Гадкинс в своем лучшем кримпленовом костюме бирюзового цвета рассыпалась в любезностях.

— Добро пожаловать, входите, входите, — скрипела она.

На Молли внезапно нахлынула тоска. Хоть бы эти американцы выбрали ее и забрали подальше отсюда! Как забрали однажды Ленту Атлас и Мозеса Корзинса. Но она понимала: усыновления происходят редко, а уж если кого-нибудь сегодня и выберут, то уж точно *не ее!* К тому же стоило ей подумать о книге, и жизнь в приюте уже не казалась такой безнадежной.

В тот день собачью миску еще дважды наполняли печеньем. И каждый раз Молли украдкой спускалась подкрепиться, чтобы хоть немного утихомирить голод.

Молли читала до поздней ночи, старательно вникая во все уроки доктора Логана. Наконец, она выключила свет и свернулась под одеялом теплым, уютным калачиком. Впереди была еще масса времени. Весь следующий день она может притворяться больной и впитывать мудрые советы доктора Логана, пока мисс Гадкинс не придет провести ее. Утолять голод можно Петулькиным печеньем. А через день-другой все секреты гипнотизма уже будут надежно упрятаны у нее в голове. Как жаль, что две главы вырваны, однако и из оставшихся семи можно почерпнуть немало полезного. Ей не терпелось рассказать о своей находке Рокки. Их ссора казалась пустяковой по сравнению с тайнами, скрытыми в удивительной книге. Лежа в постели, Молли размышляла, где бы ей раздобыть цепочку и маятник.

Вдруг в памяти девочки всплыло сердитое лицо профессора, встреченного в библиотеке. Молли почувствовала себя немножко виноватой. Наверное, это *самый лучший* в мире учебник по гипнозу,

написанный самым знаменитым специалистом. И бедный профессор ехал за этой книгой тысячи миль! Теперь, без мудрых мыслей доктора Логана, он не закончит своих исследований. Неудивительно, что он так разгневался! Дома, в музее, ему влетит за то, что деньги, потраченные на дорогие авиабилеты, пропали зря. Ничего страшного, подумала Молли, она дочитает книгу и сразу же вернет ее на место. И тогда пусть профессор изучает ее хоть сто лет. Успокоив свою совесть, Молли быстро уснула.

Больше она ни разу не вспомнила о профессоре. И напрасно.

Глава седьмая

На следующий день, в субботу, Молли проснулась оттого, что Петулька попыталась вспрыгнуть к ней на кровать. Молли опустила глаза, и увидела, что собачка принесла ей в подарок небольшой камушек. Петулька выглядела намного веселее и была намного ласковее, чем обычно. Молли взяла ее на руки и почесала за ухом.

— Это я должна тебя благодарить, Петулька, а не ты меня. Ты мне очень помогла.

В ответ собачка постучала Молли лапкой по груди, будто возражая: «Нет, это *ты* мне очень помогла».

Так они стали друзьями.

Молли встала с кровати и подошла к окну. Над серыми шиферными крышами деревенских домов как маяк возвышался золоченый шпиль приходской церкви. Большие круглые часы показывали 10 утра, а это значило, что все остальные приютские ребята уже отправились на утреннюю прогулку.

По субботам мисс Гадкинс любила отвозить детей в своем микроавтобусе к подножию холма под названием «Горб святого Варфоломея», милях в десяти от города. Там она высаживала их и приказывала идти вверх по Горбу, а потом пешком, через холмистые поля, возвращаться в приют. Это давало ей три с половиной часа свободного времени, которые она проводила в городе. Молли знала: обычно она заходит в парикмахерскую, чтобы сделать педикюр и срезать мозоли на ногах, а потом идет куда-нибудь пропустить пару стаканчиков хереса.

А это значит, что у Молли в запасе есть около трех часов.

Не теряя зря времени, девочка накинула халат и вышла из комнаты. Как приятно было скатиться по перилам, зная, что тебя никто не остановит! Петулька весело скакала сзади. Через низенькую собачью дверцу она юркнула в квартиру мисс Гадкинс и тут же выскочила с поводком в зубах. Собачка спустилась вслед за Молли на первый этаж. Девочка пересекла вестибюль, чуть не поскользнувшись на натертом полу, миновала парадный зал и тихонько вошла в столовую. Ее путь лежал в кухню. Она спустилась по наклонному коридору, мимо шкафов с тарелками и буфетов с ножами. Издалека слышался звон кастрюль — это Эдна готовила обед. Молли крадучись вошла в кухню, повторяя про себя уроки из главы третьей — «Гипнотизируем других людей» — и четвертой — «Гипноз с помощью

маятника».

Лежа на чердаке, Молли уже совершила воображаемое путешествие в глубь сознания Эдны. Там она нашла раздраженную женщину, полную обиды на весь мир, измученную жизнью и уставшую от работы. Девочка решила, что теперь знает, как загипнотизировать Эдну. Это будет нетрудно. В конце концов, ворчливая Эдна чем-то напоминает животное. Молли глубоко вздохнула и усилием воли подавила пробежавшую по телу нервную дрожь. Бояться нечего, убеждала она себя — даже если ничего не получится, Эдна просто подумает, что девчонка ведет себя немного странно из-за болезни. Молли решительно вошла в обшарпанную кухню с потрескавшимся белым кафелем на стенах. Здесь стояли две побитых раковины, две газовых плиты, пол был выложен каменными плитками. Петулька преданно трусила по пятам.

Эдна доставала из мешка куриные головы и швыряла их в огромную кастрюлю с кипящей водой.

— Добрый день, Эдна, — вежливо поздоровалась Молли. — Как вкусно пахнет.

Эдна подскочила на месте и окинула Молли испепеляющим взглядом.

— Разрази тебя гром, какого черта ты подкрадываешься исподтишка? — завопила она. Очевидно, подозрительно хорошее настроение Эдны, в котором она пребывала в давешний вечер, улетучилось без следа. Однако Молли еще раз попыталась завязать разговор.

— Что это вы готовите?

— Суп, что же еще, дьяволу его на стол! — проворчала Эдна, стряхивая перышко с куриной головы. Молли отметила про себя, что впервые невоздержанность и грубость Эдны пришлись как нельзя более кстати: суп, покрасневший от куриной крови, и впрямь годился на стол самому дьяволу.

— Как аппетитно, — проговорила Молли, хотя в животе у нее все переворачивалось от отвращения. — Флотский рецепт?

— Небось, пришла, чертовка, пожрать? Смотри, не зарази тут ничего.

— Вы выглядите чертовски усталой, — участливо произнесла Молли.

— А я и впрямь устала до чертиков, — отозвалась Эдна. — С ног сбилась, дьявол вас всех раздери. В кухне чертовская жара. — Она одернула белый фартук и замахала руками, напомнив Молли огромную жирную индейку.

— А вы присядьте, — предложила ей Молли. — Отдохните. Я помешаю ваш проклятый суп, а вы устраивайтесь поудобнее. Смелее, Эдна. Вам чертовски давно пора отдохнуть.

Эдна с подозрением воззрилась на Молли. Но какие-то нотки в голосе девочки успокоили ее.

— Садитесь, так вам будет удобнее, — уговаривала ее Молли.

И Эдна, ленивая от природы, согласилась.

— И впрямь, почему бы мне не отдохнуть. Ты, поди-ка, битых два дня в постели прохлаждаешься, а я тружусь тут как проклятая.

Она опустилась в кресло, раскинув ноги, как кукла.

— Мне кажется, так вам намного удобнее, — сказала Молли, забирая у Эдны поварешку. — Вы, наверное, действительно чертовски устали.

Эдна кивнула.

— И впрямь... Уф-ф! — она откинулась на спинку кресла и шумно вздохнула.

— Вы поступаете правильно, — говорила Молли, спокойно глядя на Эдну. — Дышите глубоко, вот так, очень глубоко, еще глубже, и вы — сможете — сильнее — расслабиться.

— М-да, ты, глядишь, права, — согласилась Эдна, испустив еще один хриплый вздох.

Голос Молли зазвучал чуть-чуть медленнее.

— Вдохните — еще — несколько — раз — и — вы — почувствуете — как — вы — расслабились... и как — вам — нужно — было — сесть...

— Да, — подтвердила Эдна. — Мне чертовски нужно было присесть. — Вдруг она открыла глаза: — Погоди-ка, ты ведь дьявольски заразна. Мне не велено подпускать тебя к этой проклятой еде.

Препятствие было неожиданным. Видимо, загипнотизировать Эдну будет не так легко, как казалось поначалу! Вот бы где пригодился маятник, которого у Молли, естественно, не было.

— Не — волнуйтесь — кипящая — вода — в проклятом — супе — убьет — всех — микробов, — сказала Молли и вдруг в порыве вдохновения схватила ложку и принялась медленно, ритмично помешивать суп. Деревянная ложка двигалась в такт ее словам. Эдна не сводила глаз с ложки. — Разве — вы — не — согласны, — говорила Молли, мелодично растягивая слова, — что — кипящая — вода — убивает — микробов? Не — нужно — беспокоиться. — Молли изо всех сил сосредоточилась на словах и движениях. Эдна, кажется, хотела что-то возразить, но была не в силах оторвать глаз от вертящейся ложки, и вскоре ее сморила ленивая истома.

— М-да, ты, пожалуй, дьявольски права, — проговорила она и опять осела в кресле.

— Мне — кажется — так — вам — гораздо — удобнее — и плечам — и спине, — почти напевала Молли.

— Мм-мм, — подтвердила Эдна. — И впрямь. Знаешь, Молли, у тебя очень большие глаза, — неожиданно добавила она.

— Спасибо, — ответила Молли, буквально впиваясь в Эдну своими зелеными глазами. — Ваши — глаза — очень — устали — веки — тяжелые — видите — вам — очень — нужно — отдохнуть.

Взгляд Эдны начал затуманиваться. Она неотрывно смотрела в глаза Молли и следила, как та мешает суп.

— А — в этой — кухне — так — тепло — и — приятно — вы — сидите — в кресле — а я — помешаю — суп — вот — так — кругом — и — кругом — и — кругом. — Молли крутила ложкой, стараясь не смотреть на куриные головы, плавающие в кастрюле. — Кругом — и — кругом — вот — так — я — мешаю — суп — а вы — Эдна — расслабьтесь — еще — и — еще — вам — наверное — хочется — закрыть — глаза.

Эдна не закрыла глаза, но взгляд их стал отрешенным и сонливым. От радости Молли чуть не закричала «Ура! Получилось!», но удержалась и спокойно проговорила:

— Я — стану — считать — в обратную — сторону — от — двадцати — до — одного — а — вы — будете — рас-слаб-лять-ся — все — больше — и — больше — пока — я — считаю. — Молли не переставая мешала суп и старалась, чтобы ее голос звучал как можно более убаюкивающе. — Двадцать, девятнадцать. — Хмурая складка на Эднином лбу разгладилась. — Восемнадцать, семнадцать. — Веки Эдны затрепетали. — Шестнадцать, пятнадцать... четырнадцать... тринадцать.

При счете «тринадцать» глаза Эдны плотно закрылись, и по телу Молли поползло приятное щекочущее чувство.

— Чувство слияния! — ахнула Молли. Потом, заметив, что веки Эдны снова затрепетали, продолжила считать: — Одиннадцать... десять... девять... Теперь — Эдна — вы — полно-стью — рассла-бились — и — погру-зились — в транс... Восемь... вы — спокойны... Семь. Совер-шенно спо-койны.

Молли перестала перемешивать суп и подошла к Эдне.

— Шесть, — продолжала она, остановившись в полушаге от кухарки. — Пять... Пока я считаю, вы, Эдна, все глубже и глубже погружаетесь в транс, а когда я дойду до нуля, вы будете делать все, что я скажу. Четыре. Три. Два. Один... Ноль... Хорошо, — произнесла Молли, глядя на Эдну, обмякшую в кресле. Получилось! Девочка не верила своим глазам. Ее низкий, размеренный голос, за который она и получила свое прозвище Дрема, несомненно, лучше всего подходил для гипноза. Может быть, в ее глазах тоже скрывается что-то необычное! Ей казалось, что в эту

минуту они светятся изнутри.

На миг Молли растеряла все слова. Она так старалась погрузить Эдну в гипнотический сон, что даже не задумывалась о том, что же именно она хочет ей внушить. Поэтому она начала с первого, что пришло в голову.

— С этой минуты, Эдна, вы будете очень, очень хорошо относиться ко мне, Молли Мун. Будете защищать меня, если кто-то меня отругает, или начнет дразнить, или задирать. — Начало было хорошим. — А когда я приду на кухню, вы разрешите мне делать бутерброды с кетчупом. Будете покупать мне в городе всякие вкусные вещи, потому что вы очень, очень меня любите, и *никогда* больше не станете готовить рыбу под сырнореховым соусом. И вы вообще *никогда* больше не будете готовить рыбу, если она не будет *свежайшая*... пойманная в тот же день... и... — Молли неуверенно замолчала, потом наобум добавила: — И вы заинтересуетесь... итальянской кухней. Достанете итальянские поваренные книги, будете стараться и станете лучшей итальянской поварихой в мире, и с этого дня будете готовить самые вкусные итальянские блюда. Только не для мисс Гадкинс — ее вы будете кормить по-старому, только класть ей в тарелку намного больше перца, чем обычно. И, сами того не сознавая, будете перчить еду и для Гизелы Хеккерсли, и для Гордона Бойлза, и для Роджера Фиббина... Понятно?

Эдна машинально кивнула. Зрелище было восхитительное! Молли едва удержалась от смеха, но тут у нее в животе громко заурчало, и она твердо произнесла:

— А теперь, Эдна, вы отвезете меня в город и купите чего-нибудь вкусного на завтрак, и всю дорогу останетесь у меня в подчинении.

Эдна кивнула, встала и, не открывая глаз, шагнула к двери.

— Но, разумеется, — торопливо добавила Молли, — для этого вам придется открыть глаза!

Эдна открыла глаза и опять кивнула. Взгляд у нее был отрешенный и стеклянный, совсем как давеча у Петульки.

— Хорошо, Эдна. Пошли.

И Эдна, как была, в белом фартуке, поварском колпаке и в белых башмаках на деревянной подошве, слепо, как зомби, помаршировала на улицу. Молли прихватила пальто, чтобы прикрыть свою пижаму, а Петулька нашла и взяла в пасть маленький камушек.

Ездить с Эдной и в лучшие времена было занятием малоприятным. Она могучей ножицей вжала в пол педаль газа так, что из-под задних колес автомобиля веером взметнулся гравий, и Молли поспешила пристегнуть ремень. Эдна, видимо, еще не до конца вернулась в реальный мир. На ее

лице застыло весьма странное выражение — как будто ей за шиворот уронили кусочек льда. Она понеслась по дороге в Брайерсвилль резкими зигзагами, чуть не врезавшись во встречный грузовик. Потом проскочила два светофора на красный свет и зарулила на цветочную клумбу в парке, куда въезд был воспрещен. Наконец она, сбив мусорный бак, остановила машину на тротуаре возле кафе и, по-прежнему тупо глядя перед собой, ввела Молли и Петульку внутрь. Молли озабоченно выглянула из двери на улицу. Слава богу, кажется, их не заметил ни один полицейский.

В кафе двое строителей подняли головы от сэндвичей с беконом и пристально посмотрели на Эдну. Мало того, что в своем белом наряде она выглядела довольно странно, да в придачу еще и двигалась, как заводная кукла. Молли поспешно усадила Эдну за стол.

— Что вам угодно? — спросил проворный официант с гвоздикой в петлице.

— Э-э, пожалуйста, — начала Молли, потому что Эдна не отрываясь сверлила взглядом солонку и уже начала потихоньку пускать слюни. — Я хочу четыре бутерброда с кетчупом, только не кладите слишком много масла, и полстакана концентрированного апельсинового сока, ничем не разбавленного. — Молли облизнулась. Как приятно заказать свои любимые вещи.

Официант стоял в замешательстве.

— Принести отдельно воды, чтобы разбавить сок?

— Нет, спасибо, — отказалась Молли. — Только принесите, пожалуйста, мисочку воды для нашей собачки. — Петулька преданно уселась у ее ног и, склонив голову набок, смотрела, как Эдна задумчиво дергает себя за нижнюю губу.

— А что желает леди? — поинтересовался официант.

— До чертиков обожаю все итальянское, — пробасила Эдна и сунула вилку в рот.

— Как хорошо хотя бы на денек выйти из больницы, верно? — ласково обратилась Молли к Эдне, как будто ту отпустили погулять из сумасшедшего дома. Официант сочувственно улыбнулся.

Двадцать минут спустя, после самого удивительного завтрака в жизни Молли, они ехали обратно в приют. Путь лежал мимо городских магазинов. Мимо фотوماгазина под названием «Редкий кадр», мимо велосипедного магазина «Восьмерка», мимо антикварной лавки с названием, выведенным старинной вязью: «Золотая ржавчина». Молли представила себе шикарные вещи, которые ей всегда хотелось иметь, и почувствовала себя на верху

блаженства. У мисс Гадкинс на банковском счету наверняка сложены *тонны* приютских денег. И надо только загипнотизировать мисс Гадкинс, чтобы она взяла Молли в поход по магазинам. Молли покосилась на Эдну — та сияла идиотской ухмылкой, широко разинув рот. Она была полностью во власти Молли. Интересно, всех остальных будет так же легко загипнотизировать, как Эдну? «Видимо, — решила Молли, — у меня есть природный талант».

— Эдна, — сказала Молли, — когда мы вернемся в приют, вы пойдете на кухню. Как только войдете в дверь, вы очнетесь. Вы забудете о нашей поездке в город. Не будете знать, что я вас загипнотизировала. Расскажите мисс Гадкинс, что я спускалась к вам за таблеткой от головной боли и что, по-вашему, я все еще серьезно больна. Понятно?

Эдна кивнула.

— И с этой минуты, если я хлопну в ладоши один раз, вы тотчас же снова впадете в транс и будете выполнять все, что я скажу. А когда я хлопну в ладоши два раза, вы выйдете из транса и не будете помнить ничего из того, что с вами произошло. Понятно?

Эдна снова кивнула. Ее рот был широко раскрыт, нижняя челюсть свисала, как у куклы. Потом, изо всей силы вдавив в пол педаль газа и нажав на клаксон, она на полной скорости повела автомобиль в гору.

Профессор Нокман спал беспокойно. Ему мерещились маятники и вертящиеся узоры. Проснулся он оттого, что под окнами его номера в брайерсвилльской гостинице загрохотал и громко засигналил автомобиль. Он протер глаза и провел языком по покрытым желтоватым налетом зубам. «Да здесь шумнее, чем в Чикаго», — проворчал он, выпутал медальон со скорпионом из тесемок на фуфайке и потянулся за стаканом воды.

После неудачи в библиотеке профессору пришлось задержаться в Брайерсвилле. Он решил, что если почаще нажимать на бестолковую библиотекарьшу, та сумеет отыскать книгу. А может быть, ему удастся увидеть человека, который ее читает. Брайерсвилль — городок маленький.

С самую четверга он бродил по улицам, высматривая людей с книгами в руках. Матери с маленькими детьми переходили на другую сторону дороги, чтобы не сталкиваться с ним, а какая-то компания подростков обозвала его психом. Профессор не обратил на них внимания. Ему нужна книга доктора Логана, и он был полон решимости ее отыскать.

Ему необходимо было узнать секреты, скрытые под ее обложкой. У него были на это свои причины, и они не имели ничего общего с музейными исследованиями.

Профессор Нокман очень много знал о жизни великого гипнотизера. Он читал о том, как Логан вырос в Брайерсвилле и переехал в Америку, где работал на сцене, гипнотизировал публику, прославился и разбогател. Нокман изучил пожелтевшие вырезки из старых газет, где описывались чудеса, демонстрируемые доктором на сцене. Эти чудеса сделали доктора мировой знаменитостью своего времени. Нокман даже посетил Гипнос-Холл — дворец, построенный Логаном на деньги, заработанные им за годы сценической карьеры.

Но особенно поразило профессора то, что доктор Логан, оказывается, написал книгу, в которой рассказал все, что знал о гипнозе, и учил всех желающих своему великому искусству. Книга вышла очень малым тиражом и быстро стала библиографической редкостью. Профессору Нокману удалось выяснить, что чуть ли не единственный сохранившийся экземпляр находится в библиотеке города Брайерсвилля. С этой минуты он думал только об одном: как бы раздобыть эту книгу. Он почти добрался до нее, но глупая библиотекарша умудрилась ее потерять.

При мысли о библиотекарше Нокман буквально затрясся от ярости. Так бы и вцепился в ее тощую шею!.. Кровь бросилась ему в голову. Побагровев как помидор, он потянулся к телефону.

— Дежурная? — сердито сказал он. — Принесите мне чашку библиоте... простите, чашку кофе.

Как он мечтал об этой книге! Никогда еще он ничего не желал так сильно! Ни разу за всю свою бесчестную жизнь он не был ТАК одержим одной-единственной мыслью. От находки зависели грандиозные планы, вся его будущая жизнь! *Никто* не посмеет встать у него на пути, и он не вернется в Штаты, пока эта книга не окажется у него в руках!

Глава восьмая

Когда Эдна и Молли приехали обратно в приют, там было пустынно и тихо: мисс Гадкинс еще не вернулась из города, а дети — с прогулки. Петулька отправилась погулять по саду, а Молли, очень довольная, поднялась к себе на чердак. Она села на кровать и задумалась. Какая необычайная удача! Загипнотизировать Эдну — это казалось радостным сном. Молли размышляла о своих новых возможностях, а откуда-то снизу доносилась тихая музыка. От усталости у девочки начали слипаться глаза. Когда она гипнотизировала Эдну, произошло что-то странное. Тогда они как будто светились изнутри, а сейчас стали тусклыми и тяжелыми. Молли перелистала книгу — не написано ли там что-нибудь о светящихся или усталых глазах? В главе «Как загипнотизировать толпу» нашелся раздел под названием «Все дело — в глазах».

«Чтобы загипнотизировать большую толпу, нужно полагаться только на свои глаза. Это занятие очень утомительно для глаз. Рекомендуем следующие упражнения».

Дальше шли схематические рисунки. Глаз, смотрящий влево. Глаз, смотрящий вправо. Глаз, смотрящий на далекие и близкие предметы. Потом ей попался заголовок «Упражнение с зеркалом».

«Встаньте перед зеркалом и смотрите прямо в глаза своему отражению. Старайтесь не моргать. Вскоре ваше лицо изменит форму. Не пугайтесь. Вы почувствуете, будто ваши глаза светятся изнутри, именно этого свечения вы должны добиться, чтобы гипнотизировать людей с помощью глаз. Только так можно загипнотизировать толпу».

Так значит, Молли загипнотизировала Эдну с помощью глаз? А девочка была уверена, что больше всего ей помогли ложка, послужившая маятником, и голос. Она подошла к зеркалу и всмотрелась в свое лицо. Оно, как всегда, было розовое, пятнистое, нос картошкой. Молли вгляделась в свои зеленые, близко поставленные глаза. Отражение встретило ее напряженным взглядом. Десять секунд, двадцать, тридцать... Глаза задрожали и вдруг начали расти. Они становились все больше и

больше. Музыка снизу доносилась все тише и тише — как будто уплывающая куда-то далеко-далеко. Молли сосредоточенно смотрела в свои глаза, стараясь не моргать. Она пыталась вновь вызвать то странное, незнакомое чувство — как будто глаза светятся изнутри. И вдруг случилась удивительная вещь. Будто по мановению волшебной палочки лицо Молли растворилось, и на его месте в зеркале возникла совершенно *незнакомая* физиономия. Волосы стали оранжевыми и торчали в разные стороны, словно колючки. Крыло носа продырявила большая английская булавка, а веки покрылись яркой сине-белой косметикой. Молли предстала перед собой в облике панка. По ногам у девочки поползли мурашки, глаза будто бы вспухли и засияли. Они пульсировали, то включаясь, то снова выключаясь, словно луч маяка. Именно такими, как утверждала книга, должны стать глаза гипнотизера, желающего загипнотизировать толпу. Молли лихорадочно заморгала и через минуту с радостью снова увидела в зеркале собственное лицо. Ощущение было странным. Неужели она загипнотизировала саму себя через зеркало?! Может быть, книга объяснит, что произошло?!

Молли пролиставла раздел под названием «Упражнение с зеркалом». И действительно, там нашелся параграф «Загипнотизируйте себя».

«Представьте себя в том облике, какой вы хотели бы иметь, — советовала книга. — Например, если вам хочется стать добрее, или смелее, вообразите себя таким, и тогда в зеркале вы увидите свое измененное отражение».

Молли озадаченно оторвалась от книги. Она никогда не воображала себя панком, однако в зеркале предстала именно такой! Как будто она подсознательно хотела стать панком и с помощью гипноза увидела свою истинную индивидуальность. Кто такие панки? Она всегда считала их людьми непокорными, бунтовщиками. А Молли очень хотелось взбунтоваться. Видимо, подсознание шло на один шаг впереди нее и теперь продемонстрировало, кем она в глубине души хотела бы стать.

Молли спрятала книгу под матрац, села и задумалась — какие еще скрытые черты своего характера она могла бы извлечь на белый свет с помощью гипноза? Потом, все еще размышляя, девочка взяла карандаш и принялась ковырять дырку в куске мыла. Выдернула шнурок из бахромы на покрывале и просунула его в дырку. Получился самодельный маятник. Правда, не очень хороший, но на первое время сойдет. Хотя Молли и устала, соблазн испробовать маятник на Эдне, пока остальные не

вернулись, был слишком велик. Молли накинула халат и спустилась по лестнице.

По дороге она прошла мимо Петульки, и та весело затрусила за девочкой. Миновав крутую лестницу, Молли очутилась на шахматных каменных плитках вестибюля. Тут Молли опять услышала музыку — она доносилась из телевизорной. К удивлению девочки, оттуда же слышался хриплый голос Гизелы. Та пела. Наверное, ей удалось каким-то образом увильнуть от субботней прогулки.

Молли на цыпочках прошла по коридору и тихонько заглянула в гостиную. Гизела была облачена в кошачий костюм, приготовленный специально к конкурсу талантов, — белый свитер, белые колготки, белые чечеточные туфли и белые пушистые ушки на ленте. В руке она держала белый хвост и, помахивая им, танцевала и пела.

*«Простите за то, что гоняю я пташек,
Простите за то, что ловлю я мышей.
Люблю воровать молоко я из чашек...
А все потому, что я — киска! Окей!
Мяу-мяу!»*

Гизела отплясывала чечетку, широко распахнув глаза и хлопая ресницами. Вид у нее был наиглупейший. Молли смотрела на нее и ужасно жалела, что у нее нет фотоаппарата. Потом ей пришла в голову другая мысль. Когда Гизела отвечивала поклон воображаемой публике, Молли вздохнула поглубже и вошла.

— А, Дрема, это ты... и с тобой эта вонючая псина. Надеюсь, тебе *не стало* лучше? — пробурчала Гизела. Петулька ответила рычанием.

— Да, мне лучше, спасибо, — ответила Молли и достала из кармана самодельный маятник. Она села перед Гизелой и принялась покачивать маятником, как будто играла с ним от нечего делать.

— Это еще чо такое? — поморщилась Гизела. — Тебе чо, приходится повсюду таскать с собой мыло, потому что у тебя от рук воняет?

Молли молча подняла маятник к лицу и принялась ритмично покачивать им из стороны в сторону.

— Ты чо делаешь?

— Ничего, просто рас-слаб-ляюсь, — ответила Молли.

— Не ври, — огрызнулась Гизела. — Ты хочешь меня загипнотизировать. Такие дуры, как ты, всегда считают, что гипноз бывает

по-настоящему.

Молли перестала раскачивать мыло.

— Ничего подобного, — быстро возразила она.

— Ты же круглая дура, — осклабилась Гизела, и Молли поняла, что с Гизелой нельзя действовать столь прямолинейно. Предыдущий успех вселил в нее излишнюю самоуверенность. Теперь Гизела начеку, и загипнотизировать ее будет гораздо труднее.

— Я и не думала тебя гипнотизировать. Это не маятник, а... а просто мыло на веревочке, чтобы не потерять его в ванне.

— Надеюсь, ты не собираешься принимать ванну, — язвительно проговорила Гизела, перематывая кассету. — Гадкинс будет недовольна, узнав, что ты нарушаешь ее наказание. Даже если ты с головы до ног испачкалась в рвоте, такой и оставайся. Тебе запрещено принимать ванну еще четыре недели.

— Да, я знаю, — подтвердила Молли. — Просто я готовлюсь заранее.

Гизела с отвращением взглянула на Молли.

— Редкостная дура, — произнесла она. Потом, глядя, как Молли выходит из комнаты, бросила ей вслед: — Кстати, слышала новость?

— Какую новость?

— Рокки нашел себе семью.

Молли показалось, будто ее с головы до ног окатили холодной водой. Еле шевеля губами, она пролепетала:

— К... когда?

Гизела злобно ухмыльнулась.

— Эти американцы, что приезжали вчера. Как ни странно, он им понравился. Чокнутые придурки. В общем, вчера вечером он уехал. Даже попрощаться к тебе не зашел, правда? А знаешь, почему? Он сказал мне, что хочет от тебя сбежать. Сказал, он сыт тобой по горло. Просил передать, что черкнет пару строк.

— Ты шутишь... выдумываешь... — выдавила из себя Молли.

— Ничуть я не шучу, хотя и нахожу это очень забавным, — холодно отрезала Гизела.

Молли впилась глазами в ее злое лицо.

— Врунья, — крикнула она и выскочила из комнаты. В душе у нее бушевала буря...

Рокки уехал?! Сама мысль об этом вселяла ужас. Молли не могла в это поверить. Потерять Рокки — это все равно что потерять руку, или ногу, или всю семью сразу, потому что Рокки был для нее единственной семьей, какую она знала. Гизела, должно быть, врет. Рокки *ни за что бы* не уехал,

не посоветовавшись с Молли. И вообще, он бы не уехал, если бы ее не усыновили *вместе с ним*. Таков был их давний уговор. Если они уедут, то только вместе! Гизела просто придумала новый, жестокий способ ее изводить.

Но в душе девочки клубилось страшное подозрение — а вдруг Гизела не врет? Выбегая из комнаты и летя вверх по лестнице, Молли не чувала под собой ног от леденящего страха. Ладони покрылись липким потом, хотя ее с ног до головы трясло от холода. На площадке второго этажа из двери мальчишечьей спальни лился желтоватый свет, теплый и знакомый. Молли подумала: стоит сейчас войти в их спальню, и все вещи Рокки окажутся на своих местах, радостно ее приветствуя. Она будет упрекать себя за то, что поверила в рассказы, выдуманные Гизелой. Но с каждым шагом идти становилось все труднее. А потом в глаза ей ударила ужасающая правда.

Кровать Рокки стояла голая, без простыней, три одеяла лежали свернутыми в аккуратные треугольнички, подушка была без наволочки. На тумбочке не валялось ни одного комикса. Распахнутый гардероб зиял пустыми полками.

Молли едва дышала. Незримый ужас стиснул ей горло, парализовал легкие, девочка не могла вдохнуть ни глотка воздуха. Она привалилась к дверному косяку, глядя на безымянную, осиротевшую кровать.

— Как ты мог? — прошептала Молли. На подгибающихся ногах она прошла через комнату и села на пустой матрац. Постепенно она сумела восстановить дыхание и начала мыслить логически. В душе она была уверена, что без веской, **ОЧЕНЬ** веской причины Рокки ни за что бы не уехал, не попрощавшись с ней. Да, они поссорились, но размолвка не была такой уж серьезной! И, хотя Рокки в последнее время часто куда-то пропадал, Молли все равно не верила, что он от нее устал. Уж это злобредная Гизела точно навывдумывала! Но как же объяснить его внезапное исчезновение? Он всегда был бродягой, на которого трудно положиться, но Молли считала этот его недостаток совсем мелким. Он **НЕ МОГ** просто так взять и *забыть* о том, что надо зайти к ней попрощаться! Они всегда были как брат и сестра. Отчего же он бросил ее? Странно...

С исчезновением Рокки у Молли не осталось ни единой близкой души. Если не считать Петульки. Младшие ребята, конечно, хорошие, но они слишком малы, чтобы дружить с ними по-настоящему. Страшно подумать, каково будет жить здесь без Рокки! Надо немедленно разузнать, где он, и поговорить с ним.

Еле переступая ногами, Молли, грустная и потерянная, побрела к себе на чердак. Будто в тумане, повернула кран в ванной и подставила лицо под

струю холодной воды. Ей казалось, что весь мир окутан белесой пеленой, и она никак не найдет в нем себя. Молли подняла глаза и посмотрела в зеркало. Вот они, близко посаженные зеленые глаза, полные жгучих слез. Она внимательно всмотрелась в свое отражение, вспомнив о том, что случилось в прошлый раз, когда она делала упражнение с зеркалом. Может быть, если она представит, что чувствует себя хорошо, ей и вправду станет лучше. Как бы повинуюсь пристальному взгляду девочки, черты ее лица начали смазываться. Снизу по-прежнему доносилась мяукающая музыка Гизелы, и Молли представила, что ей уже не так плохо. В тот же миг ее лицо в зеркале изменилось. Щеки округлились и порозовели, волосы стали мягче, светлее, волнистее. В них появились ленты. Она стала красивой! Как маленькая кинозвезда. Невероятно! По телу Молли снова стало разливаться щекочущее «чувство слияния». Подавленность свалилась с нее, точно засохшая корка грязи, и ее место занял всепоглощающий оптимизм. Подсознание снова показало Молли, какой она хочет и, главное, может стать.

Пока Молли взидала на свое незнакомое, блистательное отражение, ее осенила идея. Грандиозная, потрясающая.

Этот фокус с глазами она, можно считать, освоила. А ведь именно этот прием используется для того, чтобы загипнотизировать *толпу*. Через несколько дней на городском конкурсе талантов соберется *целое море* публики — и все будут смотреть на сцену. У конкурса обязательно должен быть победитель — тот, кто получит огромный денежный приз. Почему бы ей, Молли, не стать этим победителем?

Молли моргнула — и снова стала самой собой. В душе у нее поселилась надежда. Пусть даже Рокки уехал, она все равно отказывалась верить, что он ее возненавидел.

Она мгновенно приняла решение. Надо выяснить, где он, придумать способ выбраться из Хардвикского приюта и поехать к нему. Это будет нелегко, но Молли пообещала себе пустить в ход всю свою энергию и талант. Она найдет Рокки. Не успокоится, пока они снова не будут вместе.

Глава девятая

К воскресному утру Молли полностью воспрянула духом. Она чувствовала себя гораздо лучше, чем накануне, хотя все равно очень скучала по Рокки. На вечерней молитве, когда дети увлеченно перешептывались о том, как его усыновили, Молли было очень одиноко. Ей недоставало его голоса. Как же ей хотелось увидеть его снова, погладить черные волосы, закрученные тугими кудряшками, потрогать гладкую темную кожу, заглянуть в блестящие, такие добрые черные глаза! Ей не хватало его вылинявших джинсов, на которых каждую неделю появлялась новая дыра, рук, вечно испещренных крапинками от шариковой ручки. Но больше всего она скучала по его ободряющей улыбке. В глубине ее души зияющей пропастью разверзлась пустота. Машинально проговаривая слова гимна, Молли постаралась взять себя в руки. От грустных мыслей ее отвлек соблазнительный аромат, долетевший из столовой. Слушая вполуха вечерние объявления мисс Гадкинс, Молли почувствовала, что рот ее наполняется слюной.

— Первое объявление таково. Джемма и Джерри, на следующей неделе вы будете каждый день мыть окна, потому что перешептывались на вечерней молитве. Может быть, отъезд Рокки Скарлета — интересное событие для вас, но никак не для меня. На вечерней молитве всегда должно быть тихо. — Мисс Гадкинс фыркнула, Джемма и Джерри мрачно переглянулись. А мисс Гадкинс на всех парах мчалась дальше.

— Второе объявление. Завтра состоится Брайерсвилльский конкурс «Мы ищем таланты». Полагаю, некоторые из вас захотят в нем участвовать. Конкурс начнется в час дня. Вы строем пойдете из школы в парадный зал городской ратуши. Приз составляет, как вы знаете, смехотворную сумму в три тысячи фунтов стерлингов, и, если кто-нибудь из вас выиграет, горячо надеюсь, что он внесет эти деньги в фонд добровольных пожертвований на нужды приюта. Понятно?

— Да, мисс Гадкинс.

— После ужина устроим краткий предварительный просмотр. — Мисс Гадкинс посмотрела на Молли и улыбнулась всеми своими вставными зубами. Затем улыбка слетела с ее лица. — Молли Мун, вижу, ты уже выздоровела. Во время ужина будешь сидеть за отдельным столиком. Я не хочу, чтобы другие дети подцепили ту же гадость, которой болела ты.

— Хорошо, мисс Гадкинс.

Молли прошла вслед за остальными в столовую. Никто с ней не заговаривал, да ее это, впрочем, и не заботило. Столовая заметно изменилась. Все столы, и большие и маленькие, были застелены салфетками, на них горели свечи. Эдна с победоносным видом стояла возле огромной кастрюли, полной горячих спагетти с горохом и зеленью. От кастрюли исходил весьма аппетитный запах.

— Спагетти примavera, — торжественно объявила Эдна. — Точь-в-точь как моя матушка готовила. — И, высоко подняв буханку промасленного хлеба с оливками, гордо провозгласила: — И мой собственный рецепт — домашний хлеб «чабатта». — В буханку, как и во все остальное, лежащее на столе, был воткнут маленький красно-белозеленый итальянский флажок. За Эдниной спиной на стене висела карта Италии.

— Эдна, ты что, с ума сошла? — холодно поинтересовалась мисс Гадкинс.

— Нет, — парировала та. — Просто у меня глубоко в душе гнездится любовь к Италии, и время от времени она прорывается наружу.

— Что-то раньше она никак не проявлялась.

— Это перед вами она никак не проявлялась, — возразила Эдна. — Но все когда-нибудь случается в первый раз...

— Ну что ж, надеюсь, хотя бы для меня ты приготовила нормальную еду. Не нужна мне эта итальянская дрянь.

— Разумеется, мисс Гадкинс.

Не говоря больше ни слова, мисс Гадкинс направилась к своему столу, на котором стояла тарелка с печеночным пирогом. Пока блюдо остывало, она налила себе стаканчик хереса и с жадностью опорожнила его, а ребята тем временем выстроились в очередь за ужином. Молли обратила внимание, что Эдна положила Гизеле, Гордону и Роджеру спагетти из особой миски. По-видимому, это были особенно острые, переперченные спагетти. Значит, Эдна хорошо запомнила все наставления Молли. Пораженная своими способностями, девочка заняла свое место за отдельным маленьким столиком у окна. Отсюда ей было хорошо видно всю столовую.

Эднины спагетти с овощами были необычайно вкусны. Молли видела, какими удивленными стали лица младших детей, стоило им попробовать это блюдо. Джемма, Джерри, Руби и Джинкс накинулись на свои порции, словно боялись, как бы их кто-нибудь не отобрал. Без сомнения, это был самый вкусный ужин, какой Эдна приготовила за всю свою жизнь. Однако Гизела, Роджер и Гордон реагировали на лакомство совсем иначе. Отведав

ложку макарон, они поспешно выплюнули их.

— Воды, скорее! — прохрипела Гизела. Но Гордону Бойлзу было не до нее — в этот миг он словно забыл, кто здесь главный. Торопливо наполнив свой стакан, он осушил его одним глотком.

— Гордон, черт возьми! — рывкнула Гизела. Наконец, Гордон налил воды и для нее, затем кувшин схватил Роджер.

— Какая... гадость, — прошептала Гизела, тыкая спагетти вилкой.

Но тут в четырех столиках от нее загрохотал голос Эдны:

— Что ты сказала? — Кулинарное мастерство Эдны заметно улучшилось, но характер ее остался таким же свирепым. Она прошествовала через столовую, и дети у нее на пути вжимались в стулья. — Как ты посмела назвать мою еду, Гизела Хеккерсли, дрянь этакая?!

— Мне показалось, она немного островата, — робко отозвалась Гизела. Она не привыкла, чтобы ее ругали.

— Островата? Да ты что, бестолочь, ума лишилась? Я, черт возьми, приготовила спагетти примavera! Это же *итальянское блюдо*! Этот рецепт родился в стране оперы и оливковых рощ. Если ты не можешь почувствовать в моих спагетти красоту и тепло зеленых холмов, если считаешь, что южное солнце в моей еде греет чересчур жарко, то ты, Гизела Хеккерсли, черт тебя дери, круглая безмозглая дура!

Гизела уткнулась в тарелку, ее брови дергались то вверх, то вниз. Похоже, Эдна сошла с ума.

— Очень вкусно, Эдна, — громко похвалила еду Молли. Гизела метнула в нее яростный взгляд.

Эдна благодарно улыбнулась.

— Спасибо, Молли, — просияла она.

— Молли Мун! — закричала на всю столовую мисс Гадкинс. — Может быть, тебе и нравится стряпня Эдны, но ты разве не знаешь, что правила приюта запрещают кричать через *всю столовую*? После ужина зайдешь ко мне в кабинет, я тебе назначу наказание. — Она залпом допила стакан хереса и пьяно икнула.

«Замечательно, — думала Молли, глядя на Эдну. — Интересно, помнит ли она другие мои указания?» Эдна тем временем сверлила мисс Гадкинс гневно пылающим взглядом. На ее щеках выступили красные пятна, лицо судорожно подергивалось.

— Что случилось, Эдна? — ледяным тоном спросила мисс Гадкинс.

Лицо Эдны наливалось краской все сильнее и сильнее. Казалось, она вот-вот взорвется, как набухший вулкан. И, наконец, извержение началось.

— Случилось? Как — *что случилось?* Молли Мун всего-навсего похвалила мою еду, а ты, Агнесса Гадкинс...

Мисс Гадкинс изумленно разинула рот, и оттуда вывалился кусочек жареной печенки. Никогда прежде Эдна не осмеливалась возражать ей и тем более не звала по имени при детях.

— Она похвалила мои спагетти примavera... пусть даже громко, но я люблю, чтобы меня хвалили громко, и, больше того, мне нравится она сама. *Она мне чертовски нравится* — даже больше, чем итальянская кухня, а итальянскую кухню, черт ее побери, я люблю больше всего на свете! А ты... ты ПОСМЕЛА ЕЕ ОТРУГАТЬ! — Эдна ткнула в мисс Гадкинс итальянским флажком и взревела: — Ах ты, разрази тебя гром, только попробуй наказать Молли Мун! Я за нее, чертовку, костями лягу!

Мисс Гадкинс отложила нож и вилку и встала.

— Эдна, мне кажется, тебе нужен небольшой отпуск.

— Отпуск? Еще чего! Моя работа только начинается! У меня впереди целая прорва дел! Я должна изучить всю итальянскую кухню! — Эдна прижала итальянский флаг к груди, точно давала клятву, и, ко всеобщему изумлению, вскарабкалась на стул, а оттуда — на стол. — Потому что я хочу стать *лучшим* итальянским поваром *в мире!*

Все онемели. Мисс Гадкинс на подгибающихся ногах заковыляла к двери.

— Эдна, — сурово заявила она. — Я поговорю с тобой позже.

— А ужин что, не собираешься доедать? — крикнула ей Эдна со своих заоблачных высот.

— Нет. Мне тоже кажется, что мой пирог переперчен.

Гизела вполголоса пробормотала ей вслед:

— Старая калоша. Попробовала бы ты мои спагетти.

Глава десятая

После ужина Молли покорно направилась к дверям мисс Гадкинс и постучала. Директриса открыла дверь и, увидев Молли, поспешно прижала к лицу носовой платок.

В гостиной у мисс Гадкинс было темно, обшитые деревянными панелями стены покрывала шоколадно-коричневая краска, громоздкая мебель сливового цвета словно заполняла собой все пространство. На полу лежал узорчатый серый ковер, пахло нафталином и хересом, к этому примешивался едва ощутимый запах антисептического полоскания для рта. У стен стояли два стола, накрытых кружевными скатертями, но на них не было ни одной фотографии в рамке, поскольку мисс Гадкинс не имела ни семьи, ни друзей. Комнату освещали три лампы под абажурами с бахромой, в их свете едва различались картины на стенах. На всех картинах были изображены темные леса, темные реки и темные пещеры. Пока Молли размышляла, до чего же тут зловеще, к ней подскочила Петулька. Она положила к ногам девочки камушек и лизнула в коленку. Молли погладила собачку.

— Веди себя прилично, Петулька, — проговорила мисс Гадкинс. Потом приказала: — Сидеть. — Молли и Петулька дружно сели, Петулька на пол, Молли — на жесткую табуретку у потухшего камина. На мгновение в комнате воцарилась тишина, слышно было лишь, как мисс Гадкинс причмокивает вставной челюстью да, казалось Молли, громко колотится ее собственное сердце. Молли ужасно волновалась. Мисс Гадкинс была ее самой серьезной противницей. Вдруг ничего не получится? Тем более что под рукой нет ни деревянной ложки, ни чего-нибудь подобного, чтобы послужить маятником и отвлечь внимание директрисы. Но решимость девочки подогревалась ее ненавистью к мисс Гадкинс. Молли была уверена, что та сознательно, а значит, злонамеренно устроила так, чтобы Рокки уехал, не попрощавшись с ней.

Тишину нарушили часы с кукушкой. Они издали ржавый, гулкий скрежет и громко возгласили: «Ку-ку!» Молли подскочила. Мисс Гадкинс только фыркнула. Часы прокуковали еще шесть раз. Молли следила, как пыльная деревянная птица со сломанным клювом снова и снова выскакивает на пружине из своего скворечника. Наконец она прокуковала последний раз и окончательно исчезла внутри. Мисс Гадкинс выглянула из окна и заговорила.

— Как тебе известно, Рокки уехал. На нем лежало множество обязанностей, и теперь их придется исполнять кому-то другому. Я решила возложить их на тебя, потому что ты из тех детей, кому тяжелый труд будет только на пользу. Эта твоя выходка в столовой, спровоцировавшая Эдну, была крайне вульгарной. Вину я возлагаю целиком на тебя.

Когда мисс Гадкинс повернулась к Молли, та сидела, опустив глаза.

— Будь любезна, смотри на меня, когда я с тобой разговариваю.

Молли скрипнула зубами и посмотрела на директрису. Едва войдя в комнату, она принялась «будить» в своих глазах то, особенное чувство, и теперь, стоило ей взглянуть в скучные, безрадостные глаза мисс Гадкинс, как вся недавно обретенная сила, подобно лазерному лучу, впиалась в самые глубины старушечьего мозга. Мисс Гадкинс дернулась и отвела взгляд. Ей стало как-то беспокойно.

— Благодарю, вот так-то лучше, — кое-как выдавила она из себя, стараясь говорить обычным тоном. Она поежилась, опасаясь, не вызвано ли это странное, внезапно нахлынувшее на нее чувство приступом учащенного сердцебиения. Впрочем, хлебнув хереса, она почувствовала себя немного лучше.

— Как я уже сказала... — Ледяные глаза мисс Гадкинс снова нашли глаза девочки. Взгляд Молли притягивал старуху, как яркий свет — бабочку. Она не могла отвести глаз и все смотрела, смотрела. И вдруг случилось нечто странное.

Вся злоба мисс Гадкинс куда-то исчезла, и вместе с ней испарились и мысли. Она не помнила, что собиралась сказать. Она понимала только, что ей очень, очень приятно смотреть в зеленые глаза Молли, они расслабляют ее, навевают теплый сон. И вдруг мисс Гадкинс будто куда-то провалилась. Глаза Молли запульсировали, по телу разлилось уже ставшее привычным чувство слияния. Голова мисс Гадкинс свесилась набок, язык вывалился изо рта, вытолкнув вставную челюсть. Нервы Молли напряглись до предела. Теперь директриса была в ее полной власти. Молли заговорила, и ее голос звучал для мисс Гадкинс как ангельское пение.

— Агнесса — Гадкинс — слушайте — меня — внимательно. Вы — находитесь — в моей — полной — власти. — Голос Молли шелестел, как волны, накатывающие на берег. Мисс Гадкинс кивнула. — С этой минуты вы никогда не обвините меня ни в чем плохом, понятно? Вы полюбите меня так же, как любит меня Эдна... и еще в десять раз сильнее. Вы дадите мне все, о чем я попрошу. — Мисс Гадкинс покорно кивала. — И в первую очередь я хочу узнать номер телефона Рокки. Скажите мне его сейчас же.

Мисс Гадкинс покачала головой и монотонно, как робот, сказала:

— У — меня — нет — записей — я уничтожила — номер. — Молли оторопела. Видимо, мисс Гадкинс была загипнотизирована не так глубоко, как ей казалось, раз у нее остались силы сопротивляться. Молли усилила мерцание в глазах.

— Мисс Гадкинс, вы ДОЛЖНЫ сообщить мне номер, — с нажимом произнесла она.

— Я — говорю — правду, — механически ответила мисс Гадкинс. — Я — никогда — не — веду — записей. Всегда — уничтожаю — записи — о детях — когда — они — уезжают. Всегда — приятно — видеть — как — они — уходят. Хорошо — бы — они — все — ушли — и — оставили — меня — в покое. Все, кроме тебя, Молли, — всхлипнула мисс Гадкинс. — Молли, не уходи...

Молли пропустила мимо ушей ее мольбы. Вот как. Значит, мисс Гадкинс уничтожает записи о детях. Какая мерзость!

— Вы должны вспомнить название города, куда он уехал, — сурово приказала Молли. — Или фамилию его приемных родителей. Я хочу, чтобы вы вспомнили!

Мисс Гадкинс послушно заглянула в самые глубины своего опутанного гипнотической паутиной разума.

— Семью — звали... Алабастер, а город... город... не помню... Длинный — адрес — где-то — в Америке — недалеко — от Нью-Йорка.

— Вы ДОЛЖНЫ вспомнить! — Молли едва не разбудила мисс Гадкинс. Она снова подкачала в глаза побольше гипнотической силы. — Должны вспомнить название города. — Мисс Гадкинс тупо стояла, вращая глазами. — Ну же, — поторопила Молли. — Думайте!

— То ли Полчестер, то ли Пилчестер, то ли Порчестер, — пробормотала мисс Гадкинс. — Что-то — в этом — роде.

— Где хранятся записи? — требовательно спросила Молли. — Покажите. Не могли же вы выкинуть все о Рокки. Я вам не верю.

Мисс Гадкинс покорно побрела к серому канцелярскому шкафу в углу.

— Здесь, — показала она. — Вот — все — папки.

Молли оттолкнула мисс Гадкинс и подскочила к шкафу. Записей о Рокки там действительно не было. Зато Молли отыскала папку со своим собственным именем и вытащила ее.

Мисс Гадкинс стояла у стола, как часовой. Молли нетерпеливо развязала шнурки и увидела внутри «своей» папки только метрику да единственный листок.

— И это все, что у вас есть про меня? Больше ничего... никаких сведений?

— Все, — подтвердила мисс Гадкинс.
Молли прочитала записи на листке и похолодела.

*Имя: Молли Мун
Дата рождения: ?
Место рождения: ?
Родители: ?
Как попала Хардвикский приют: подкидыш
Описание ребенка: ?*

А чуть ниже корявым почерком мисс Гадкинс было приписано: «Ребенок ничем не примечательный. Без способностей. Отстающая. Непривлекательная». И все.

Молли незрячими глазами уставилась на листок. Никогда в жизни она не чувствовала себя таким ничтожеством. Она открыла метрику, которой никогда не видела, лишь помнила, как однажды ее фотографировали для документа. Мисс Гадкинс всегда держала детские метрики наготове на тот случай, если каким-нибудь иностранцам вдруг захочется усыновить ребенка. С первой страницы маленькой книжечки взволнованно улыбалась шестилетняя Молли. Молли помнила, как она радовалась, что ее фотографируют, и как мисс Гадкинс потом ругалась на нее за эту улыбку. Молли стало очень жалко маленькую девочку на снимке. С ненавистью глядя на негнущуюся спину старой девы, она подумала — как же человек может жить, если в нем нет ни капли доброты? Потом, окинув взглядом неуютную комнату, она вдруг загорелась любопытством. Интересно, какие данные содержала бы папка самой мисс Гадкинс? Об этом она и спросила директрису.

От слов мисс Гадкинс мрачная комната стала еще темнее и холоднее.

— После — моего — рождения — моя мать — попала — в психиатрическую — лечебницу. Отец — пил. Я ушла — жить — к тетке. Она — была — злая. — Она меня — била. Дядя — тоже — бил меня. — Они были — очень, очень — строгие.

Такого Молли не ожидала. На миг ее охватила жалость к мисс Гадкинс. Видимо, ей в жизни пришлось похуже, чем Молли. Но девочка быстро взяла себя в руки и выкинула сочувственные мысли из головы. Она достала из папки свою метрику и листок с записями и сунула их в карман. Потом вытерла об юбку вспотевшие ладони и сказала:

— А сейчас, мисс Гадкинс, я погружу — вас — в транс — еще — глубже — и вы — будете — повиноваться — всему — что — я — скажу.

Мисс Гадкинс кивнула, как заводная игрушка, и Молли облизала губы. Всю свою жизнь Молли была мишенью для ее издевательств. Пришла пора отмщения.

Через двадцать минут Молли вышла из комнаты мисс Гадкинс. Петулька трусила за ней. Девочка чувствовала в себе такие силы, о которых раньше даже и не подозревала.

Генеральная репетиция к конкурсу талантов была назначена на восемь часов, в парадном зале. Молли села на верхнюю ступеньку лестницы, чтобы получше видеть. Когда мисс Гадкинс вступила на импровизированную сцену, наскоро устроенную перед камином, Молли глубоко и удовлетворенно вздохнула. Мисс Гадкинс вырядилась на славу! На ней была розовая ночная рубашка с оборочками и высокие резиновые сапоги. На голову она напялила лифчик, а на шею вместо ожерелья повесила на веревочке свою вставную челюсть.

— Добрый вечер, дорогие мои, — ласковым голосом пела она. Без вставных зубов ее рот превратился в бесформенную, словно резиновую, полость. Директриса задрала рубашку, продемонстрировав всем свои панталончики. — Оп-ля!

Ребята притихли и оторопело уставились на белые, морщинистые ноги мисс Гадкинс. Перемена, произошедшая в директрисе, была разительной и страшной. Как будто в комнате вдруг приземлился марсианин.

— Начинаем представление! — торжественно провозгласила мисс Гадкинс. Щелкая в воздухе вставными челюстями, словно кастаньетами, и притопывая резиновыми сапогами, она пустилась плясать зажигательное фламенко. Танцующим шагом она сошла со сцены и уселась на стул возле стены.

Отовсюду слышались сдавленные, испуганные смешки. Тут мисс Гадкинс на миг стала самой собой и раздраженно проскрипела:

— Гордон Бойлз! Сейчас же выплюнь жвачку! — Гордон вжался в стул. Он бы предпочел, чтобы его отругала прежняя мисс Гадкинс. От вида преображенной директрисы у него мурашки ползли по коже.

— Простите, мисс Гадкинс, — пискнул он, вытащил жвачку изо рта и сунул ее в карман. На сцену вышла Молли.

Синтия и Крейг хором завывали:

— Фу-у! Прочь со сцены, Дремота и Зевота!

Молли уставилась на свои пыльные ботинки и, сосредоточившись, начала накачивать энергию в глаза, все сильнее и сильнее.

— Что стряслось? Забыла свою колыбельную? — вопили ребята.

— А ну, *хватит*, — рывкнула мисс Гадкинс и лязгнула в воздухе зубами-кастаньетами. — Кто будет шуметь — укушу!

Все моментально притихли. Молли медленно подняла глаза. Из них исходили яркие лучи; они шарили по зрителям, будто прожектора — по темному морю, лучи схватили, обездвжили, пригвоздили к месту каждого, кто встретился с ними взглядом. Молли казалось, будто она играет в компьютерную игру. Когда ее глаза брали в плен очередную жертву, девочка чувствовала, как рушатся защитные барьеры противника. Ее взгляд медленно скользил по рядам. Самыми легкими жертвами стали Джемма, Джерри, Руби и Джинкс, но даже ребята постарше оказались нетрудной добычей. Взгляды, в которых неизменно сквозили презрение и неприязнь к Молли, один за другим гасли и становились тусклыми, невыразительными. Гордон, Роджер. Вдруг кто-то похлопал Молли по плечу.

— Моя очередь первая, — послышался гнусный шепоток Гизелы. Молли обернулась и бросила взгляд на противницу. Узкие глазки Гизелы с вызовом уставились на Молли. Внезапно ее лицо странно задергалось. Гизела не понимала, что творится с ее глазами. Она смотрела на Молли — противную, некрасивую, которую она обычно не удостаивала и секундным вниманием, и чувствовала, что собственные глаза отказываются подчиняться хозяйке. Гизела пыталась отвести взгляд, но не могла — Моллин взгляд словно притягивал ее. И, подобно пловцу в реке, который, уносимый течением, отчаянно цепляется за берег, а потом все-таки разжимает руки, Гизела в конце концов не выдержала. Она сдалась.

В комнате наступила мертвая тишина. Все сидели, как громом пораженные, широко распахнув глаза. Молли огляделась, очень довольная собой: в этот раз ей не пришлось даже пускать в ход голос!

— Через минуту я сяду. Потом хлопну в ладоши. После этого вы выйдете из транса и не будете помнить, что я вас гипнотизировала. И с этой минуты, как только вы вспомните те гадости, которые вы когда-нибудь говорили или проделывали с Молли Мун, вы будете бить себя по голове тем, что в этот момент окажется у вас в руках.

Молли спустилась со сцены, села на свое место и громко хлопнула в ладоши. Ей не хотелось под гипнозом внушать всеобщую любовь к себе. В этом не было нужды. Она всего лишь хотела убедиться, что может загипнотизировать толпу, и ей это удалось. Когда комната вокруг нее стала понемногу оживать, Молли вытащила из кармана листок бумаги, найденный в папке у мисс Гадкинс, и с отвращением разорвала его.

До сих пор, всю ее жизнь, Молли Мун доставались лишь синяки и шишки. Теперь же она намеревалась получить все, что причиталось ей по

праву! Так пусть же ее жизнь станет похожей на волшебный мир рекламных объявлений! Этот мир совсем близко, он ждет ее. Поеживаясь от радостных предчувствий, Молли начала представлять себе все то, чем она всегда хотела обладать, но никогда не имела. Она набьет карманы деньгами, выигранными на конкурсе талантов, но это будет только начало. Овладев гипнозом, она никогда больше не будет нуждаться в деньгах. Что же касается людей — Молли твердо обещала себе, что больше *никому* не позволит толкаться, щипать, обижать, командовать, не обращать на нее внимания! Она добьется успеха, и пусть весь мир взирает с благоговением на то, как из невзрачной скорлупы в него является новая, блестящая, ослепительная Молли Мун!

Глава одиннадцатая

На следующее утро обитатели Хардвикского приюта проснулись оттого, что по комнатам поплыл аромат теплых круассанов и пиццы. Запах свежей выпечки прекрасно соответствовал радужному настроению Молли.

В столовой царила, заполняя все вокруг и даже переливаясь через край, атмосфера Италии. Эдна притащила свой магнитофон, и из динамиков громко звучала опера. На столах были разложены книги об Италии.

— Что, Эдна, побывали в библиотеке? — спросила Молли и взяла с тарелки хрустящий круассан и сладкую булочку.

— Да. Видишь ли, обожаю все итальянское, — вежливо пояснила Эдна, как будто Молли сама об этом не знала. — Люблю Италию, а особенно — итальянскую кухню. Итальянцы молодцы, черт бы их побрал, они умеют жить. — Она налила Молли горячего шоколада.

— Позволь, Эдна, я сама ей налью. — Мисс Гадкинс, улыбаясь беззубым ртом, отобрала у упирающейся Эдны кувшин с шоколадом. — Молли, девочка моя, куда бы ты хотела сесть?

Услужливо, будто королевскую особу, она провела Молли через столовую и усадила на лучшее место у окна. Ребята робко перешептывались. На шее у мисс Гадкинс при каждом шаге по-прежнему покачивалась вставная челюсть. Этим утром вместо лифчика она водрузила на голову розовые панталоны. Она надела свой обычный кримпленовый костюм, только предварительно изрезала его ножницами сверху донизу, и теперь он светился дырами и прорехами, точно рыбачья сеть. Наряд походил на творение свихнувшегося модельера.

— Какой у вас красивый костюм, — похвалила Молли.

— О, спасибо, девочка, спасибо. Я его сама сделала. Всю ночь просидела с ножницами в руках.

Неожиданно откуда-то сзади послышался громкий визг. Мисс Гадкинс обернулась, и ее лицо приняло свое обычное злобное выражение (ибо в ее отношении к другим детям ничего не изменилось). Заметив, что происходит, она ахнула от ужаса. Гизела Хеккерсли изо всех сил молотила себя кружкой по голове. Горячий шоколад заливал ей лицо.

— Что с тобой, Гизела? — яростно завопила мисс Гадкинс. — Прости, Молли.

Послышался еще один крик — это Роджер вылил себе молоко на

волосы. Мисс Гадкинс клацнула челюстями-кастаньетами и ринулась на него, как разъяренный коршун.

— Ты провинился, Роджер Фиббин! За это я тебя укушу. — Прищелкивая челюстями на каждом шагу, она вприпрыжку подбежала к столику Роджера и пребольно ущипнула дрожащего мальчика вставными зубами за руку.

— Уй-й-я-а! — взвыл Роджер.

Молли зажмурилась. Ни под каким гипнозом она не внушала мисс Гадкинс быть *такой* злобной.

Эдна подошла к Молли и заговорщицки шепнула ей на ухо:

— По-моему, у Агнессы, черт бы ее побрал, слегка помутилось в голове.

Выходя из столовой, Молли заметила, как Гордон Бойлз яростно колотит себя по голове круассаном. Она бросила на него озабоченный взгляд.

В тот день Молли прогуляла воскресную школу. Все утро Эдна и мисс Гадкинс были в ее полном распоряжении. Кухарка готовила ей редчайшие лакомства, а директриса массировала ноги. Петулька восседала на коленях у девочки. К полудню Молли чувствовала себя прекрасно отдохнувшей и готовой ко всем послеобеденным испытаниям.

Все остальные дети отправились в городскую ратушу пешком, но для Молли Эдна подкатила к дверям микроавтобус, сама отнесла в машину ее рюкзак и распахнула перед девочкой заднюю дверь. Потом сама села на переднее сиденье рядом с мисс Гадкинс. Молли, держа на коленях Петульку, с ветерком доехала до брайерсвилльской ратуши.

Городская ратуша располагалась в каменном здании викторианского стиля. Позеленевшая от времени крыша была украшена резными башенками. Ступеньки крыльца расходились в обе стороны, будто висячие усы Лука Пороя из сказки про Чиполлино. Сегодня лестница была усеяна детьми, одетыми в яркие праздничные костюмы. Сверкали блестками нарядные платья, на головах мальчиков красовались высокие цилиндры. Одни были одеты в сценические наряды для пения или танцев, другие завернулись в широкие плащи фокусников, третьи приготовились исполнять сценку из пьесы, четвертые щеголяли широкими клоунскими штанами или кошачьими хвостами. Каждый приготовился демонстрировать на конкурсе свой талант. И при каждом ребенке были родители. Молли с трудом протолкалась через возбужденную толпу. Родители поправляли своим детям прически, подкалывали банты и шлейфы на платьях, давали последние наставления.

— Заткни их всех за пояс, Джимми. Покажи, на что ты способен!

— Салли, не забывай улыбаться, когда поёшь.

— Помни, Анджелика, самое главное — твои глаза.

«Вот уж верно», — подумала Молли, пробираясь вверх по лестнице.

Никто не обратил внимания на неуклюжую девчонку, с трудом проталкивающуюся через возбужденную толпу. Никто не заметил микроавтобуса, который остановился на дороге и терпеливо ждал ее возвращения.

Крепко прижимая к груди рюкзак, куда была надежно упрятана книга по гипнозу, Молли, наконец, протолкалась к столу, стоявшему в вестибюле.

— Имя? — осведомилась дама в очках со сверкающей оправой.

— Молли Мун.

— Адрес?

— Хардвикский приют для сирот.

Дама протянула Молли карточку с ее именем.

— Перед началом представления обязательно поднимись за кулисы, и тебе скажут, когда ты будешь выступать. Желаю удачи, — ласково улыбнулась дама.

— Спасибо, она мне понадобится.

По выложенному паркетом коридору Молли прошла в парадный зал. Там длинными рядами были выставлены металлические кресла с красными брезентовыми сиденьями; некоторые были уже заняты. Посреди зала Молли заметила небольшое возвышение с шестью креслами. Наверное, это были места для жюри.

В коридоре тем временем звенели голоса, распеваящие музыкальные гаммы. Участники конкурса разогревались перед выступлением. Молли прошла мимо Гизелы и Синтии, которые дружно скорчили ей рожи, и свернула в комнату за кулисами. Она словно попала в клетку, полную ярких птиц, причем все они пищали и кудахтали. Мама и папа хлопотали над своими детьми, дети хлопотали над костюмами. Воздух звенел от радостного возбуждения. При виде всех этих счастливых семей Молли Мун вздохнула от зависти. Она тихонько отошла в сторонку и села в уголке возле телевизора. Молли казалось, что по справедливости именно она должна победить на конкурсе. Все эти дети не знали в жизни и малой доли тех тягот, с какими пришлось сталкиваться ей. Но уверенность Молли в себе постепенно падала. Она уставилась в телевизор, надеясь, что он успокоит ее, а ладони ее между тем потели все сильнее и сильнее.

В рекламной паузе показывали ролик «кьюта». Тот же самый человек, который красовался на громадном плакате у въезда в Брайерсвилль, теперь

на экране опрокидывал себе в рот банку сладкого напитка. Молли почувствовала себя уютно, как дома, и сосредоточилась на знакомом тексте.

— О-о, как ты крут, дай отпить твой «кьют»! — повторяла она за женщиной в искрящемся купальнике. Потом отозвалась на мысли счастливого обладателя «кьюта»: — С банкой «кьюта» в руке мир кажется лучше! — Теперь, как знала Молли, глубокий голос где-то за кадром должен был произносить: — «Кьют»... утолит не только жажду!

Молли смотрела знакомые сцены и вдруг страшно заскучала по Рокки. Они часто веселились, разыгрывая рекламные ролики «кьюта». Как ей хотелось, чтобы они оба вдруг оказались на этом райском пляже! Но в этот миг в костюмерную зашла миссис Жаббс. Громкое чихание учительницы мигом вернуло Молли с небес на землю.

— А-а-а-пчхи-и-и! Ох, — горестно вздохнула она, вытирая нос платком. — Не ожидала увидеть тебя здесь. Вот уж не подозревала, что у тебя есть какие-то особые *таланты*.

— Скоро вы еще больше удивитесь, — холодно пообещала Молли.

— Знаешь, а ведь я заседаю в жюри, — сообщила миссис Жаббс и опять чихнула.

— Знаю, и мне не терпится выступить перед вами, — бодро заявила Молли, и миссис Жаббс заковыляла прочь.

Еще минут через пять в костюмерную вошел мужчина в сверкающем красном жилете и начал раздавать карточки с номерами.

— Можно мне выступить самой последней? — вежливо попросила Молли.

— Конечно. — Распорядитель выдал Молли табличку с номером тридцать два и забрал карточку с ее именем.

Когда конкурс начался, Молли вышла из костюмерной. Она встала за кулисами, с краю, там, где на высокой табуретке сидела женщина, поднимавшая и опускавшая занавес. Оттуда ей была видна вся сцена. После каждого выступления женщина тянула за веревку, и тяжелый бархатный занавес опускался, взметая вихрь пахнувшего пылью воздуха. Тогда конференсье — тот самый человек в красном жилете — выходил, вставал перед закрытым занавесом и объявлял следующий номер.

Молли внимательно смотрела за выступлениями конкурсантов. Танцовщицы, чечеточники, жонглеры, мимы, балерины, мальчик с барабанами, исполнивший пятиминутное соло на ударных инструментах, и девочка, изображавшая телезвезд. Кое-кто из детей выносил с собой ноты и отдавал их пианисту, восседавшему за белым роялем на краю сцены. Перед

Молли прошли чревовещатели, певцы, музыканты, клоуны. Многие не в силах преодолеть робость. Закончив выступление, каждый маленький актер спускался со сцены в зрительный зал. И каждый раз у Молли сосало под ложечкой от страха.

Она выглянула сквозь щелочку в занавесе, чтобы посмотреть на публику. В первом ряду сидела, радостно распахнув глаза, миссис Тринкелбери. Но Молли видела только первые несколько рядов, куда падал свет от рамп. Весь остальной зрительный зал был погружен в *темноту*. Она запаниковала. Если ей не видны глаза зрителей, как удостовериться, что они все смотрят на нее? Вдруг какая-нибудь мамаша в последнем ряду полезет в сумочку за носовым платком, или кто-нибудь в жюри наклонится завязать шнурок? Тогда они не будут смотреть Молли в глаза. А если хоть один человек останется незагипнотизированным, тайна Молли будет раскрыта. Молли не знала, как загипнотизировать толпу при помощи голоса. Глава об этом была вырвана из книги. Она была на грани провала!

— Номер двадцать семь, Гизела Хеккерсли! — На сцену выскочила Гизела. Молли готовилась насладиться восхитительным номером — накануне вечером она успела поработать со своей обидчицей. Но сейчас предвкушение победы над соперницей отступило на второй план. Девочку занимало только одно — как увидеть всю публику!?

Гизела начала танцевать. Танцевать? Вернее будет сказать, она неуклюже ковыляла по сцене, скакала и топала ногами, будто заколачивала гвозди. При этом она пела, или точнее, выкрикивала свою кошачью песню. Но слова в ней несколько изменились:

*«Простите меня за плохую фигуру,
Простите за то, что я бью малышей.
А все потому, что я полная дура,
И гнать меня надо отсюда взашей!»*

Она спустилась со сцены, лучезарно улыбаясь, словно ее выступление было достойно «Оскара». В зале наступило потрясенное молчание, лишь через минуту кое-где слышались жиденькие хлопки.

— О, Боже мой, — простонала женщина на табулетке. — С таким выступлением она вряд ли может рассчитывать на победу.

— Номер двадцать восемь, — объявил конферансье, и у Молли в животе начались колики. Уверенность вытекала из нее, как вода из разбитой чашки. Ее пугала темнота в зрительном зале. Молли села и

постаралась успокоиться, вызвать знакомое напряжение в глазах, но сомнения все так же терзали ее, мешая сосредоточиться. Провал был неминуем. И тут в отчаявшемся разуме Молли волшебным озарением возник спасительный план.

— Номер тридцать, — провозгласил конференсье.

Молли, не отрывая глаз, смотрела в пол.

Тридцатым номером выступал мальчик, подражавший голосам птиц. Публика восторженно заахала. Тридцать первой на сцену вышла девочка, одетая греческой богиней. Пока она пела, Молли изо всех сил пыталась взять себя в руки. Сейчас или никогда!

Она направила в глаза побольше энергии и тронула конференсье за плечо. Когда тот обернулся, она впилась взглядом в его глаза. Покончив с конференсье, Молли повернулась к женщине, раздвигавшей занавес — их глаза встретились... Номер тридцать первый закончил свое выступление. Когда стихли аплодисменты, на сцену выскочил веселый конференсье.

— А теперь, последняя по очереди, но никак не по своим талантам, — объявил он, — выступает номер тридцать второй! Молли Мун!

Молли вышла на сцену. Руки у нее вспотели так, что с ладоней чуть ли не текло. Занавес поднялся, ей в лицо ударил горячий луч прожектора. Молли подошла к микрофону. У нее внутри все переворачивалось от страха. Вдруг ей почудилось, что она все забыла и теперь не сможет загипнотизировать даже мышонка, не говоря уже о зрительном зале, полном жителей Брайерсвилля. Она заглянула в зал, показавшийся ей черной пещерой, и почувствовала, что все зрители до единого смотрят на нее. Воздух загустел от напряжения. Тишину нарушал лишь чей-то сдвленный кашель да чихание миссис Жаббс.

— Добрый день, леди и джентльмены, — взволнованно начала Молли. — Меня зовут Молли Мун, и сегодня я продемонстрирую вам свой талант. Я умею читать мысли.

По рядам пролетел заинтересованный шепоток.

— Для того, чтобы читать мысли, мне нужно вас видеть. Поэтому, леди и джентльмены, а также мальчики и девочки, я хочу, чтобы в зале включили свет.

Прикрыв глаза от света прожекторов, Молли посмотрела вверх.

— Уважаемый осветитель, пожалуйста, выключите прожектор и включите свет в зале.

В два щелчка осветитель погасил прожектор и включил длинные ряды ламп над зрительскими креслами. Зал оказался полон публики. В первом ряду Молли заметила Гизелу — та остервенело колотила себя по башке

кошачьим хвостом.

— Еще раз добрый день, дорогие зрители, — начала Молли, понемногу успокаиваясь. — Теперь, леди и джентльмены, я готова показать вам мои способности, только сначала мне нужно сосредоточиться и немного подумать. Вскоре я начну получать от вас телепатические сообщения и расскажу, о чем вы думаете.

Молли устала в пол.

На взгляд публики, эта девочка была неплохой актрисой. Вот она стоит, сосредоточившись очень театрально. Разумеется, вся эта затея с чтением мыслей — чистой воды розыгрыш, но играет девочка очень хорошо. Интересно посмотреть, как она будет читать мысли. Наверно, в зрительном зале сидят несколько подсадных уток, которые будут подыгрывать ей, притворяясь, будто они видят ее в первый раз.

Потом девочка снова подняла глаза, и каждый человек в зале, к своему удивлению, подумал, что, если присмотреться, эта малышка гораздо симпатичнее, чем кажется на первый взгляд. В ней есть что-то особенное. Бледная, ничем не примечательная девчонка вдруг показалась довольно обаятельной. Чем дольше зрители разглядывали Молли, спрашивая себя, почему они раньше не замечали очарования крошки, тем сильнее затягивал их в свои сети ее завораживающий взгляд.

— Я не отниму у вас много времени, — сказала Молли, медленно пробегая взглядом по рядам зачарованных лиц, восторженных глаз, приоткрытых губ. Каждому из зрителей она заглядывала в глаза. Ей хватало одного мгновения, чтобы понять, попался ли человек в ее сети, и чувство слияния становилось сильнее и сильнее. Молли сама удивилась, как легко вся публика, включая жюри, попала под ее власть. Миссис Жаббс сидела, разинув рот, как жаба. Миссис Тринкелбери подергивала щекой, как будто ей смешинка в рот попала.

Единственной загвоздкой была дама в шестом ряду.

— Мадам в шестом ряду, да, да, вы, будьте добры, снимите, пожалуйста, темные очки.

Когда женщина сняла солнечные очки, Молли обнаружила, что она уже в трансе. Из ее сетей едва не выскользнул мальчишка в задних рядах, выходящий в туалет, но Молли успела захватить его взглядом, когда он возвращался на свое место. С остекленевшими глазами мальчуган опустился в кресло. Теперь Молли была уверена: все зрители до единого крепко зажаты у нее в кулаке, пусть и немного вспотевшем. Она не упустила даже осветителя.

— Пожалуйста, снова погасите свет в зрительном зале, — попросила

она его.

Очутившись в сияющем луче прожектора, она заговорила с публикой.

— Вы, все в моей власти, — начала она. — Вы забудете о том, что я вышла на сцену читать мысли. Вместо этого вы будете считать, что я вышла на сцену и стала... — Четкие инструкции Молли гулко отдавались под высокими сводами парадного зала.

Молли начала свое представление. Все сидели, откинувшись на спинки кресел, и благоговейно взирали на нее. Молли Мун танцует и поет так хорошо, ее движения так отточены, так музыкальны! На их глазах рождается новая звезда, думали зрители. Эта девочка необычайно красива и талантлива, у нее такое доброе лицо, она способна стать всеобщим кумиром. И как легко и грациозно она танцует! Кажется, будто ее ноги совсем не касаются земли. Она поет, как ангел, и при этом успевает шутить. Какие смешные у нее шутки! От них хочется смеяться до колик.

На самом же деле Молли просто стояла на сцене и описывала зрителям, что они *должны* сейчас видеть и слышать. Прежде чем окончить сеанс, Молли отдельно обратилась к миссис Жаббс.

— С этой минуты вы станете рассказывать каждому встречному, какая вы жестокая и злая учительница, — велела Молли, и в знак согласия миссис Жаббс открыла и закрыла рот, как толстая карасиха.

Потом Молли хлопнула в ладоши и мгновенно вывела всех из транса. Публика разразилась громкими аплодисментами, криками «Браво!» и приветственным свистом. Номер тридцать второй — Молли Мун! Несомненно, победительницей станет она! Кто же еще! Да остальные ей и в подметки не годятся! Она в тысячу раз талантливее! Вот она стоит на сцене, одетая в самую обычную юбку и блузку, тем самым лишней раз доказывая, что самые вычурные костюмы без таланта не стоят ломаного гроша. Молли Мун, великолепная артистка, не нуждается в блестящих нарядах и косметике! Эта девочка ни на кого не похожа. Ее можно полюбить с первого взгляда. В ней есть какая-то особенная магия, тайное очарование, которое присуще только великим звездам эстрады.

Зрители аплодировали так, что у них разболелись ладони. Молли улыбалась и раскланивалась со сцены. Ей нравились аплодисменты, нравился всеобщий восторг. Наконец она спустилась со сцены и села в первом ряду. Все, кто сидел вокруг, сразу же начали громко поздравлять ее.

— Ч-чудесно, М-Молли, чудесно, — заикаясь, лепетала миссис Тринкелбери. Даже Гизела Хеккерсли улыбалась, преданно глядя на девочку своими телячьими глазами. Молли нашла, что так она выглядит еще отвратительнее, чем обычно.

На сцену поднялись члены жюри. Второй в шеренге, сразу за мэром, стояла миссис Жаббс. Молли услышала, как она тихо говорит своему соседу:

— Знаете, я очень жестокая и злая учительница.

— Знаю, — ответил тот. — У меня сын в вашем классе.

Когда мэр объявил Молли безусловной победительницей конкурса, остальные члены жюри закивали головами, как куклы на пружинках, которые ставят в автомобилях перед ветровым стеклом.

— ...это самое талантливое дитя из всех, кого этот город удостаивался чести видеть. Поэтому давайте вместе поаплодируем нашей великолепной, прославленной землячке Молли Мун!

Молли Мун вышла вперед. Она с трудом верила в происходящее. Еще совсем недавно она стояла на холме за окраиной Брайерсвилля, смотрела на рекламный плакат «кьюта» и мечтала стать богатой, красивой, знаменитой. А теперь, стоило только немного поработать глазами — и ее мечта исполнилась!

— Большое спасибо, — скромно произнесла она. Молли обеими руками вцепилась в пухлый конверт с новенькими хрустящими купюрами, и вдруг ее охватило непреодолимое желание как можно скорее сбежать с места преступления куда глаза глядят. Попозировав немного перед фотографами, она торопливо соскочила со сцены и выскочила из ратуши. Пока никто не понял, куда она подевалась, она сбежала по лестнице и нырнула на заднее сиденье поджидавшего ее микроавтобуса.

— В брайерсвилльскую гостиницу, — велела она.

Эдна обернулась к ней с ласковой улыбкой, Петулька вскочила на колени, а мисс Гадкинс покорно кивнула.

— Слушаюсь, мисс.

По асфальтовой дороге зашелестели шины. Машина тронулась.

Глава двенадцатая

Все шло по плану. Молли и Петулька провели остаток дня в номере гостиницы. И хотя эта гостиница была далеко не лучшей в мире — кровати скрипели и покосились, дубовая мебель вся исцарапана, — Молли нашла, что здесь вполне можно прийти в себя и отдышаться, а Петульке очень понравилось мягкое кресло.

Молли велела мисс Гадкинс и Эдне дожидаться ее в микроавтобусе, а сама приступила к осуществлению второго этапа своего плана. Она сняла телефонную трубку и позвонила оператору международной связи.

— Их фамилия — Алабастер. Живут в Америке, — пояснила Молли.

— К сожалению, нам нужна более точная информация, — ответила телефонистка. — В каком штате и в каком городе живет нужная вам семья?

— То ли Полчестер, то ли Пилчестер, то ли Порчестер. Это где-то неподалеку от Нью-Йорка.

— Простите, ваши сведения слишком неточны, — сказала девушка. — В Соединенных Штатах тысячи людей по фамилии Алабастер. На проверку их всех уйдет целый вечер.

— Вы — чувствуете — себя — расслабленно, — нараспев проговорила Молли.

— Простите? — переспросила телефонистка. — Если это розыгрыш, лучше повесьте трубку.

— Нет, э-э, спасибо за помощь, — проговорила Молли. Она очень огорчилась, узнав, что найти Рокки будет не так легко, как ей казалось.

Но все-таки Молли была очень рада, что оказалась в номере гостиницы. Она включила телевизор, села на диван и принялась считать выигранные деньги. Внутри конверта оказалась толстая пачка банкнот, завернутых в тонкую бумагу. Молли разорвала обертку и разложила купюры веером, как колоду карт. Молли никогда не имела ни одной десятифунтовой банкноты, пятидесятифунтовой и вовсе в глаза не видала, а тут перед ней оказались сразу шестьдесят пятидесятифунтовых купюр! Три тысячи фунтов стерлингов! Было так приятно держать их в руках, вдыхать их запах, ощупывать. С такой суммой можно поехать куда угодно. В Австралию, в Индию, в Китай. Просто купить билет и сесть в самолет. Или потратить все на конфеты. Целые горы конфет.

Конфет Молли не хотелось. Ей было нужно кое-что другое. Она положила деньги в карман, сунула книгу по гипнозу под куртку, позвала

Петульку и отправилась по магазинам.

Через десять минут они уже шагали по центральной улице Брайерсвилля. Молли держала в руках дорожную корзинку для Петульки, только что купленную в зоомагазине «Зверье мое». В новеньком красном ошейнике собачка скакала гордо и весело.

Молли остановилась у витрины магазина оптики и, повинаясь мгновенному капризу, вошла. Через пять минут она опять была на улице. На носу у девочки красовались солнцезащитные очки. Она всегда мечтала иметь такие, а сейчас, подумала она, ей не помешает маскировка. Очки помогут скрыть лицо. Ей не хотелось, чтобы зрители, видевшие ее на сцене, узнавали ее на улицах. Молли пошла дальше, свернула за угол и остановилась возле обрамленной деревом витрины антикварной лавки «Золотая ржавчина».

Чего только не было на витрине! Удивительная коллекция самых невообразимых предметов. Зеркальные стеклянные шарики, гравированные хрустальные бокалы, серебряные шкатулки с потайными отделениями, зонтик с ручкой в виде попугая, увеличительные стекла, дамский корсет, огромное страусовое яйцо, ваза с восковыми фруктами, шпага и пара старинных сапог для верховой езды. А в глубине витрины, на бархатной подставке, лежал небольшой золотой кружок. Молли сразу обратила на него внимание. На нем была выгравирована темная спираль, повелительно притягивавшая взгляд. Кружок был очень красив, и, хотя витрина запотела от дыхания Молли, девочка была уверена, что он висит на цепочке. Именно таким Молли представляла себе настоящий маятник для гипноза.

Молли сняла очки, распахнула дверь и вошла в лавку. Над дверью мелодично звякнул старомодный колокольчик. Владелец магазина, мистер Ржавинг, стоял в глубине лавки, протирая старинные очки. Услышав звон колокольчика, он торопливо лизнул палец, подкрутил кустистые брови и поспешил навстречу покупателю. Но, увидев, что в дверях стоит всего лишь скромно одетая девочка с мопсиком на руках, он тотчас же растерял большую часть своей услужливости.

— Добрый день, — холодно поздоровался он, поправляя воротник.

— Добрый день, — вежливо отозвалась Молли. Девочку было едва видно из-за витрины с ювелирными украшениями и заколками для волос.

— Чем могу служить? — осведомился мистер Ржавинг.

— Мне бы хотелось поближе посмотреть на маятник у вас в витрине, — попросила Молли. Она решила побаловать себя роскошным подарком за успешные достижения в искусстве гипноза, а хороший, тяжелый маятник — это как раз то что нужно.

— Маятник... гм-м, — промычал антиквар.

Он раскрыл витрину, достал оттуда деревянный лоток и поставил его на прилавок перед Молли.

— Мне кажется, среди этих вещей ты сможешь подобрать себе подходящий маятник.

Молли заглянула в лоток. В нем лежали всевозможные украшения: цветные стеклянные бусы, цепочки, медальоны и подвески, но маятника среди них не было.

— Простите. Я бы хотела тот, золотой маятник, на бархатной подставке. Он лежит в глубине витрины, — пояснила она.

— Гм-м, — кашлянул мистер Ржавинг. — Боюсь, юная леди, ты не сможешь позволить себе такую дорогую вещицу. — Он взял старинный маятник за цепочку и, вертя его в руках, дал Молли полюбоваться. Вблизи маятник оказался даже красивее, чем издалика. Золото немного потускнело, но нигде не было ни единой царапинки, а гравированная спираль была идеально четкой.

— Сколько он стоит?

— Гм-м... ну-ка, ну-ка, пятьсот пятьдесят фунтов стерлингов. Он довольно старинный, и сделан из золота высочайшей пробы. Посмотри, может быть, вот этот кулон будет тебе скорее по карману. — Мистер Ржавинг достал оловянную цепочку с тусклым коричневым камушком. Молли не удостоила вниманием дешевую безделушку и продолжала разглядывать золотой маятник. Ей показалось, что под ее взглядом спираль начала вращаться. Устоять было невозможно. Без этого маятника жизнь станет не мила! Молли до смерти надоело вечно отказывать себе в вещах, которые она не может себе позволить. С этой минуты она будет покупать все, что захочет! Широким жестом она сунула руку в карман и вытащила пачку денег. — Я покупаю золотой маятник, — вежливо заявила она и отсчитала одиннадцать пятидесятифунтовых купюр.

Мистер Ржавинг с изумлением посмотрел на девочку.

— Тебе, должно быть, повезло на бегах!

— Нет, на конкурсе талантов, — пояснила Молли.

— А! Так ты и есть та самая девочка-победительница! Моя внучка позвонила мне и рассказала о тебе. Говорит, ты была восхитительна! — Старик не скрывал своего изумления. Его поразило, что девочка, столь заурядная на вид, как Молли, скорее даже страшненькая, может показаться «очаровательной», «прелестной», «изящной» — именно такими словами ее описывала внучка. — Позволь пожать тебе руку, — сказал старик. — Поздравляю.

Он пожал холодную, разом вспотевшую ладошку Молли.

— Они там животики надорвали от смеха, — сказал он, втайне надеясь, что Молли тут же исполнит для него забавную сценку или расскажет анекдот.

— М-м-м, — загадочно улыбнулась Молли.

— Значит, покупаешь себе подарок? — Антиквар нажал кнопку на кассовом аппарате. Тот, звякнув, открылся, и мистер Ржавинг сунул пятьсот пятьдесят фунтов в выдвинувшийся ящик.

— Угу.

— И где же ты научилась так выступать?

Молли была так счастлива, что даже не подумала скрыть правду.

— Из одной старинной книги, — таинственно произнесла она, похлопав толстую выпуклость под курткой.

— Не может быть!

— Может, может. Это необыкновенная книга.

— Вот почему ты носишь ее с собой, — догадался антиквар.

— Совершенно верно, — подтвердила Молли.

Мистер Ржавинг упаковал маятник и протянул его Молли.

— Благодарю за покупку. Надеюсь, он тебе пригодится.

— Спасибо. До свидания.

— Всего доброго.

Едва Молли спрятала коробочку в сумку и шагнула к выходу, как над дверью вновь звякнул колокольчик. Вошел еще один покупатель. Окутанный облаком сигарного дыма, он грубо оттолкнул Молли с дороги и шагнул к прилавку.

Молли вышла из магазина, подняла воротник потрепанной синей куртки и надела новенькие темные очки. Мистер Ржавинг изумленно смотрел ей вслед.

Но тут перед ним вырос новый покупатель.

— Дайте-ка мне еще раз взглянуть на те очки, которые вы показывали мне сегодня утром, — потребовал он.

— О, да, профессор Нокман. — Мистер Ржавинг стряхнул оцепенение, вытащил из верхнего кармана очки, которые он совсем недавно протирал, и положил на прилавок. — Вот уж никогда бы не подумал, что эта девочка только что победила на городском конкурсе талантов.

Но толстого, коротенького, нетерпеливого покупателя ничуть не волновали новости брайерсвилльской светской жизни. Его больше заботила жизнь Брайерсвилля сто лет назад. Он уже не раз заходил в магазин мистера Ржавинга и успел выяснить, что пожилой антиквар хорошо знал

городскую знаменитость — доктора Логана — и даже покупал и продавал предметы, которыми странствующий гипнотизер пользовался на своих представлениях.

Сегодня профессор Нокман заглянул в магазин потому, что его весьма сильно интересовала пара очков, лежащих в эту минуту на прилавке. На их черных стеклах были нарисованы белые спиральные узоры. Говорят, что когда-то эти очки принадлежали самому доктору Месмеру.

— Есть мнение, что эти очки защищают от гипнотического воздействия чужих глаз, — объяснил мистер Ржавинг. — Забавно, но глупо. Однако, — с надеждой добавил он, — полагаю, эти очки хорошо впишались бы в вашу музейную коллекцию.

Очки стоили очень дорого, и профессор Нокман еще не решил, покупать их или нет. Он взял их в руки и поскреб намащенные усы толстым когтистым пальцем. Мистер Ржавинг все еще смотрел через витрину на главную улицу, вслед уходящим Молли и Петульке.

— Вы совершенно уверены, что та книга доктора Логана не попадала к вам в магазин? — спросил Нокман. — Мой музей заплатит за нее какую угодно сумму. Она крайне необходима для выставки по гипнотизму, которую я организую.

— Нет... нет, совершенно точно не попадала, — рассеянно ответил антиквар, с трудом отводя взгляд от удаляющейся Молли. — По-видимому, она умеет танцевать, как знаменитая Джинджер Роджерс! Моя внучка нашла ее великолепной! А мне она показалась такой простушкой! Наверно, все зависит от того, какими глазами смотреть.

— Да, пожалуй, — отозвался профессор и, водрузив странные очки на нос, посмотрел сквозь них в потолок.

— Она купила себе чудесный золотой кулон, хотя упрямо называла его маятником. Необычная покупка для ребенка. Надеюсь, она не промотает все свои призовые деньги в одночасье.

— *Маятник?* — переспросил профессор Нокман, внезапно почувствовав интерес к разговору, и сквозь спиральные очки устремил на антиквара внимательный взгляд. — И сколько же она выиграла?

— Кажется, три тысячи фунтов стерлингов. Удивительно, правда? А на вид обычная простушка! Впрочем, знаете, как говорят? «Не судите о книге по обложке». Кстати, о книгах. Когда я спросил ее, где она научилась так выступать, она ответила: «Из одной старинной книги». Вот выдумщица!

— Какой книги? — восторженно воскликнул Нокман, поводя носом, как собака, почуявшая след.

— Не знаю. Но эта книга была у нее с собой.

Профессор Нокман скинул антикварные очки и выглянул на улицу. Девочка стояла у газетного стенда и читала объявления, а под мышкой у нее, под синей курткой, укрывался большой, прямоугольный, неудобный предмет. Нокман чуть не подпрыгнул от охватившего его возбуждения. Судьба наконец-то улыбнулась ему! Он третий день бродит по Брайерсвиллю, выискивая человека с этой книгой в руках, и вот она — долгожданная встреча. Теперь уж удача от него не отвернется! Он лихорадочно перебирал в памяти все слова мистера Ржавинга. Девчонка купила маятник, выиграла целую кучу денег, все считают ее великолепной, хотя она вполне заурядная, и тайна ее успеха кроется в какой-то старинной книге. И она не хочет, чтобы кто-нибудь увидел эту книгу, потому и носит ее под курткой. Внутренний голос подсказывал Нокману, что тяжелый прямоугольный предмет под курткой девчонки и есть *та самая* книга, которую он ищет. Книга по гипнозу!

Молли и Петулька скрылись за углом. Профессор дернул за дверную ручку, но в последний миг вдруг вспомнил про очки.

— Я покупаю эти очки, — решил он. — Сколько вы за них хотите?

— Это совершенно уникальная вещь, — заявил старик. — Я не могу отдать их меньше чем за четыреста пятьдесят фунтов. — Он протянул покупателю очки в серебряной оправе.

Нокман торопливо соображал. Он понимал, что антиквар запрашивает слишком много, но если эти очки действительно защищают против гипноза, то они ему очень пригодятся. А времени торговаться не было.

— Беру. — Профессор Нокман выложил деньги на прилавок. — Заворачивать не надо. А если вам попадется еще *что-нибудь* интересное касательно гипнотизма, позвоните мне в Штаты. Вот мой номер.

— Непременно, — с готовностью отозвался продавец. Ему никогда еще не удавалось продать так много за один день. Все-таки не зря он решил открыть магазин в воскресенье. — Всего хорошего.

Профессор Нокман выскочил из магазина, отшвырнул сигару и принялся озираться в поисках девочки. Серdito бормоча что-то себе под нос, он побежал по мостовой в ту сторону, куда они скрылись.

Тем временем Молли и Петулька вернулись в гостиницу, возле которой в микроавтобусе их преданно дожидались мисс Гадкинс и Эдна.

Молли поднялась к себе в номер, собрала рюкзак и спустилась оплатить счет. Потом вышла и села в микроавтобус. Петулька вспрыгнула следом.

— Куда ехать, мисс? — осведомилась мисс Гадкинс, шлепая обвисшими губами (вставные челюсти все еще болтались у нее на шее).

— В аэропорт, — уверенно приказала Молли, откинувшись на спинку сиденья и погладила Петульку.

Профессор Нокман, обегавший в поисках девчонки все окрестные магазины, влетел на гостиничную автостоянку в тот самый миг, когда оттуда выезжал синий микроавтобус. У сидевшей за рулем старухи в глазах сверкал безумный огонек, а на голове розовело нечто вроде дамских панталон. Когда микроавтобус сворачивал на шоссе, профессор Нокман еще раз увидел невзрачную победительницу конкурса. Она гордо, как кинозвезда, восседала на заднем сиденье, рядом с ней сиделка, а на коленях лежала огромная книга в пурпурном переплете. Сквозь опущенное стекло Нокман разглядел, что в руках девчонка держит небольшую тетрадку, в которой он без труда узнал метрику. Нокман понял, что эта девчонка увозит с собой книгу, ради обладания которой он был готов перевернуть вверх тормашками весь земной шар. Профессор ринулся вперед, пытаясь ухватиться за заднюю дверь микроавтобуса, но промахнулся и упал. Перекатившись через голову и вдоволь наглотавшись выхлопных газов, он вскочил и замахал кулаками вслед удаляющейся машине. Книга по гипнозу, ЕГО книга, ускользала прямо у него из-под носа! Эта книга была нужна ему как воздух, без нее он не сможет осуществить свой план — блестяще продуманный, выстраданный план, который в случае успеха моментально вознесет Нокмана к вершинам карьеры. Без книги все его усилия обречены на провал! А теперь эта мерзкая девчонка с метрикой в руках, очевидно, вознамерилась увезти ЕГО книгу куда-то на край земли. Обезумевший Нокман, пытая и отдуваясь, влетел в гостиницу.

— Вызовите мне такси и приготовьте счет, — крикнул он регистраторше за стойкой и, трясая двойным подбородком, помчался вверх по лестнице.

Через пять минут он спустился, волоча за собой чемодан, из которого торчали края одежды.

— Как жаль, что вы так скоро уезжаете, — сказала ему регистраторша. Профессор Нокман что-то проворчал в ответ и сунул ей кредитную карточку. Ему не терпелось ринуться в погоню, догнать и остановить эту девчонку.

— Где мое такси? — рявкнул он, подписывая счет.

— Выйдите на улицу, и вы увидите целую шеренгу, — ответила женщина, озабоченно поглядывая на профессора — уж не хватил ли того удар? — Сэр, вам нехорошо?

Ответа она не услышала. Нокман был уже в дверях.

— В аэропорт, — прорычал он полусонному таксисту, уткнувшемуся в

газету. Действовал Нокман наугад, но был уверен, что девчонка направляется именно туда.

Автомобиль тронулся. Возле каждого светофора, ожидая, когда загорится зеленый свет, Нокман выскакивал из машины и пытался отыскать нужный ему микроавтобус в уличном потоке. По лбу его стекали крупные капли пота. Наконец, когда такси проехало почти половину города, он убедился, что еще успеет нагнать девчонку, и немного успокоился.

В этой книге крылась его судьба. Оставалось только следовать за ней.

Глава тринадцатая

Аэропорт находился в полутора часах езды от Брайерсвилля. Молли сидела на заднем кресле микроавтобуса, гладила Петульку и смотрела на проносящиеся мимо поля. Ей хотелось наглядеться на знакомые пейзажи, запомнить их хорошенько — неизвестно, когда она еще их увидит. Ведь она летит в Америку, искать Рокки! Пусть даже она никогда не вернется в эти края — ей все равно. Не особенно волновало ее и то, что она не знала, в какой именно город Америки надо направляться. Она была богата, сильна, независима и мечтала посмотреть мир.

Заложив лихой вираж, мисс Гадкинс въехала на стоянку аэропорта и затормозила. Эдна помогла Молли выбраться из микроавтобуса. Теперь эти женщины казались почти добрыми. Мисс Гадкинс была по-прежнему одета в изрезанный ножницами костюм с панталонами на голове, а Эдна — в модный плащ итальянского покроя. Прижавшись друг к другу, они вытирали глаза носовыми платками.

— Ох, Молли, черт возьми, мы будем дьявольски скучать по тебе! — всхлипывала Эдна. На ее платке была вышита карта Италии.

— Удачи тебе, Молли, дорогая, — вторила ей мисс Гадкинс.

— Спасибо, — весело поблагодарила Молли. Петулька оделила мисс Гадкинс суровым собачьим взглядом.

— Пришли нам открытку!

— Не пропадай из виду!

— Пиши!

Молли кивнула. Она решила сделать обидчицам прощальный подарок. Девочка хлопнула в ладоши, и обе женщины тут же погрузились в глубокий транс.

— А теперь слушайте меня внимательно, — заговорила Молли. — Я внушу вам новые интересы, чтобы ваша жизнь стала... стала... *не такой скучной*. Мисс Гадкинс, с этой минуты вы начнете увлекаться всем, что связано с... — Молли оглянулась по сторонам в поисках источника вдохновения, — с самолетами и *воздухоплаванием*. Да, именно так. Вы научитесь водить самолет. А вы, Эдна, еще сильнее полюбите итальянскую кухню и Италию в целом. Заинтересуетесь итальянской модой, итальянскими автомобилями... да, и, конечно, языком. Вы научитесь говорить по-итальянски. И с этой минуты вы обе станете *добры* ко всем детям без исключения!

Молли поздравила себя с удачной идеей, ведь она сделала прощальный подарок не только этим дамам, но и всему Хардвикскому приюту! Девочка дважды хлопнула в ладоши, и мисс Гадкинс с Эдной вышли из транса. Директриса тут же снова принялась шмыгать носом.

— Какая ты счастливая, Молли, ты полетишь на самолете, — жалобно проговорила она. — Я всегда мечтала летать.

Молли усадила Петульку в дорожную корзинку.

— До свидания, — сказала она и, провожаемая рыданиями мисс Гадкинс и Эдны, решительно зашагала к аэровокзалу.

— Ну, вот и все, а теперь в дорогу! — вполголоса пробормотала девочка.

— Дайте, пожалуйста, один билет на ближайший рейс до Нью-Йорка.

Девушка за регистрационной стойкой подняла глаза и увидела невзрачную маленькую девочку, едва достававшую подбородком до верха полированной стойки.

— Простите, но мы не продаем билетов пассажирам моложе шестнадцати лет.

Молли сняла темные очки, и в ее глазах засиял блеск, перед которым невозможно было устоять. Взгляд этих лучезарных глаз неумолимо притягивал девушку в синей униформе.

— Мне уже *есть* шестнадцать лет, — проговорила Молли, протягивая метрику. Внезапно служащая увидела перед собой девушку, которой и впрямь было *не меньше* шестнадцати лет.

— Простите, мисс, где только были мои глаза! Будьте добры, пройдите за билетом вон к тому окошку. Только, боюсь, на ближайший рейс вы опоздали. Посадка почти окончена, самолет взлетит через двадцать минут.

Молли поддала в глаза еще немного энергии.

— Простите еще раз, — озадаченно проговорила девушка в синей форме. — Ума не приложу, что со мной сегодня творится! Для такой важной персоны, как вы, мисс, я устрою все что угодно. Билет стоит четыреста пятьдесят фунтов. У вас есть багаж?

— Нет.

Девушка взяла у Молли деньги и протянула ей билет.

— Пройдите к выходу номер двадцать. Пожалуйста, поспешите. Счастливого пути! — Глядя вслед удаляющейся Молли, девушка радостно улыбалась.

Проходя через воротца металлоискателя, Молли сверкнула глазами, и зародившаяся было у таможенника мысль заглянуть в собачью корзинку

исчезла без следа. Спустя минуту Молли уже шагала по устланным коврами коридорам мимо магазинов беспошлинной торговли прямо к выходу номер двадцать пять.

В это время к кассе подлетел потный и запыхавшийся профессор Нокман.

— У вас тут только что была маленькая девочка, — с разгону выпалил он. — Куда она полетела? Она могла расплатиться наличными...

— Сэр, у нас каждый день покупают билеты сотни людей, — холодно ответила кассир.

— Знаю, знаю, — недовольно проворчал профессор Нокман. — Но это была маленькая девочка, лет десяти или около того... она...

— Сэр, мы не продаем билетов маленьким девочкам! Кроме того, мы не имеем права разглашать подобную информацию. — Где-то в глубине конторы зазвонил телефон, и женщина отошла снять трубку. Профессор быстро перегнулся через стойку и принялся изучать листок с записью проданных билетов.

Последней в списке стояла запись о только что полученной оплате наличными за билет до Нью-Йорка от некоей М. Мун.

— Дайте мне билет до Нью-Йорка. На рейс в двадцать ноль-ноль, — потребовал Нокман.

Женщина сердито прикрыла список рукой.

— На восьмичасовой рейс вы опоздали, выход уже закрыт.

Выход и вправду был закрыт. Молли, последняя из пассажиров, уже поднялась в самолет.

Девочка показала стюардессе билет в экономический класс и сверкнула глазами.

— Мне кажется, у меня билет в первый класс, — предположила она, и ее тут же проводили на самые дорогие места в передней части самолета. На соседнее кресло девочка поставила корзинку с Петулькой.

В ту минуту, когда профессор Нокман топал ногами от ярости, Молли пристегивала ремни. Когда подоспевший охранник положил руку на плечо профессора, стюардесса принесла Молли апельсиновый сок. Пришлось Нокману удовольствоваться билетами на следующий рейс до Нью-Йорка, четыремя часами позднее.

Самолет с ревом промчался по взлетной полосе и взмыл в темнеющее небо. Молли выглянула из окна. Девочка летела на самолете первый раз в жизни, и от одной мысли о том, что сейчас она несется высоко над землей в огромной жестянке, ей становилось страшно. Ладони сразу стали липкими. Но потом Молли обратила внимание на то, как спокойна стюардесса, и ей

стало немного легче. Она посмотрела вниз и увидела, как уплывают вдаль мигающие огни аэропорта. Самолет набирал высоту. Молли бросила взгляд на запад, туда, где остался Хардвикский приют. Он должен быть где-то там, в этом направлении, за много миль отсюда. Молли облегченно вздохнула. Как же хорошо уехать оттуда! Больше ей нечего там делать, и вскоре, как подсказывала ей интуиция, она увидит Рокки. Вот будет здорово! Может быть, она загипнотизирует его семью, чтобы они удочерили ее. А может, они вместе сбегут и будут странствовать по всему миру. При мысли об Америке у Молли захватывало дух. Она так часто видела эту страну по телевизору. А совсем скоро она сама окунется в ту беспечную жизнь, о которой мечтала, увидит ее не в рекламных роликах, а наяву!

Молли принялась нажимать на кнопки маленького телевизора, прикрепленного к подлокотнику.

А на крыше аэропорта, в застекленной смотровой галерее, профессор Нокман кипел от злости, глядя вслед улетающему самолету.

— М. Мун, — бормотал он. — Я доберусь до тебя, М. Мун... — Он дернул золотого скорпиона, висевшего на шее. — Значит, ты раздобыла книгу и кое-чему из нее научилась. Умная девочка, что и говорить, редкостная пройдоха. Но вот замести следы у тебя ума не хватило. погоди, крошка, я иду за тобой по пятам. А когда доберусь до тебя — ты проклянешь тот час, когда эта книга попалась тебе на глаза.

Глава четырнадцатая

Перелет в Нью-Йорк длился восемь часов, но Молли удобно устроилась в массивном кресле с откидной спинкой и неплохо отдохнула. Она посмотрела два фильма, ее кожа благоухала бесплатными кремами, которые ей принесли в специальной поролоновой сумочке. Петулька всю дорогу вела себя хорошо, сосала камушек, подобранный на мостовой возле брайерсвилльской гостиницы. Она тихонько заскулила всего один раз, когда принесли жареную курицу, но стюардесса решила, что странные звуки исходят от Молли. Девочка заказала вторую порцию и положила ее в собачью корзинку.

Наконец самолет прибыл в Нью-Йорк. Аэропорт имени Джона Ф. Кеннеди был окутан густым туманом. Пока самолет заходил на посадку, пробиваясь сквозь облака, Молли принялась обдумывать свой следующий шаг. От призовых денег осталось всего 1910 фунтов. Пять фунтов она потратила на ошейник для Петульки, пятнадцать — на дорожную корзинку, двадцать — на солнцезащитные очки, пятьдесят ушло на оплату одного дня в гостинице, пятьсот пятьдесят — на маятник, четыреста пятьдесят фунтов стоил билет на самолет.

Больше тысячи фунтов! Молли диву давалась, как быстро они улетучились. Прежде всего надо было обменять деньги на доллары. Потом сесть на поезд или в такси и поехать в... Молли еще в точности не знала, куда. Она решила, что для начала нужно поселиться в каком-нибудь из нью-йоркских отелей. Там, в тепле и безопасности, она придумает, что делать дальше.

Самолет коснулся земли в четыре часа утра по английскому времени.

— Дамы и господа, переведите часы на пять часов назад, — объявила стюардесса. — Сейчас в Нью-Йорке одиннадцать часов вечера. Надеемся, вы остались довольны полетом. Ждем вас снова на борту самолетов нашей авиакомпании.

Молли так волновалась, что совсем не чувствовала усталости. Она надела темные очки, подхватила рюкзак и корзинку с Петулькой и двадцать минут спустя уже стояла на стоянке такси с долларами в кармане. С 2998 долларами, если говорить точно. На стоянке, пока Петулька отошла пописать в сточную канаву, к Молли подошла женщина-диспетчер и с густым бруклинским акцентом спросила:

— Тебе куда?

— В Нью-Йорк.

— Понимаю, юная леди, что в Нью-Йорк, но куда именно в Нью-Йорке?

— В центр, — заявила Молли самым уверенным голосом, на какой была способна.

— Значит, тебе нужен Манхэттен. — Женщина написала на листе бумаги слово «Манхэттен» и отдала его шоферу старой желтой машины. Тот помог Молли и Петульке сесть. Дверь захлопнулась, Молли соскользнула в ямку на продавленном кожаном сиденье. Из-под сиденья послышался писклявый голос.

— Эй, ты! С тобой говорит мэр Нью-Йорка. Пристегни ремень! Я не хочу, чтобы ты загремел в больницу!

Пока Молли возилась с ремнем, другой, более грубый голос осведомился:

— Так куда же тебе нужно в Манхэттене? — Молли подняла глаза и увидела, что от водителя ее отделяет крепкая перегородка, в верхней части которой виднелась металлическая решетка со сдвижной дверцей для передачи денег. Ей была видна только лысая макушка таксиста. Он взглянул на нее через зеркало заднего вида и хрипло сказал:

— Маловата ты еще, чтобы разъезжать одной в такой поздний час. Будь осторожнее, в этом городе не стоит забредать в неприветливые уголки.

— Я старше, чем кажусь, — ответила Молли. — И привыкла путешествовать одна. И знаете что? Во всем мире не найдется уголка неприветливее, чем тот, откуда я приехала. А теперь мне нужно поехать в... ой... забыла... Полет был такой долгий, что название гостиницы вылетело из головы. — Молли сделала вид, будто ищет в карманах листок с названием отеля.

— Я знаю все отели в Манхэттене, — похвастался шофер. — Как он выглядит?

— Самый пышный, самый старый. Знаете, тот самый. Ну, там везде статуи и золото, роскошно до чертиков.

— Тебе нужен «Беллингэм»?

— Да... да, именно он, — радостно отозвалась Молли. — «Беллингэм».

— Хорошо, юная леди. Держись крепче.

Такси выехало на улицу. Молли никогда еще не доводилось ездить в такой тряской машине. И она, и Петулька подсакивали на сиденье, едва не стукаясь головами о потолок. Старая ржавая машина свернула на шоссе и помчалась к центру Нью-Йорка — острову Манхэттен.

Молли удивленно глазела по сторонам. Все кругом было такое огромное. Тяжеленные грузовики с ревом проносились по шестиполосной дороге, словно сказочные чудовища с десятками сверкающих глаз на могучих лбах. Поодаль от дороги, и справа, и слева, тянулись пригородные дома. Ночь была темная, безлунная, но шоссе переливалось белыми фарами и красными тормозными огнями, как светящаяся река.

Через полчаса бешеной тряски таксист заявил:

— Вот, подъезжаем.

Машина завернула за угол, и внезапно, будто из ниоткуда, перед Молли расцвел удивительный вид на самый высокий, самый яркий, самый колоссальный город, словно бы прибывший на Землю из далекого будущего. Все здания были огромными, точно с другой планеты, и все они стояли на одном *острове*. Петулька положила передние лапки на спинку сиденья и выглянула в окно. Молли увидела, что единственная дорога на остров Манхэттен лежит через громадный, сверкающий огнями подвесной мост, и ладони у нее сразу вспотели. Когда такси приблизилось к мосту и поехало над водой, Молли поняла, насколько велики эти здания на самом деле. В них были *сотни* этажей, *тысячи* окон, и во многих еще горел свет.

— Так много народу еще не спит! — удивленно воскликнула Молли.

— Конечно, а ты как думала? — рассмеялся таксист. — Этот город никогда не спит.

Миновав мост, таксист свернул направо и минут пять ехал вдоль берега реки. По одну сторону дороги отражались в воде городские огни, а налево уходили улицы, ведущие к центру. Они были совершенно прямыми и все застроены высоченными домами.

— Улицы Манхэттена распланированы очень просто, — объяснил таксист, погудев встречному грузовику. — Сетчатая система, как в учебнике математики.

В них легко ориентироваться. Все улицы пронумерованы. Смотри. Семидесятая, Семьдесят первая, Семьдесят вторая. Одни улицы расположены к востоку от парка, другие к западу. А парк находится посередине. Мы направляемся к восточной стороне острова. Как раз здесь и расположен самый центр города — вокруг Шестидесятых, Семидесятых, Восьмидесятых Восточных улиц. Центр невелик, но именно здесь живут все богачи. Кстати, в наши дни богатые селятся и на окраинах. Да, Манхэттен — район роскошный, только на дорогах все равно полно ухабов. — Шофер резко дернул руль в сторону, чтобы объехать большую рытвину. На Семьдесят пятой Восточной он свернул налево и остановил машину возле величественного старинного здания.

— Вот ваш отель, леди, и с вас тридцать пять долларов.

Из подъезда выбежал швейцар в зеленом мундире с золотым галуном, в белых перчатках. Он распахнул перед Молли дверь и помог ей выйти. Девочка расплатилась с таксистом, поблагодарила, и желтая машина, громыхая, исчезла в ночи. Молли с Петулькой неуверенно поднялись по мраморной лестнице, вошли в огромную позолоченную дверь и, очутившись в вестибюле, застыли, изумленно разинув рты.

В добром десятке метров над их головами, под сверкающим мозаичным куполом, висела тяжелая золотая люстра. Под ногами блистал позолотой мраморный пол. Вдоль стен стояли китайские лаковые кресла и кофейные столики, в дальнем углу возвышалась огромная ваза с экзотическими цветами. Молли увидела свое отражение в большом зеркале, вставленном в массивную позолоченную раму, и смущенно понурила голову: какая же она жалкая в своей старой, потрепанной одежде! Ей никогда не доводилось бывать в таком роскошном, благоухающем месте.

— Кх, гм, — кашлянул невысокий, нарядно одетый человек из-за отполированной до блеска черной стеклянной стойки. — Что вам угодно?

Молли шагнула навстречу.

— Мне нужен номер.

— Боюсь, вы еще слишком молоды.

Долгий перелет сильно утомил Молли: чтобы включить гипнотический огонь в глазах, ей пришлось напрячь все свои внутренние силы. Тем не менее через минуту-другую портье сделался податлив, как осевшее тесто. Он заглянул в книгу регистрации.

— Простите, мисс, все обычные номера заняты.

— Заняты? — разочарованно переспросила Молли. — Но у вас же такой огромный отель!

— Да, но все сто двадцать четыре обычных номера уже заняты.

— А как насчет необычных номеров?

— У нас есть номер для новобрачных, мисс, на верхнем этаже.

— Я его беру. Сколько он стоит?

— Три тысячи долларов за ночь, мисс.

— Ско...? А платить надо вперед?

— Нет, мисс. Счет оплачивается при выезде.

У Молли осталось только 2963 доллара. Даже одна ночь в номере для новобрачных была ей не по карману, но она слишком устала, чтобы искать другую гостиницу.

— Хорошо. Я согласна.

— Ваш паспорт, пожалуйста. — Портье протянул руку, но Молли сверкнула глазами.

— Он вам не понадобится, — сказала она. Ей не хотелось оставлять в гостиничном сейфе свидетельства о том, кто она такая и сколько ей лет.

Портье послушно вышел из-за стойки.

— Пожалуйста, следуйте за мной.

Они поднялись на лифте на двадцать первый этаж и по устланному желтым ковром коридору прошли к номеру 125. Портье распахнул перед Молли дверь и почтительным жестом пригласил девочку войти.

Молли показалось, что она попала в сказку.

Номер был роскошный. Как и положено шикарным номерам в шикарных отелях, он состоял из двух огромных комнат. В одной висели кремовые шторы и стояла широченная кровать под балдахином, в другой были диваны и низкий столик.

— В обеих комнатах и в ванной есть телевизоры и музыкальные центры, — пояснил портье, открывая шкаф. Там и вправду оказался спрятан телевизор и акустические колонки. — Вот мини-бар, а здесь лежит список услуг, которые мы оказываем, от вызова лимузина к подъезду до парикмахера в номер и выгуливания собак. Ванной-джакузи управлять легко, на верхнем этаже есть бассейн и фитнес-центр. Обслуживание номеров круглосуточное, если вам что-нибудь понадобится, звоните в любое время. Благодарю вас, мисс. — Портье поклонился и вышел.

Молли скинула ботинки и запрыгнула на кровать.

— Ур-ра! — завопила она. Спать вдруг совершенно расхотелось. Петулька тоже оживилась. — Правда, здорово? А, Петулька? Только посмотри на нас. Разве *так* бывает? Еще вчера мы прозябали в гадком Хардвикском приюте, а сегодня живем в самом шикарном отеле Нью-Йорка!

Петулька радостно твякнула. Молли соскочила с кровати и распахнула холодильник с мини-баром. Себе она налила апельсинового сока, а Петульке — чашку холодной минеральной воды. Потом открыла дверь на балкон. В комнату тут же ворвался шум. Гудели такси и фургоны, скрежетали шинами грузовики, завывали сирены полицейских машин, раздавались голоса, крики, свист. Город бурлил жизнью. Молли никогда не видела такой суеты и шума. Зажав Петульку под мышкой, она вышла на балкон.

Стояла полночь, но улицы были полны машин. Небоскребы громоздились над головой, будто высоченные деревья в джунглях, по земле, словно бесчисленные насекомые, сновали легковые автомобили и

желтые такси. Молли подивилась — сколько же народу живет в этом городе! И где-то здесь, среди миллионов жителей, ей, маленькой Молли Мун, надо отыскать единственную по-настоящему родную ей душу. Где-то в этих местах живет Рокки — но где?! Она еще крепче прижала к себе Петульку.

— Петулька, где же твоя семья? — Собачка лизнула Молли в нос. — Да, Петулька. Мне тоже кажется, что ты да я — вот и вся наша семья. Только мы и есть друг у друга.

Молли долго смотрела на бурлящий город. Наверное, нью-йоркцы так же легко поддаются гипнозу, как и все остальные люди. Сумела же она одними глазами загипнотизировать портье! Поселившись в номере за три тысячи долларов в сутки, без гипнотической силы не обойтись. Разумеется, можно переселиться в более дешевый отель, но Молли хотелось остаться здесь. Ей нравилась эта безумная роскошь. Кроме того, сейчас она была слишком захвачена удивительным зрелищем, чтобы думать о серьезных вещах.

Молли закрыла балконную дверь и отправилась принимать ванну. Она вылила в воду содержимое всех флаконов с шампунями, чтобы взбить побольше пены, а когда пузырьки поднялись толстым слоем, блаженно опустилась в сладко пахнущую воду. Потом взяла пульт и включила вмонтированный в стену телевизор. Как непохоже это было на продуваемую ледяными сквозняками каморку в Хардвикском приюте, где ее совсем недавно наказали за то, что она наполнила ванну глубже, чем на десять сантиметров! Молли громко рассмеялась.

Телевизионных каналов были сотни, Молли с наслаждением нажимала кнопки пульта дистанционного управления. Программы новостей, ток-шоу, музыкальные концерты, передачи по фитнесу, религиозные программы, фильмы...

И реклама. *Все время* — реклама. По многим каналам рекламные паузы давали каждые пять минут, едва успевая вставлять между ними кусочки основной программы. Некоторые ролики повторялись снова и снова. «Купите это», купите то... вам это нужно... необходимо, вы не можете обойтись без...

Молли смотрела свои любимые ролики, удивляясь их обилию, и вдруг ей пришло в голову, что реклама сродни гипнозу. Гипнозу, который заставляет людей покупать то, что им не нужно. Своего рода промывание мозгов. Может быть, если люди много раз посмотрят рекламу, которая говорит «Вам это нужно», они и вправду поверят, что им совершенно необходима именно эта вещь. Потом Молли наткнулась на свой любимый

ролик с рекламой «кьюта», и у нее потеплело на душе. Сейчас она уже находилась намного ближе к этим великолепным красавцам на пляже. Она принялась подпевать.

— «Кьют» — для тех, кто крут... «Кьют» — для тех, кто силен. — Все любят тех, кто любит «кьют».

С экрана ей подмигнул голубоглазый юноша: «Меня все любят — я люблю „кьют“!»

— А меня все равно будут любить больше! — крикнула ему Молли, набросила на телевизор полотенце и включила джакузи. В тот же миг мощный поток воздуха чуть не выбросил девочку из воды. Молли хлопнула по кнопке выключателя, и пузырьковый вихрь прекратился. Молли не слишком понравилось такое усовершенствование. Как будто десять великанов одновременно пукают к ней в ванну!

После ванны Молли, уставшая и разморенная, улеглась на застеленную атласными простынями кровать под балдахином и решила немного подумать. Если не считать джакузи, новый образ жизни пришелся ей весьма по душе. Вот только как ей удержаться на таком уровне? Однако, промаявшись с полчаса, девочка решила, что утро вечера мудренее, и, взяв пример с Петульки, свернувшейся клубочком в ногах кровати, погрузилась в глубокий сон.

Профессор Нокман летел в самолете. Он приземлится в нью-йоркском аэропорту лишь через четыре часа. Воображение без конца рисовало ему картины одна страшнее другой: девчонка с книгой ускользнула. Эта девчонка, как рассказал ему таксист по дороге из Брайерсвилля, выступала перед сотнями местных жителей и внушила им, что она — самая талантливая, самая очаровательная актриса, какую они видели. Нокман с изумлением догадался, что она их всех загипнотизировала. Удивительно — как могла такая малышка так быстро изучить искусство доктора Логана? Наверно, она на редкость талантлива. Но восхищение в тот же миг сменилось яростью. Как посмела эта негодница стащить его книгу? Ну ничего, скоро он сотрет самодовольную улыбочку с ее лица! Она будет в слезах просить у него прощения! Ему не терпелось услышать ее жалобный извиняющийся лепет.

Он скрипнул зубами от бессильной злости. Девчонка от него не ускользнет! Он идет за ней по горячему следу! Хотя Нокман и не сумел как следует разглядеть, какова она с виду, он не сомневался, что сумеет выследить девчонку и в Нью-Йорке. Он достал из кармана очки со спиральным рисунком и тщательно протер линзы. Профессор прочитал

немало книг по гипнотизму и знал, что если у человека есть талант, окружающие бессильны перед его взглядом. Но какие-то особенности спирального узора на этих очках, по-видимому, отражали или нейтрализовали гипнотическое влияние глаз. Нокман надеялся, что они ему помогут. Оставалось только найти кодировщик речи — тогда он будет защищен и от голоса этой М. Мун.

Пощипывая сальные усы, профессор Нокман откинулся на спинку кресла и задумался. Интересно, что означает М? Маргарет? Матильда? Мэвис? Он улыбнулся. Пожалуй, оно и к лучшему, что девчонка нашла эту книгу. Может быть, у нее намного больше способностей, чем он предполагал, и она сумеет достичь высот, до которых ему самому не добраться. Он найдет эту М. Мун и приберет ее к рукам. Подчинить ее будет нетрудно. Она всего лишь маленькая девчонка. И вдруг безжалостный Нокман понял, что эта М. Мун, кем был она ни была, никакой не конкурент. Наоборот, она — подарок судьбы. Такая способная ученица быстро поможет ему осуществить честолюбивые замыслы. Она вознесет его на самую вершину!

Глава пятнадцатая

Проснувшись на следующее утро, Молли обвела комнату отдохнувшим взглядом и ахнула от изумления. Вот это роскошь! Кремовый ковер, тяжелые шелковые шторы — девочка словно очутилась в рекламе шоколада. Молли встала с кровати, открыла холодильник, достала шоколадный батончик «Небо» и, куснув разок, принялась напевать рекламную песенку. *«Я на небе, а „Небо“ — во мне. „Небо“ — лучший подарок и мне, и тебе!»* Потом она надела махровый халат, висевший на двери ванной комнаты. Он был великоват, зато теплый и очень мягкий, совсем как в рекламе порошка «Облако девятый номер». Молли вышла на балкон и наконец-то увидела Нью-Йорк при свете дня. Огромный город бурлил под ногами, уходя вдаль. Небоскребы казались даже выше, чем вчера, а Манхэттен тянулся насколько хватало глаз. На стене здания напротив висел громадный рекламный плакат в несколько десятков метров высотой.

На плакате была изображена женщина в джинсах и джинсовой же куртке. Подпись гласила: *«Ходи, как великан. Носи джинсы „Дива“!»*

Рядом с этой громадиной-дамой Молли почувствовала себя совсем крошечной. В животе у нее заурчало. С самого Брайерсвилля она неслась, не задумываясь, на волнах удачи, строила головокружительные планы и уехала из Англии, не оглядываясь. Но теперь, при свете дня, Молли уже не чувствовала себя так же уверенно, как накануне. Она поняла, что ничего не знает об этом городе и его жителях. Что же делать дальше, как пробиваться наверх? Девочка догадывалась, что люди в больших городах далеко не так терпеливы и дружелюбны, как сельские жители. Она опустила глаза — далеко внизу, по мостовой, решительным шагом спешили куда-то нью-йоркцы, и у каждого было дело, была цель. Мало кто прогуливался не торопясь или останавливался поглазеть на витрины. Молли решила: прежде чем действовать, нужно побольше узнать об этом городе. Но в первую очередь надо позавтракать. И она позвонила в службу доставки.

Через пятнадцать минут очень старый, тощий официант вкатил к Молли в номер небольшой столик на колесиках. Он был застелен белоснежной скатертью, сервирован тарелками, чашками и блюдами из тонкого белого фарфора, изящным столовым серебром. Рядом с двумя серебряными полушариями, под которыми скрывался завтрак, сверкали два блестящих горшочка. Официант протянул Молли листок бумаги.

— Подпишите, мисс, — проскрипел он.

Молли взглянула на листок. Завтрак обошелся ей в сорок пять долларов! Она подписала счет. Официант замешкался в дверях, как будто она что-то забыла.

— Ах да, спасибо... — протянула Молли. — До свидания.

Официант вышел. Девочке было невдомек, что на самом деле он ждал чаевых.

Молли снова посмотрела на счет за завтрак и болезненно поморщилась. К горлу подкатила тошнота, под ложечкой заворочался громадный амазонский удав. Раньше ей никогда не доводилось тратить деньги, и теперь ее вдруг охватила паника. Самым страшным было то, что деньги неумолимо заканчивались.

Она растратила почти весь свой выигрыш, а гостиничный счет поглотит последние остатки и даже больше. Да, неразумно было гипнотизировать портье, чтобы он дал ей самый дорогой номер, поняла Молли. Как же теперь за него расплачиваться?

Кроме того, нужны деньги просто на жизнь. На всякие мелочи — жвачку, мороженое, леденцы, журналы. Нельзя же ходить по Нью-Йорку и гипнотизировать каждого встречного: рано или поздно кто-нибудь разоблачит ее, и тогда жди больших неприятностей.

Молли не знала, где ей добыть денег! Еще вчера три тысячи фунтов стерлингов казались громадной, неисчерпаемой суммой.

Удав в животе заворочался еще энергичнее и громко заурчал. Молли решила сначала позавтракать, а потом уже подумать над своими неурядицами, и подняла полукруглые крышки на подносе. На одной тарелке была колбаса. Это завтрак для Петульки. На другой лежали четыре бутерброда с кетчупом. В маленьком серебряном кувшинчике плескался концентрированный апельсиновый сок — Молли аккуратно перелила его себе в стакан. А в большом серебряном горшке дымился горячий шоколад.

Молли и Петулька с наслаждением перекусили.

Но сытный завтрак ничуть не навел Молли на мысли о том, как выпутаться из денежных проблем. Девочка прикусила измазанную кетчупом губу и задумалась. Надо подойти к делу логически. Может быть, телевизор поможет? Молли надела новые солнцезащитные очки и уселась вместе с Петулькой перед экраном. Особое внимание девочка обращала на рекламные ролики.

Из телепередач Молли узнала немало интересного о том, как живут американцы. Был один ролик об арахисовом масле, в котором баночка с маслом имела специальное отделение для варенья, или «джема», как

называла его рекламная мать семейства. Эта дама с волосами лимонного цвета щедро намазывала масло с вареньем на кусок хлеба.

«В нашей семье эта традиция передается из поколения в поколение, — вещала она, передавая бутерброд своей большеглазой дочери. — Когда я была маленькой, я очень любила такие сладости...»

«Мои дети их тоже любят! — воскликнула девочка, откусывая бутерброд. — Кто же не любит арахисовое масло с джемом „Бабушкино солнышко“!»

— Тьфу ты, — проворчала Молли. — Кто не любит?! Я, например. Меня от него тошнит! — И, отпив большой глоток апельсинового сока, она переключила канал. Ей попалась программа о природе. На экране было гнездо с тремя птенцами, разевавшими голодные рты. Один птенец в середине был намного крупнее и горластее остальных. Голос комментатора пояснил: «В гнезде малиновки вылупился кукушонок. Он растет гораздо быстрее, чем хозяйские птенцы».

Вскоре мать-малиновка вернулась в гнездо, неся в клюве червяка. Но ее детенышам не досталось завтрака: птенец-кукушонок проворно перехватил угощение.

— Самое удивительное то, — продолжал комментатор, — что мать-малиновка считает кукушонка своим собственным птенцом.

Как только мать улетела, кукушонок принялся ерзать. И вдруг, улучив момент, вытолкнул из гнезда сначала одного птенчика малиновки, а затем и другого.

Молли ахнула. Так значит, кукушата *в самом деле* выпихивают других птенцов из гнезда?! Она вспомнила колыбельную, которую пела им миссис Тринкелбери, и тяжело вздохнула. Получается, она, Молли Мун, похожа на этих маленьких малиновок!? Ну уж нет, сейчас, растолкав всех на пути к брайерсвилльскому выигрышу, она чувствовала себя скорее кукушонком! Песенка миссис Тринкелбери никогда не трогала ее до глубины души. А сейчас трогала и того меньше. Передернув плечами, Молли переключила канал.

К обеду глаза у девочки полезли на лоб. Она блуждала по телевизионным каналам уже битых три часа и узнала об Америке довольно много интересного, но до сих пор понятия не имела, где достать денег. Что же до Рокки — она так и не придумала, с чего начать поиски. Ее дух падал, как воздушный шарик с дыркой в боку. На ум лезли мысли одна другой мрачнее. Надо было быть сумасшедшей, чтобы заявиться в Америку. И совсем чокнуться, чтобы приехать в Нью-Йорк. Молли поняла, что откусила кусок, который ей совсем, совсем *не по зубам*.

Она встала и открыла мини-бар. Внутри оказались напитки всех сортов: крошечные бутылочки с виски, джином и водкой, коробки с фруктовым соком, водой. Ага, вот и «кьют»! «Будь крут, пей „кьют“!» — зазвучала в ее голове рекламная песенка. Да, «кьют» должен ей помочь! Ей сейчас как раз не помешает освежиться, почувствовать себя крутой. Молли открыла банку и отхлебнула.

В нос ударили мятные, фруктовые пузырьки. И в тот же миг на экране телевизора возник рекламный ролик «кьюта». Здорово было первый раз в жизни выпить до дна полную банку «кьюта» и смотреть, как толпа на экране пьет вместе с тобой. Молли улыбнулась.

«С банкой „кьюта“ в руке мир кажется гораздо лучше!» — весело восклицал белозубый красавец.

— Это точно, — согласилась Молли, залпом допила свою банку и сделала пальцами победный знак человеку на экране. Внезапно мир и вправду показался лучше. Молли была уверена, что уж теперь-то все у нее пойдет как надо. На миг она почувствовала себя одной из этих телевизионных красавиц. Потом газ ударил в нос, и радостное чувство исчезло. Реклама «кьюта» кончилась, ее сменил другой ролик — расхваливали лак для дерева. Девочка осталась сидеть с пустой банкой в руке и бурей пузырьков в животе.

Молли была поражена. Она была уверена, что банка «кьюта» в самом деле поможет решить ей все проблемы. «Кьют» и его люди. Бок о бок с «кьютом» она обретет силу, сумеет очаровать весь мир. Но, выпив «кьюта», она, оказывается, совсем не стала крутой. Было совсем не здорово, а, наоборот, жарко, тревожно и обидно. На душе стало горько, словно любимые герои жестоко обманули ее. И вдруг Молли озарило. Она поняла, в чем крылась ее главная ошибка. Нельзя было так страстно увлекаться рекламными красавцами и их блестящим миром. Они же все ненастоящие!

Молли смотрела следующий рекламный ролик — про мальчика, который ободрал коленку и ему наклеили необыкновенно целебный пластырь — и думала: не поискать ли работу актрисы? Люди во всех этих рекламах ненастоящие, они всего лишь актеры, а ролики снимаются сотнями. Работы наверняка полным-полно. Может, даже удастся попасть в рекламу «кьюта». Пока Молли раздумывала над этой блестящей идеей, началась новая передача.

На розовом диване сидел человек в оранжевом костюме с большим микрофоном в руке. У него за спиной на огромном световом табло мигали слова «Шоу Чарли Чата». Голос у этого человека был ужасно звучный, раскатистый и какой-то даже рычащий, будто по утрам он упражняется с

камушками во рту.

«Да, леди и джентльмены, я, как и обещал, пр-р-ри-вел ее сегодня к нам на встр-р-речу. Поаплодир-р-руем же поэнер-р-ргичнее, окажем самый теплый прием восходящей звезде Бр-р-родвея — Дивине Наттель!»

Молли собралась было переключиться на другой канал, как вдруг с удивлением увидела, что Дивина Наттель — маленькая, очень ярко накрашенная девочка лет восьми-деяти. Она вышла на сцену под громкие приветственные крики и аплодисменты публики. Как только она села на диван, рыжеволосый интервьюер Чарли Чат прогудел:

«Пр-р-риветствуем тебя, Дивина! Как здоров-р-рово, что ты пр-р-ришла к нам на шоу!»

«Привет, Чарли, очень рада оказаться у вас в гостях», — нежным голоском отозвалась Дивина.

«Итак, Дивина, давай пер-р-рейдем пр-р-рямо к делу. Мне кажется, все хотели бы узнать, каково это — быть звездой бр-р-родвейского мюзикла».

«Это очень приятно, — ответила Дивина, прелестно улыбаясь. — Мне нравятся песни, мне нравятся танцы, мне нравится сюжет. Мне нравятся другие актеры, мне нравятся зрители, мне нравится жить на Манхэттене».

«Какое же у тебя, навер-р-рно, добр-р-рое сер-р-рдце, р-р-раз оно вмещает в себя так много любви», — воскликнул Чарли, и зрители рассмеялись.

«Наш мюзикл просто замечательный, и все непременно должны посмотреть его». — Дивина повернулась к зрителям и одарила их сияющей улыбкой во весь рот. Молли дернулась от отвращения — эта девчонка до боли напомнила ей Гизелу.

«Давайте посмотр-р-рим сценки из мюзикла», — предложил Чарли Чат. На экране замелькали, сменяя друг друга, яркие клипы. Сначала появилась фотография роскошного театра, над входом в который пламенела неоновая надпись «Звезды на Марсе» — так назывался мюзикл. Подъехал шикарный черный лимузин, из него вышла Дивина Наттель в пушистой шубке. Потом замельтешили отрывки из спектакля. Сцена, усыпанная огромными красными камнями, изображала поверхность планеты Марс. Дивина Наттель в красном скафандре космонавта танцевала чечетку и пела. Мюзикл был космический. Затем были показаны выдержки из других частей спектакля — в одном из них на Дивину Наттель напали четыре громадных марсианских чудовища. При виде марсиан Петулька выронила изо рта камушек и грозно зарычала.

Зрители на телешоу громко хлопали, и Молли вспомнила, какой щемящий восторг охватил ее, когда она стояла на брайерсвилльской сцене,

а публика аплодировала Ей.

«Боже мой, ну и здоров-р-рово же у вас на спектакле!» — прорычал Чарли.

«Спасибо. И знаете, кому я больше всех благодарна? Моим дорогим, любящим, полным самоотречения маме и папе».

«А-ах!» — восторженно взывала публика.

«И еще, — продолжила Дивина, — моему менеджеру Барри Хвату».

«О да, — подхватил Чарли Чат. — Попр-р-иветству-ем его у нас в студии!»

На экране появился краснощекий человек с прямым пробором в тщательно прилизанных волосах. На нем был клетчатый костюм, галстук-бабочка и очки в красной оправе.

«Привет, Дивина и Чарли!» — вскричал он.

«Привет, Барри!» — воскликнула Дивина Наттель.

«Привет, Бар-р-ри! Знаете, Бар-р-ри, наши зр-р-ри-тели очень хотят знать, как вы откр-р-рыли Дивину?»

«Да никак. Она просто взяла и пришла в мой офис на Дерри-стрит, — восторженно заявил Барри. — И сразу запала мне в душу. Вы все знаете, как здорово она поет и танцует. Так вот, она начала петь и танцевать по комнате, будто маленькая фея. Мне стало ясно, что из нее выйдет звезда, вот я и представил ее директору „Звезд на Марсе“. Не успел я и глазом моргнуть — и вот чем все это кончилось».

Дивина засмеялась, игриво тряхнув золотистыми локонами.

«Моя счастливая звезда привела меня к вам, Барри. Знаете, — она обернулась к Чарли Чату, — Барри знает *абсолютно* всех в шоу-бизнесе».

Программа продолжалась. Люди с сияющими глазами один за другим входили в студию и выходили. Молли подумала, что она и в самом деле не отказалась бы немножко побыть актрисой, только, пожалуй, не в рекламных роликах — они слишком легкомысленны. А вот петь и танцевать перед живыми зрителями было бы здорово! Ей понравилось восхищение публики, которая рукоплескала ей тогда в Брайерсвилле, и она не прочь была бы испытать это снова. К тому же актеры вроде Дивины наверняка получают кучу денег. Не попробовать ли встретиться с этим менеджером, Барри Хватом? Выступать на сцене — занятие нелегкое, но Молли была уверена, что у нее все получится благодаря ее новым гипнотическим способностям. Как там сказал Рокки? Она никогда ничего не хочет попробовать? Как бы не так! Она докажет ему, что он ошибался!

Молли встала и потянулась. Петулька тоже. Итак, решение принято. Она отправляется к Барри Хвату на Дерри-стрит, где бы это ни было. Он ей

поможет.

Одеваясь, Молли напевала песенку из «Звезд на Марсе». Мелодия была прилипчивая, и Молли еще раз подумала: как здорово будет стать звездой в бродвейском шоу.

Молли натянула футболку и старый, рваный джемпер. Надела короткую, потертую серую юбку, причесала растрепавшиеся кудряшки и посмотрела в зеркало. Все то же лицо и тот же нос картошкой. Молли скорчила своему отражению рожу, спрятала книгу по гипнотизму в сейф, схватила легкую курточку и свистнула Петульке.

— Пойдем, Петулька. Пора и нам оторвать свой кусок пирога!

С этими словами Молли решительно вышла из гостиничного номера.

Глава шестнадцатая

Как страшно было выходить из тихого, полного роскоши и неги отеля на шумные, грязные улицы Манхэттена! В воздухе бурлили запахи хот-догов, лука, бубликов, жареного арахиса, кофе, крендельков, гамбургеров и маринованных огурчиков. Все кругом куда-то спешили — и люди, и машины! Молли никогда еще не видела такой многокрасочной мешанины. Самые толстые люди, каких она только встречала в жизни, шли бок о бок с самыми тощими. Нью-йоркцы одевались как заблагорассудится, нимало не тревожась, как они будут выглядеть в глазах окружающих. Перед носом у Молли с важным видом прошествовал парень в ковбойских кожаных штанах с бахромой, навстречу ему бодро шагала необъятная толстуха в блестящих розовых шортах. Молли представила себе такие шортики на миссис Жаббс и улыбнулась. Мисс Гадкинс спокойно могла бы пройтись по этим улицам в своем изрезанном ножницами костюме с панталонами на голове, и никто не обратил бы на нее внимания. Все решили бы, что это просто такая новая мода.

Молли заколебалась. На миг ей стало очень страшно, но тут рядом с ней вырос гостиничный портье в зеленой с золотом униформе.

— Такси, мисс?

— Да, пожалуйста, — отозвалась Молли. Портье распахнул дверцу желтого такси, такого же громохочущего, как и накануне. За рулем сидел мексиканец с густыми черными усами.

— Куда поедет, мисс? — осведомился он.

— На Дерри-стрит, — ответила Молли как можно тверже, прижала к груди Петульку и села. Как и накануне, из-под сиденья слышался записанный на пленку голос, хотя на сей раз немного другой: «Мя-а-у, у кошки девять жизней, но у тебя-то всего одна. Пристегнись, пожалуйста». Впрочем, об этом можно было и не напоминать — таксист гнал как сумасшедший. Автомобиль с ревом рванул прочь от отеля и свернул на одну из главных улиц, рассекавших Манхэттен с севера на юг. «Мэдисон-авеню», — сообщал дорожный указатель. Шофер-мексиканец вилял между машинами, то и дело выезжая на встречную полосу, словно это была не настоящая дорога, а компьютерная игра, и хохотал во все горло всякий раз, когда ему в последний момент удавалось избежать столкновения. Молли крепче вцепилась в дверную ручку, а Петулька вонзила когти в потертую кожу сиденья.

По обе стороны от дороги уходили ввысь громадные небоскребы. Девочке казалось, что эти сверкающие стены из стекла и стали смыкаются у нее над головой. А внизу, возле проезжей части, над решетками в мостовой клубились облака белого пара.

Молли взглянула на карту, прикрепленную сзади к водительскому сиденью. Это был план Манхэттена. Почти все улицы на нем были просто пронумерованы, но в самом низу, у южной окраины острова, они имели названия, как во всех остальных, «нормальных» городах. Таксист нырнул в этот лабиринт и минут десять спустя высадил Молли с Петулькой на Дерри-стрит, взяв с них тридцать долларов. Эта улица была застроена солидными зданиями из коричневатого песчаника, по размеру больше похожими на привычные Молли дома в Брайерсвилле. Молли с Петулькой медленно пошли по улице, внимательно вглядываясь в таблички на дверях. Наконец им попалась на глаза полированная бронзовая вывеска: «Агентство Барри Хвата». Найти мистера Хвата оказалось не так уж сложно, и Молли мысленно поздравила себя с успешным выполнением первого пункта программы. Девочка расправила юбку, поглубже вздохнула и нажала кнопку звонка.

— Здравствуйте, — раздался по домофону женский голос. — Чем могу служить?

— Мне надо встретиться с мистером Хватом.

— Поднимайтесь на пятый этаж. — Дверь зажужжала и открылась. Молли и Петулька очутились в темном, увешанном зеркалами вестибюле, где пахло апельсинами и ванилью. По натертому до блеска каменному полу они прошагали к зарешеченному лифту и поднялись на пятый этаж.

— Доброе утро, — встретила их секретарша, похожая на куклу Барби, и, взмахнув длинными черными ресницами, окинула Молли внимательным взглядом. От ее глаз не укрылась потертая одежда. Потом она заметила Петульку. — Ты выступаешь с дрессированной собачкой?

— Нет.

Секретарша заглянула в свои записи.

— Сегодня утром я никого не ожидала, — сказала она. — Тебе назначено?

— Да, — твердо ответила Молли, вспомнив, как решила приехать, увидев Барри Хвата по телевизору. — Да. Мистер Хват лично назначил мне встречу сегодня утром.

— Понятно, — протянула секретарша. В ее крошечном мозгу даже не возникло мысли о том, что Молли, может быть, лжет. — Мистер Хват выйдет к тебе через минуту. Посиди, пожалуйста.

Молли села и приготовилась ждать. Девочка и Петулька, будто зачарованные, смотрели, как секретарша достает косметичку размером с хороший чемодан и добрых десять минут подкрашивает пухлые губки.

— Благодарю, благодарю за то, что пришли, — слышался приторный, как патока, голос Барри Хвата. Обтянутая рукавом пурпурного костюма рука раскрыла дверь кабинета, выпроваживая гостей. Из кабинета в сопровождении родителей вышел мальчик лет десяти с большой игрушечной уткой в руках. Все улыбались.

— Спасибо, что нашли время посмотреть нас, — говорила мать. — Я вам позвоню?

— Он чудесен, чудесен, чудесен, — тараторил Барри Хват. — Но не надо мне звонить, я вам сам позвоню... через денек-другой.

— Спасибо, сэр, — сказал мальчик, а игрушечная утка у него в руках прогнусавила: — Пасиба, мистр.

— Ох, Джимми. Его просто невозможно остановить, — извинился отец, впрочем, сияя от гордости за сына.

— Вижу, вижу, — Барри Хват громко расхохотался. — Ну, до свидания. Продолжайте тренироваться.

Посетители ушли. Барри Хват ослабил розовый бант на шее и с облегчением вздохнул.

— Господи, до чего же я устал. — Тут он заметил Молли. — Ты ко мне? — нахмурился он и вопросительно посмотрел на секретаршу.

— Она сказала, вы назначили ей встречу, — пояснила девушка, наконец-то начиная догадываться, что ее обманули.

Молли кивнула, собираясь с мыслями.

— А родителей, — нет? — поинтересовался Барри.

— Нет, — ответила Молли.

— Замечательно! — воскликнул Барри. — Знаешь, с родителями всегда тяжелее всего. До чего же они настырны! Проклятие моей жизни. Рад видеть такую хорошую девочку одну! Заходи.

Отсутствие родителей впервые обернулось преимуществом.

— Спасибо, мистер Хват, — поблагодарила Молли и вошла в отделанный пурпуром и золотом кабинет. Барри Хват зашел следом и сел за свой стол.

— Итак, — начал он, окидывая взглядом потертый наряд Молли. — С чем ты выступаешь? Играешь Золушку? Мне нравится твой потрепанный костюм, он выглядит как настоящий! — Из ящика стола Барри вытащил коробку с сигарами. Как только он открыл крышку, оттуда полилась мелодия: «Набери карман-другой». Продюсер выбрал короткую толстую

сигару, откусил и выплюнул кончик, достал зажигалку в виде фигурки Чарли Чаплина и нажал на шляпу. Из головы Чарли вырвалось пламя. Барри затянулся, выдохнул огромное облако вонючего дыма и продолжил: — Ладно, девочка, покажи-ка, что ты умеешь.

Когда дым рассеялся, он увидел, что девочка держит в руке золотой маятник и, медленно раскачивая его взад-вперед, тихим голосом приговаривает:

— Смотрите на маятник, смотрите на маятник...

— А, значит, ты занимаешься гипно... — Барри Хват попытался закончить фразу, но вдруг забыл, что же он хотел сказать. Маятник в руке у девочки неодолимо притягивал его взгляд. В его центре вращалась причудливая спираль. — Как краси... — Больше с его губ не сорвалось ни звука, но продюсера это ничуть не заботило. Молли остановила качающийся маятник и спокойно произнесла:

— А теперь посмотрите мне в глаза.

Когда взгляд продюсера остекленел, Молли принялась за работу.

— Барри, теперь вы в моей власти и будете делать все, что я скажу. Понятно? — Барри кивнул. Молли улыбнулась: — В первую очередь, отложите эту сигару...

Через полчаса Барри с восторгом кричал кому-то по телефону:

— Точно говорю, Рикси, она необыкновенная. Приезжай — сама увидишь.

А еще через полчаса Рикси Цветикс — генеральный продюсер и директор шоу «Звезды на Марсе» — входила в офис мистера Хвата на Дерри-стрит. Тридцатишестилетняя Рикси слыла одной из самых экзотических личностей Нью-Йорка. Молли никогда в жизни не видела женщин в таких дорогих нарядах. На ней был брючный костюм из черной кожи, сапоги до колен из шкуры зебры и такая же сумочка. Взбитые волосы развевались так пышно, будто их обладательница только что вышла из рекламного ролика шампуня, а губы были пухлы и нежны, как вишни (их накачал силиконом один из лучших пластических хирургов Нью-Йорка). Голубые глаза ослепительно сверкали. И сейчас эти глаза с подозрением взирали на Молли.

— Я понимаю, Барри, ты привел ко мне Дивину, — говорила Рикси Цветикс, — но, милый, эта девочка совсем не смотрится. Только погляди на ее пятнистые ноги. Дорогой, мне кажется, ты теряешь чутье.

— Нет, нет, она великолепна, — настаивал Барри. — Молли и сама признает, что она — не королева красоты, но приглядиись хорошенько. Разве не видишь — в ней есть что-то особенное. Она волшебна. — Барри Хват аж

вспотел от усердия.

Рикси Цветикс озадаченно взглянула на него.

— Показать, что я умею? — предложила Молли.

Через минуту, за которую сидевшей в приемной секретарше не удалось бы заточить и пары карандашей, Барри и Рикси неотрывно смотрели на девочку остекленевшими глазами.

— Вот что мне нужно, — инструктировала их Молли. — Роль в большом мюзикле или спектакле здесь, в Нью-Йорке, причем хорошо оплачиваемая. Есть у вас что-нибудь на примете?

— Нет, — простонала Рикси Цветикс, покачивая головой. — Во — всех — спектаклях — есть — роли — только — для — взрослых.

Молли заколебалась. *Должна же* здесь быть какая-нибудь большая актерская работа! Ей так хочется выступить! Мало того — ей позарез нужна роль. Нужны деньги!

Тут ее взгляд упал на фотографию Дивины Наттель на стене. Молли снова вспомнила Гизелу. У той в глазах был точно такой же злобный блеск. В голове у Молли промелькнули воспоминания обо всех гнусностях Гизелы.

— Тогда я хочу получить роль Дивины Наттель в «Звездах на Марсе», — заявила она.

Наступило молчание.

— Вы должны это сделать.

— Если — скажешь, — пробарабанила Рикси.

— Хорошо, — кивнула Молли. — Я выучу ее песни, научусь танцевать... да, кстати, в спектакле должна участвовать моя собачка.

— Действие — происходит — на — Марсе. Там — не место — для — собак, — покачала головой Рикси.

— Тогда *придумайте* для нее роль! — разозлилась Молли. — И сшейте Петульке астронавтский костюм. — Петулька радостно глянула на Молли — видно, эта мысль ей очень понравилась. — И еще, — продолжала Молли, — мне нужно, чтобы вы оплатили все мои счета в отеле. И платили мне вдвое больше, чем Дивине Наттель. Сколько это будет?

— Сорок — тысяч — долларов — в месяц.

— Гм, — облизнулась Молли. — Вот столько вы и должны мне платить. И мне нужно побольше новой одежды, потому что, сами видите, моя совсем драная, и нужна машина с шофером, который будет меня везде ждать... кстати, пусть это будет «роллс-ройс». И я хочу, чтобы конфеты у меня никогда не кончались. Позже я скажу, какие у меня самые любимые. И еще одна вещь, очень *важная*. Мне *нужно* встретиться со *всеми*, кто

участвует в мюзикле, по отдельности, до начала работы. И не только с ними, но и со *всеми*, кто работает за сценой, абсолютно со всеми, вы поняли?

Двое нью-йоркцев послушно кивали.

— И, наконец, я не желаю встречаться с Дивиной Наттель. У вас есть какое-нибудь другое шоу, куда ее можно пристроить?

— Нет.

— Ну и ладно, ничего страшного... А знаете, почему я хочу всего этого? — спросила Молли, откинувшись на спинку кресла и гордо обводя взглядом подвластных ей рабов.

— Потому что ты самая талантливая девочка на свете, — выдохнул Барри.

— Потому что ты настоящий гений, — покорно подтвердила Рикси Цветикс.

Молли внутренне содрогнулась. Ну и громадную же задачу она взвалила себе на плечи! Теперь только бы не оплошать!

Глава семнадцатая

Надо же, как все оказалось легко и просто! В тот же день, в четыре часа пополудни, Молли радостно кружилась по комнате в своем гостиничном номере, сосала ириску и напевала под кассету песни из «Звезд на Марсе». Выучить свою роль оказалось проще простого.

По всей комнате были разбросаны открытые коробки с новой одеждой. Рикси Цветикс сама выбирала ей наряды, и уже полдня Молли примеряла бесконечные жакеты, платья, брюки, туфли. Кофейный столик превратился в кондитерский прилавок: на нем стояли две огромные вазы, полные самых разных конфет, и одна — с разноцветным зефиром.

Петулька взяла на себя обязанность охранять балкон и теперь грозно таякала на осмеливающихся там приземлиться наглых нью-йоркских голубей.

Дослушав последний номер, Молли выключила магнитофон и завалилась на кровать. На ней были новенькие джинсы и шикарная футболка со сверкающей луной. Вот было бы здорово рассказать обо всем кому-нибудь! Например, Рокки. Может быть, он уже позвонил мисс Гадкинс и оставил свой новый адрес. В Англии время на пять часов опережает здешнее, сейчас там девять часов вечера, так что мисс Гадкинс еще не легла спать. Молли сняла трубку и набрала номер. Через шесть гудков телефон ответил.

— Добрый вечер, это Хардвикский приют, — слышался знакомый голос Джерри.

— Ой, Джерри, здравствуй! — воскликнула Молли.

— Молли! Молли, где ты? Гадкинс сказала, ты улетила на самолете! Ну как, понравилось?

— Я в Нью-Йорке, — сообщила Молли и подумала, как внушительно это звучит. — А летать на самолете просто *клево*. Джерри, позови-ка к телефону мисс Гадкинс.

— Ее нет.

— Где она? Ушла гулять? Или срезать мозоли? Когда она вернется?

— Она больше не вернется, — ответил Джерри и внезапно перешел на шепот. — Она ушла, и Эдна тоже. Гадкинс сказала, что теперь они желают всем детям добра, поэтому уходят и оставляют нас без присмотра, мы можем управляться сами и делать *все что хотим*.

Вот этого Молли никак не ожидала услышать.

— Джерри, а почему ты шепчешь?

— Потому что сюда идет Гизела. Она уже в коридоре. Она теперь здесь главная, и... Я пошел, пока!

Линия отключилась. Молли еще раз набрала номер, но телефон был занят. Страшно было даже представить, что может твориться в приюте под властью Гизелы, но потом Молли успокоила себя мыслью, что, наверное, миссис Тринкелбери иногда приходит и наводит порядок. Девочке стало немного легче. Интересно, куда отправились мисс Гадкинс и Эдна? Молли чувствовала себя виноватой в случившемся. Она надеялась, что дамы не затеяли ничего опасного. В голову лезли страшные картины: мисс Гадкинс разрезает ножницами костюмы всем встречным-поперечным, а Эдна лупит поварешкой по голове каждого, кому не нравится итальянская кухня.

Потерявшиеся воспитательницы — это, конечно, печально, но гораздо хуже другое: теперь Молли, может быть, никогда не найдет Рокки. Единственная надежда — что он позвонит в приют и спросит о ней. Молли еще раз набрала номер приюта.

Трубку опять поднял Джерри.

— Привет, это Молли.

— Привет, Молли, — донесся едва слышный шепот Джерри. — Понимаешь, в чем дело, мне нельзя подходить к телефону. Гизела ругается. Так что говори быстрее.

— погоди, Джерри, не уходи, запиши мой нью-йоркский телефон. Если Рокки вдруг позвонит, дай его ему. У тебя есть ручка?

— Ну-ка, да, наверно, есть, в кармане, где мышка. Нет, нет, Пик, сиди, не вылезай... прости, Молли, Пик чуть не удрал... Да, вот ручка, и вот листок бумаги.

— Хорошо. — Молли принялась диктовать Джерри свой номер в отеле «Беллингэм». На линии слышался треск. — Если Рокки позвонит, дай ему этот номер, и еще дай его Гизеле, чтобы, если Рокки будет говорить с ней, она...

— Мне пора, Молли. Гизела сегодня в плохом настроении, не дай бог попасться ей под руку. Пока. — В трубке щелкнуло.

— Пока, — пробормотала Молли, отнюдь не уверенная, что Джерри сообщит хоть кому-нибудь о ее звонке.

Но тревожилась она недолго. Вокруг лежали кучи коробок с шикарной одеждой, и Молли подивилась, как быстро сбываются ее мечты. Она вот-вот разбогатеет. Станет популярной, знаменитой, а в глазах окружающих — даже красивой!

Петулька сидела на балконе и сквозь щелку между каменными плитами ограждения любовалась городом, над которым разгорались ранние ноябрьские огни. Если бы ее взгляд мог проникать сквозь стены, она бы увидела, как в двадцати пяти кварталах отсюда, в дешевой грязной комнатенке, где он провел большую часть своей непутевой жизни, лежит профессор Нокман. Он растянулся на кровати, под голой лампочкой, свисавшей с потолка, и громко храпел. Его дом стоял рядом с железной дорогой, и всякий раз, когда по рельсам с грохотом проносился поезд, лампочка испуганно покачивалась. Весь пол комнаты, да и кровать тоже, был завален газетами. Профессор Нокман мог дать голову на отсечение, что эта М. Мун, кем бы она ни была, рано или поздно попадет в газеты в связи с какими-нибудь необычайными происшествиями. И, словно гончая (хотя был далеко не так красив), он повсюду вынюхивал след. С утра до вечера Нокман изучал газеты, прочесывал улицы в поисках рассказов об удивительной девочке. Иногда он даже заходил в отели, но всякий раз его вежливо просили не болтаться без дела в вестибюле и выпроваживали вон.

Во сне он снова и снова видел девчонку, сидящую в микроавтобусе с книгой по гипнотизму на коленях и с противной собачонкой на руках. Профессор Нокман зарычал.

А на балконе в роскошном отеле «Беллингэм» Петулька тревожно приняхалась к воздуху. Где-то далеко-далеко отсюда кто-то думает о ней. Она чувствовала это своим собачьим нутром. И мысли эти ей не нравились. Петулька тявкнула, задрожала и бросилась в комнату. Там она запрыгнула на кровать к Молли, сунула нос под одеяло и нашла один из своих любимых камушков.

Молли снился кошмар. Она представлялась самой себе толстой, уродливой кукушкой, у которой во всем лесу нет ни одного друга. Где-то вдалеке среди ветвей звучала песенка миссис Тринкелбери. Казалось, ее поют сами деревья.

*«Простите, ребятки, того кукушонка,
Что вытолкнул вас из гнезда.
Его мама-кукушка учила с пеленок
Толкаться везде и всегда».*

Все остальные птицы не хотели дружить с Молли и даже прятались от нее. У некоторых были лица маленьких детей из приюта. Когда Молли

подходила к ним, они улетали. Во сне Молли было страшно одиноко. Она искала Рокки, пыталась звать его, но из клюва вырывался только противный птичий писк.

Однако наутро она быстро забыла, как больно ей было во сне. Новоиспеченной артистке предстояло много работы. Надо было делать деньги. Начинались репетиции «*Звезд на Марсе*», и девочке было не до друзей.

Глава восемнадцатая

Бродвейский театр, в котором шли *«Звезды на Марсе»*, внезапно закрыл двери перед зрителями. Ни одна газета не знала, почему. Дивине Наттель было велено собирать вещи, а со всей театральной труппы взяли клятву о строжайшей секретности. Молли постаралась, чтобы все как один держали рты на замке, и посвятила свое первое утро в театре встречам с глазу на глаз. Молли побеседовала с каждым, кто был занят в мюзикле, и загипнотизировала всех: и дирижера оркестра, и музыкантов, и билетеров, и продавцов мороженого, и осветителей, и гримеров, и других актеров, и даже мальчика, подметавшего сцену. Все считали Молли великой актрисой.

Потом начались репетиции.

К своему удивлению, Молли обнаружила, что репетировать очень интересно. Она изо всех сил старалась работать хорошо. Разумеется, что бы она ни сделала, вся остальная труппа считала ее неотразимой. Если она давала фальшивую ноту, никто не замечал. Если спотыкалась в танце, никому не было до этого дела. Ее чечетка выходила неуклюжей, но все уверяли, что девочка просто порхает.

Петулька тоже развлекалась вовсю. В красном, специально сшитом для нее «космическом» костюмчике она была просто неотразима, и ей позволили участвовать в танце. Но, как и следовало ожидать, Петулька терпеть не могла марсианских чудовищ. Они походили на громадные, с рождественскую елку, стручки красного перца с антеннами на голове, да еще и разгуливали по сцене, потому что внутри них прятались актеры. Петулька с первого же взгляда распознала в них врагов (тем более, что по ходу действия они нападали на Молли), и лаяла без передышки, а однажды даже укусила одного монстра за лодыжку. Было решено и на сцене, и за сценой держать Петульку подальше от страшных марсиан.

Репетиции начинались каждое утро в десять часов и после короткого обеденного перерыва продолжались до вечера. Молли надо было выучить все: где стоять, куда идти, как танцевать, что петь и говорить.

Но на третий день работы в театре произошла встреча, которой Молли никак не ожидала.

Молли была в своей гримерной, как вдруг из коридора послышался громкий визг.

— ГДЕ ОНА-А-А?

— Она здесь, мисс Дивина, — с сочувствием ответила украшенная

блестками девушка-хористка. — Но, Дивина, не сердись на нее... Когда ты ее увидишь, то поймешь, почему... Она тебе понравится.

— ПОНРАВИТСЯ??? — раздался еще более громкий визг. — ЕЩЕ ЧЕГО! Она погубила мою карьеру!!! Украла у *меня* все! Да какая муха вас всех укусила? Рикси, Барри... Вы же *знаете*, этот мюзикл держался только на мне.

— Прости, Дивина, но... — беспомощно пролепетала девушка-хористка.

Когда Дивина наконец ворвалась в гримерную к Молли, та была наготове.

— Так вот ты, значит, какая, Молли Мун! — Дивина захлопнула дверь и затопала сапогами на высоченных каблучищах. — Да как ты *смеешь*? Кем ты себя возомнила?

Молли молча смотрела на беснующуюся Дивину — чудо-девочку, юное дарование, звездочку, чьи песни и танцы так нравились всем — и диву давалась. При близком рассмотрении в Дивине не было ничего особенного. Без сценического грима ее лицо казалось бледным и довольно болезненным. Волосы были светлыми, но жидкими и сальными. Под голубыми глазами навывкате темнели серые круги. Зато одевалась девочка блестяще. На ней была пурпурная курточка, такого же цвета замшевые сапоги с высокими каблуками, на шее — ниточка зеленых камней. А Молли в это время примеряла свой скафандр астронавта — подходит ли по размеру.

— Н-но, ведь в тебе нет ничего особенного, — изумленно пролепетала Дивина.

— В тебе тоже, — ответила столь же озадаченная Молли.

— Мне говорили, ты совершенно необыкновенная, — продолжала Дивина, от изумления даже не обратив внимания на реплику Молли. Неужели такая заурядная девчонка с носом картошкой смогла заполучить ее роль? На миг Дивина Наттель совсем растерялась. Потом, скрипнув зубами, сделала шаг к Молли и плавным, чарующим голосом произнесла: — Это мой костюм. Ты должна отдать его мне. — И пристально взглянула Молли в глаза.

Молли спокойно встретила ее взгляд и тут только заметила, какие огромные, черные зрачки у Дивины Наттель. Мало того, что они были огромные, они вращались, как спираль, как темные затягивающие водовороты! Молли пошатнулась, земля начала уходить у нее из-под ног. Она поспешно сосредоточилась и вlepила Дивине полный заряд гипнотической энергии. Однако, увеличивая напряжение в глазах до

максимального, Молли заметила странную вещь: глаза Дивины в свою очередь неумолимо притягивают ее! Собрав последние силы, Молли держалась, сколько могла, пока земля под ногами, покачавшись, снова не обрела прочность.

Вот это неожиданность. Оказывается, у Дивины Наттель тоже есть гипнотические способности! Она умеет петь и танцевать, но, помимо этого, у нее еще есть и дар! Она даже сама не понимала, на что способна! Конечно, ее талант не отточен так остро, как у Молли, но она наверняка пользовалась своими способностями, чтобы гипнотизировать других — очаровать окружающих и получить власть над ними — но так, инстинктивно, не в полную силу! На какое-то мгновение Молли даже захотелось подружиться с Дивиной. Вот бы научить ее всему, о чем написано в книге! Тогда они смогли бы стать партнерами. Они будут непобедимы! Но, услышав слова Дивины, она мигом выбросила эти мысли из головы.

— Ты совсем заурядная, даже уродливая. Кто захочет видеть на сцене такую дурнушку? У тебя ничего не выйдет, так что лучше брось это дело, пока не поздно. Ты не рождена быть звездой, ты зануда, в тебе нет ничего привлекательного, а твоя собака противная.

Петулька жалобно заскулила, и Молли решительно усилила блеск в глазах. Но Дивина в ответ засверкала глазами еще более яростно. Зеленые и голубые глаза мерились силами. У Молли вспотели руки. Она так сосредоточилась на взгляде, что даже не сделала попытки воспользоваться голосом. Молли стало страшно — а вдруг она не победит? И, едва только эта предательская мысль замутила разум девочки, она ослабела. В голову полезли пугающие картины — что станет, если Дивина сумеет загипнотизировать ее? Может быть, она украдет у Молли все способности и оставит ее с пустой головой? Молли представила себе, как скитается, словно бродяга, по нью-йоркским улицам, растерянная и бестолковая, а в голове ничего нет — все похитила Дивина! Эта перспектива была столь ужасающей, что Молли ощутила внезапный прилив энергии. Она направила в глаза такой мощный гипнотический заряд, что волосы у нее на голове встали дыбом, и в тот же миг послышался щелчок, будто лопнула веревка. Противостояние распалось. Молли победила!

Дивина отвернулась и дрожащим голосом произнесла:

— Не знаю, как ты это делаешь. Может, всех остальных ты и покорила, но меня тебе не одолеть. Ты всего лишь прыщавая, страшная деревенская девчонка. — И с громкими рыданиями, признав победу соперницы, Дивина убежала.

Молли была измучена противостоянием и ошарашена. Она никогда не думала, что может встретить другого человека, обладающего гипнотическим даром, и сердилась на себя за то, что дала застать себя врасплох. Надо было догадаться, что на свете существуют и другие гипнотизеры, такие же, как она. Молли задумалась — интересно, много ли в Нью-Йорке людей, которые, подобно Дивине, бессознательно прокладывают себе дорогу своими неотточенными гипнотическими способностями. Потом ей пришло в голову — а многие ли из них *сознательно* пользуются этими способностями для достижения своих целей? Молли попыталась прикинуть, сколько экземпляров книги доктора Логана могло сохраниться. Может быть, здесь полным-полно ловкачей, которые владеют гипнотизмом намного лучше нее самой. Эти мысли отнюдь не внушали уверенности. Молли была рада, когда стук в дверь оторвал ее от горестных размышлений, и Рикси Цветикс просунула в гримерную свое накрашенное, как у пластиковой куклы, лицо, сияющее нежной улыбкой.

— Молли, дорогая, ты готова репетировать?

В тот вечер газета «Нью-Йорк Трибюн» вышла с сенсационным заголовком:

СКАНДАЛ НА БРОДВЕЕ!

Дивина Наттель уступает место новой звезде!

Профессор Нокман сразу же купил газету и торопливо прочитал ее прямо на улице. Значит, девочку зовут Молли Мун, и она выступает в мюзикле на Бродвее. Фантастика! Нокману казалось, что перед ним внезапно зажегся долгожданный, манящий зеленый свет. Все, пора поисков вслепую окончилась! Эта *Молли* Мун оказалась в таком ярком луче прожектора, что теперь уж он больше ее не потеряет. О лучшем нельзя было и мечтать! Профессору Нокману не терпелось увидеться с девочкой.

Вскоре он выяснил, что мисс Мун проживает в отеле «Беллингэм». Нокман остановил свой проржавевший белый фургон на другой стороне улицы, прямо напротив отеля, и уселся ожидать в засаде. От волнения он без конца грыз ногти — профессору не терпелось поскорее увидеть свою добычу.

К тому времени, когда Молли, наконец, появилась, Нокман изгрыз свои длинные ногти чуть ли не в кровь. Всю ночь он просидел в холодном фургоне, кутаясь в кожаное пальто и стараясь согреться от переносного обогревателя, включенного в гнездо прикуривателя. Спал он беспокойно, то и дело просыпаясь и вполглаза поглядывая на вход в отель.

В восемь часов утра к отелю подкатил серебристый «роллс-ройс». Нокман встрепенулся и протер запотевшее окно, чтобы лучше видеть. Портье распахнул перед кем-то гостиничную дверь. Нокман прищурился и наконец-то увидел Молли Мун.

Она шла вниз по лестнице к поджидавшей ее машине. На ней была мягкая белая шубка из норки, такая же меховая шапка, на ногах — кремовые сапожки до колен, на низких каблуках. Под мышкой она держала мопсика. Девчонка выглядела настоящей звездой и ничуть не походила на скромную замарашку, которую Нокман видел в Брайерсвилле.

Профессор почувствовал внезапное уважение к этой выскочке из маленького городка. Подумать только, с какой быстротой она взлетела на самую вершину успеха! Она обладала исключительным даром, и он, Нокман, один во всем Нью-Йорке знал ее тайну!

С этого утра профессор Нокман принялся внимательно следить за всеми передвижениями Молли по городу. Он следовал за ней, когда она в сопровождении телохранителей отправлялась по магазинам, и смотрел, как в ее «роллс-ройс» загружаются все новые и новые пакеты с покупками. Он поджидал ее, когда она шла в залы игровых автоматов и просаживала там целые состояния. Он стоял под окнами сказочных ресторанов, где Молли с Барри и Рикси дегустировала самые изысканные блюда разных кухонь мира. И чем дольше Нокман смотрел на девочку, тем больше убеждался, что гипнотизм — великая сила. Эта Молли Мун крепко держала всех окружающих в своем ловком маленьком кулачке.

Нокман уже много лет мечтал выучиться искусству гипноза — с того самого дня, когда услышал об этой книге от богатой пожилой леди, с которой случайно познакомился в кофейне. Как выяснилось, эта девяностолетняя старушка была родственницей доктора Логана, прославленного гипнотизера, и, мало того, унаследовала его деньги. Пригласив Нокмана в свою роскошную квартиру, она показала ему письмо от брайерсвилльского библиотекаря, содержащее подробное описание книги по гипнотизму.

— Понимаете, если эта книга попадет в плохие руки, — с тревогой говорила старая леди, — страшно подумать, что случится с миром.

С той самой минуты в Нокмана вселилась надежда, что этими плохими руками будут его собственные. Он пришел к выводу, что эта книга, если удастся ее заполучить, поможет ему совершить преступление века, самое громкое за всю его карьеру, преступление, которое он планировал уже много лет. Ибо Нокман не был интеллектуалом и питал к гипнотизму отнюдь не академический интерес. Он был никаким не профессором, а самым что ни на есть профессиональным мошенником. И имел большой опыт в темных делах.

Нокман проводил в своей машине долгие часы, предаваясь приятным размышлениям о том, что его усилия не пропали даром. В какой-то степени ему даже повезло, что Молли Мун нашла эту книгу первой. Потому что теперь, если удастся добраться до нее, он быстро взлетит на самую вершину иерархической лестницы преступного мира. Нокман жадно облизал губы. Теперь он станет величайшим преступником всех времен и народов!

Подреывая в своем фургоне, он представлял, какую кучу денег сумела заграбастать Молли Мун, и одобрительно хмыкал. То погружаясь в сон, то выплывая из него, он фантазировал, как было бы здорово, будь у него самого гипнотические способности, и думал, каким могущественным он мог бы стать. В мечтах Нокману являлись сказочные видения. Вот он в костюме для гольфа идет по лужайке возле громадного особняка, а горничная несет ему чай. Вот он на прогулочной яхте, с экипажем из десяти матросов, идет под парусом вокруг Нью-Йорка. Вот он спит на груди денег, прижимая к себе *книгу по гипнотизму*.

Однажды на заре Нокман проснулся в своем фургоне и увидел, как рабочие наклеивают на стену небоскреба напротив отеля «Беллингэм» огромный рекламный плакат. На плакате была гигантская, метров в тридцать ростом, фотография Молли Мун в костюме астронавта. Под мышкой девочка держала собачку, тоже одетую в маленький скафандр. Нокман захихикал. Эта девчонка — просто *гений*! И чем лучше она освоит гипнотическое искусство, тем лучше будет для него.

Глава девятнадцатая

После встречи с Дивиной Молли дала строгое указание — не пускать на репетиции никого из посторонних. Разумеется, все ее приказы беспрекословно выполнялись.

Теперь, когда Молли выходила из театра или на «роллс-ройсе» с шофером возвращалась в отель «Беллингэм», к ней, щелкая фотоаппаратами, неизбежно слетались стайки журналистов. Молли загадочно смотрела на них из-под темных очков, но никогда не произносила ни слова.

Между тем город полнился слухами о таинственной Молли Мун. Люди гадали, кто она такая и откуда взялась. Окружающая девочку завеса секретности еще сильнее подогревала интерес публики; всем хотелось увидеть ее фотографии в газетах. В одном из глянцевого журналов появилась статья, где Молли называли «Кукушкой» за то, что она украла у Дивины ее роль, а телевизионные каналы наперебой посылали к ней репортеров с камерами, чтобы взять интервью, но безуспешно.

Дивина Наттель пошла на телевидение и долго жаловалась на то, как безжалостно с ней поступили.

Чарли Чат снова и снова звонил в агентство к Барри Хвату, умолял дать эксклюзивное интервью, звал Молли Мун к себе в программу. Но Барри сказал, что это произойдет не раньше, чем окупятся все затраты.

А Нокман целыми днями колесил по городу. Ему не терпелось заполучить Молли в свои руки.

Но добраться до нее оказалось очень трудно.

Куда бы она ни пошла, вокруг всегда толпились люди. Нокману оставалось только смотреть да ждать удобного случая. Может быть, после премьеры Молли начнет давать интервью, и тогда он сможет представиться журналистом. Нокман пытался расслабиться, но он был нетерпелив по натуре, и такое безвыходное положение сводило его с ума. Он боялся, как бы кто-нибудь другой не разгадал секрет Молли. Он сидел в своем фургоне, курил, жевал сырое печенье и с подозрением смотрел на все припаркованные рядом машины. Постепенно его фургон наполнился мусором и пустыми коробками от съеденного печенья и консервов, в нем стоял тошнотворный запах. Да и сам Нокман вонял даже хуже, чем обычно. К запаху прогорклого масла, рыбы и табака примешивался аромат

дешевого лосьона после бритья, но даже ему не удавалось перебить запах застарелого пота. Время от времени Нокман возвращался в свою квартирку возле железной дороги, чтобы помыться, но случалось это нечасто, потому что он боялся хоть на миг потерять след Молли Мун. День шел за днем, а он мог думать только о девчонке.

Он питал к Молли смешанные чувства. Он завидовал ей, потому что она первой нашла книгу о гипнотизме и освоила все описанные в ней трюки, но прежде всего — потому, что она купалась в роскоши, а он прозябал в своем помятом фургоне. Но в то же время Нокман благоговел перед ее талантами, а так как он уже привык считать девчонку своей собственностью, то наслаждался ее восхождением к славе. Чтобы сохранить рассудок, он поглаживал висевшего на шее золотого скорпиона и снова и снова повторял про себя одно и то же заклинание:

*«Чем лучше для нее, тем лучше для меня.
Чем лучше для нее, тем лучше для меня.
Чем лучше для нее, тем лучше для меня.
Чем лучше для нее, тем лучше для меня».*

А ее собачонка... он ее ненавидел. Проклятый мопс с самодовольной мордой не отставая трусил за ней по пятам. Нокман с завистью думал о том, что Петулька спит на мягкой постельке и поглощает сытные обеды. Подумать только, эта собачонка стала спутницей Молли и ее лучшей подругой!.. Ради этой псины девчонка на все готова... И тут Нокману пришла в голову гениальная мысль. Он обожал использовать других себе на благо и теперь чуть не завизжал от удовольствия. Радость предстоящей победы подхлестывала его мысли. Как же он раньше недооценивал эту собачонку?! Она — ключ к сердцу Молли! Нокман улыбнулся и почесал двойной подбородок. В его голове окончательно созрел коварный план. Вот она, желанная удача!

Глава двадцатая

На смену ноябрю пришел декабрь: зима вступила в свои права. В Нью-Йорке стало очень холодно. Молли практически не вспоминала о Рокки: целыми днями она была занята на репетициях, а каждую свободную минуту наслаждалась славой и богатством. Она без конца разъезжала по городу, всегда в сопровождении слуги и телохранителя, отгонявших назойливых журналистов. Много долгих счастливых часов Молли провела в магазинах, в кино, любовалась достопримечательностями. Она зашла в эксклюзивный салон и сделала себе модную стрижку, с которой больше не походила на приютскую сиротку, и терпеливо выдержала десять сеансов в салоне красоты, где ее кожу отпарили и взлелеяли так, что она буквально сияла. Хотя руки до сих пор потели, с роскошным маникюром они выглядели гораздо лучше. Ногти были отполированы и подстрижены в виде идеальных полумесяцев.

Молли нравилась такая жизнь. Ей было приятно находиться в центре внимания, видеть, с каким почтением к ней относятся окружающие. Теперь ей было трудно даже представить, что на свете существует и какая-то иная жизнь. Как легко жить, когда все тебя обожают! И чем глубже погружалась Молли в этот водоворот удовольствий, тем больше проникалась мыслью, что она этого заслуживает. Мало того, ей начало казаться, что люди восхищаются ею не только потому, что она их загипнотизировала. «Наверное, во мне и в самом деле есть что-то звездное, — думала она. — А эти деревенщины в Хардвикском приюте были просто слишком неотесанными, чтобы заметить это».

Через две недели, после усердных многочасовых репетиций, состоялась премьера новой постановки *«Звезд на Марсе»*. Розовая неоновая реклама на фасаде театра немного изменилась. Теперь она гласила:

«Звезды на Марсе»

В ролях:

Молли Мун и собачка Петулька

Молли сидела в своей гримерной, прижимая к груди Петульку, и страшно волновалась. И девочка, и собака были одеты в серебристые скафандры космических десантников. Лицо Молли скрывалось под толстым слоем грима, чтобы кожа не блестела в ярком свете софитов. Глаза были подведены черной тушью, чтобы казаться больше, а щеки припудрены золотистыми блестками. Петулька была тщательно причесана, ее шерстка, как и волосы Молли, была усыпана сверкающей пудрой. Рядом на длинной перекладине висели другие наряды — легкие космические комбинезоны и расшитые блестками костюмы для танца. Повсюду, где оставался хоть клочок свободного места, стояли вазы с цветами — подарками многочисленных поклонников. В дверь постучали, заглянула обеспокоенная Рикси:

— Молли, занавес через двадцать минут. Как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, хорошо, — соврала Молли.

— Желаю удачи, девочка, хоть тебе она и не понадобится, ты и так звезда, Молли, сияющая звезда, и сегодня все в этом убедятся. Сегодня весь Нью-Йорк будет у твоих ног!

— Спасибо, — повторила Молли, и у нее засосало под ложечкой. Рикси исчезла.

— Ох, Боже мой, Петулька, что же я наделала? — простонала Молли. Теперь, когда до выхода на сцену оставалось всего двадцать минут, она горько раскаивалась в своей затее и спрашивала себя: как ей только могла прийти в голову мысль участвовать в бродвейском мюзикле?! Теперь эта идея уже не казалась ей такой заманчивой. Сейчас она боялась в тысячу раз сильнее, чем перед конкурсом талантов в Брайерсвилле. Публика здесь совсем другая. В зрительном зале сидят придирчивые нью-йоркцы, готовые освистать любого артиста. Зрители будут настроены скептически, недоверчиво, агрессивно, их трудно, очень трудно удивить... и намного, намного труднее загипнотизировать. Молли вспомнила, как нелегко было одолеть Дивину. А что если среди публики окажется опытный гипнотизер? Например, один из тех гипнотерапевтов, которые помогают людям бросить курить. Молли постаралась взять себя в руки. Что за глупые мысли лезут в голову? Разумеется, она будет гораздо сильнее их. Оставалось только надеяться, что ей поможет новая сцена, с новыми декорациями, которую по ее специальному настоянию добавили в самое начало спектакля.

— Занавес через пятнадцать минут, — объявил распорядитель.

Молли достала из кармана свой маятник и всмотрелась в черную спираль.

— Получится, получится, должно получиться! — снова и снова

твердила себе девочка. Поцеловав маятник на счастье, она сунула его обратно в карман комбинезона. Молли и Петулька прошли по коридору и поднялись по лестнице к боковому выходу на сцену. Из-за занавеса доносился гул переполненного зрительного зала. У Молли вспотели ладони, сердце отчаянно колотилось.

— Удачи, удачи тебе, — говорили все вокруг. Она вышла на сцену и заняла свое место в кабине космического корабля, готового к старту. — Десять минут до занавеса, — шепнул кто-то. У Молли подвело живот. Она никак не могла сосредоточиться.

Оркестр заиграл увертюру — попурри из лучших песен мюзикла. Публика притихла, слушая. Молли съежилась. Голова стала пустой, как набитый ватой мешок.

— Ну же, Молли, напрягись, у тебя все получится, — сказала она себе тихим дрожащим голосом.

Увертюра закончилась, и, хотя Молли горячо желала, чтобы время остановилось, спектакль все же начался. Под барабанную дробь занавес с шелестом поднялся.

Публика затаила дыхание. Тысячи глаз впились в Молли Мун. Кукушка. Вот она, новая звезда Бродвея, сидит в кабине огромного космического корабля и поглаживает примостившуюся рядом собачку Петульку.

Из динамиков загрохотал механический голос.

— Наземный центр управления — майору Уилбуру. Слышите меня? Вы готовы к старту?

— Готов, — ответил майор Уилбур.

И вдруг, очень медленно, с потолка начало спускаться огромное стекло.

Это и была новая сцена, добавленная Молли. Перед ракетой установили не простую раму, а специальное, необыкновенно мощное увеличительное стекло, которое театр за огромные деньги заказал в НАСА — американском космическом агентстве. Сквозь него Молли казалась публике настоящей великаншей. А самой сильной частью увеличительного стекла была его середина, и, когда Молли приблизилась к ней, ее закрытые до сих пор глаза стали больше в восемьдесят раз.

Сцена выглядела эффектно, и по залу прокатился одобрителный шепот. Искушенным нью-йоркским зрителям спектакль нравился, они расслабленно откинулись в мягких креслах и смотрели, как сцена постепенно погружается в темноту: только на закрытых глазах Молли играл луч прожектора.

— Десять, — начался обратный отсчет в громкоговорителе. — Девять... восемь...

— Двигатели включены, — сообщил майор Уилбур.

— Семь, шесть... пять... — отсчитывала Земля.

— Есть зажигание, — сказал майор.

— Четыре... три... два... один. Старт!

По залу прокатился грохот. Вокруг кабины вспыхнули оранжевые огни, изображавшие пламя двигателей, и в тот же миг глаза Молли, огромные, как экраны самых больших телевизоров, распахнулись. В последний миг Молли сумела сосредоточиться, и ее увеличенные в десятки раз глаза пробежали по зрительному залу, как лучи лазеров. Во всем зале, от партера до галерки, люди смотрели в глаза Молли, и странная неодолимая сила притягивала их, всасывая в гипнотический круговорот ее взгляда.

Молли показалось, что воздух наполнился электрическими разрядами, они щекотали ее от корней волос до кончиков пальцев. Это и было то самое, уже хорошо знакомое ей чувство слияния, только увеличенное в громадном масштабе зрительного зала. Молли медленно обвела взглядом театр, заглядывая в самые дальние уголки, и вернулась в первые ряды партера. Чувство слияния становилось все сильнее и сильнее, и внезапно страх куда-то исчез, словно испарился. Молли ощущала в себе необычайную силу, она была уверена, что сумела добраться до каждого, кто сидел в зале, и знала, что билетерам строго-настрого велено не впускать опоздавших. Ей ничто не угрожало.

— Смотрите — на — меня, — на всякий случай произнесла Молли, хотя все глаза в зале и без того были обращены на нее. — Смотрите — на — меня, — медленно повторила она, и голос ее был притягателен, как магнит.

Молли вплела гипнотические инструкции в песенку, которую сама сочинила. Теперь она запела ее без оркестрового сопровождения. Мелодия была простая, но призрачно чарующая.

Этот спектакль — несравненно — хорош.

Лучше него — ты нигде — не найдешь!

Мои танцы — и песни — обрадуют всех,

Мои шутки — вызовут — громкий смех.

Наш мюзикл — лучший — на все — времена.

Звездой — двадцать первого века — стану — Я!

Молли щелкнула пальцами, и зал наполнился оглушительным ревом ракетных двигателей.

— Готово, — сказала Молли, приблизив лицо к середине увеличительного стекла. — Мы ВЗЛЕТЕЛИ!

Увеличительное стекло поднялось к потолку, и мюзикл начался по-настоящему.

Целых два часа публика стонала от восторга, восхищенная песнями и танцами Молли. Она с одинаковым изяществом танцевала все — и балет, и чечетку, и джаз, и брейк-данс. Она как пушинка взлетала в воздух и скользила над сценой. А когда она запела, зрители от наслаждения закрыли глаза и впали в сладостное забытие. Девочка очаровала всех!

Однако на самом деле Молли танцевала довольно неуклюже и невпопад. В чечетке она тяжело топала, а в джазовом танце никак не могла попасть в такт. Но самой Молли очень нравилось танцевать, а интереснее всего были боевые сцены с участием марсиан. Голос у нее был невыразительный, она страшно фальшивила, но никто этого не замечал. Другие актеры играли замечательно и подсказывали ей, когда она забывала слова, но в этом не было нужды — Молли могла бы вообще не произнести ни единой строчки, и публика все равно бы ею восхищалась. Да и Петулька тоже всем понравилась, хотя она ничего не делала — просто лежала на сцене возле рампы и со скужающим видом сосала камушек.

Мороженое капало зрителям на колени — они забывали лизать его.

Когда спектакль закончился, зал взорвался аплодисментами. Молли вышла на поклон, и публика встала. Началась овация. Юную артистку завалили букетами цветов. Когда кончились цветы, люди принялись срывать с себя и кидать девочке все, что у них было — часы, украшения, шляпки и модные шарфики... Нью-Йорк давно не видывал такой бури восторгов! Занавес опускали и снова поднимали сорок раз! Аплодисменты не смолкали, зрители хлопали в ладоши так, что руки у них покраснели и распухли. Наконец занавес опустился в последний раз.

Молли была на вершине блаженства. Она считала, что каждый зритель увидел именно то, что она хотела ему внушить.

Однако один человек в зрительном зале все же выскользнул из ее сетей. Это был маленький мальчик, которого Молли не сумела загипнотизировать потому, что он не смотрел на нее и не слушал. Он с карманным фонариком читал комикс и так увлекся приключениями Супермена, что забыл посмотреть Молли в глаза. Поэтому, дочитав наконец комикс, он оказался единственным, кто сумел оценить таланты Молли Мун действительно по достоинству.

— Мам, *не такая* уж она и хорошая, — говорил он, выходя из театра. — У нас *в школе* таких полным-полно, даже получше нее.

Мама пришла в ужас.

— Бобби, как ты можешь так говорить? Она *удивительная! Необыкновенная!* Бобби, запомни этот вечер на всю жизнь! Сегодня у тебя на глазах состоялось рождение новой звезды.

Бобби спорил с мамой всю дорогу домой, и, в конце концов, мама пришла к печальному выводу, что ее сыну нужны либо очки, либо слуховой аппарат, а то и консультация у психотерапевта.

Нокман не пошел на премьеру. Он боялся, что в зрительном зале его заставят снять противогипнотические очки, а он не хотел рисковать. Кроме того, разработанный им план предусматривал, чтобы после окончания спектакля он поджидал за дверью, возле служебного входа в театр.

Начался дождь. Нокман в своем кожаном пальто стоял в тени высокой кирпичной стены, в нескольких метрах от служебного входа. Дождь заливал его лысину и нечесаную гриву сальных волос. Крупные капли стекали за шиворот и падали с кончика носа.

К половине одиннадцатого у служебного входа собралась толпа поклонников, жаждущих получить автограф новой звезды. Минут через двадцать дверь открылась, и на пороге в сопровождении двух дюжих охранников появилась сияющая Молли Мун. Звезда приветливо махала рукой.

Приветственные крики толпы захлестнули девочку с головой. Она совсем забыла про Петульку.

А Петулька вышла под дождь и направилась в сторонку от галдящей толпы — подышать свежим воздухом. Она обнюхала фонарный столб и с удовольствием пометила территорию. И вдруг ей в нос ударил очень интересный запах бараньей кожи. Принюхиваясь, она трусцой направилась к темной стене на разведку. Едва собачка вышла из круга света, отбрасываемого фонарем, сильная рука в перчатке подхватила ее и укутала в тряпку. Другая рука крепко зажала пасть. В мгновение ока Петулька оказалась под мышкой у маленького, толстого, вонючего человечка, торопливо удаляющегося по переулку. Собачка корчилась, вырывалась, но так и не смогла высвободиться из железной хватки. Собачьим чутьем, слухом и обонянием она чувствовала, что Молли уходит от нее все дальше и дальше. Бедняжке Петульке было очень страшно.

Нокман открыл заднюю дверь фургона и сунул Петульку в заранее подготовленную клетку. Не успела собачка опомниться, как он захлопнул

дверцу клетки, а за ней — и дверь машины. Сам он вскочил на переднее сиденье, включил мотор, и машина рванулась прочь.

Глава двадцать первая

Подписав, как ей показалось, не меньше тысячи автографов, Молли свистнула Петульку. Собачка не отозвалась. Молли решила, что та ушла обратно в театр, подальше от шумной толпы. Но и в здании Петульки не было. Молли облазила все любимые Петулькины уголки: подушку под туалетным столиком, где она держала свои камушки, гору тряпок под столом с реквизитом, щель между синими бархатными креслами. Она заглянула в туалет, на сцену и даже в гримерную марсиан. Но Петульки нигде не было. Вскоре в поиски включилась вся труппа. Искали в шкафах, чуланах, за шторами. Заглянули в фойе, в билетную кассу, в буфет. Петулька как сквозь землю провалилась. У Молли защемило сердце: она заподозрила самое худшее. Привратник у служебного входа обыскал все окрестные переулки — не попала ли собачка под машину. После этого вывод оставался только один: Петульку похитили!

Молли не находила себе места. Кто мог украсть собачку?! Стоило ей представить себе Петульку в чужом, незнакомом доме, одинокую и испуганную, и глаза ее наполнились слезами.

— Знаешь что? — говорил Барри Хват, пытаясь утешить девочку. — Петульку украли потому, что она кому-то очень *понравилась*, а раз она им нравится, значит, с ней не будут обращаться плохо. — Но в уме он уже прикидывал, какую выгоду можно извлечь, если обратить исчезновение Петульки в рекламу. — Сделаем вот что. Дадим экстренное интервью на телевидении. Кто-нибудь наверняка видел твою Петульку. Люди всегда *замечают*, если у соседей появляется новая собака. Они позвонят и расскажут.

Прибыла полиция. Молли поговорила с сержантом наедине и, пустив в ход все свои силы, убедила его, что найти Петульку — самое важное дело в его жизни. Сержант позвонил своему начальнику, и на поиски пропавшего мопсика было тотчас же отряжено двадцать полицейских.

Рано утром Молли приехала в телестудию «Солнышко», где ее напудрили и усадили перед телекамерами. Напротив сидел Чарли Чат, все еще в вечернем костюме, потому что продюсер вытащил его из ночного клуба.

Расстроенная Молли думала только о Петульке и никак не могла сосредоточиться. Гипнотический взгляд не получался. Но потом она сказала себе, что делает это *ради* пропавшей собачки, и изо всех сил

постаралась напустить на себя побольше очарования.

Наутро в воскресенье нью-йоркцы сели завтракать и вприкуску с кукурузными хлопьями, блинчиками и овощным рагу смотрели беседу Молли с Чарли Чатом.

— Какая *жалость*, — рычал ослепленный нежностью Чарли Чат, — что такой тор-р-ржественный вечер-р-р омр-р-рачился ужасной тр-р-рагедией. Твоя собачка, котор-р-рая, как мне пер-р-редали, была настоящей звездой этого спектакля, исчезла неведомо куда! — Раскатистый голос Чарли Чата наполнился невыразимым сочувствием. — Молли, ты полагаешь, что Петульку похитили, укр-р-рали?

По всему восточному побережью телезрители видели девочку-звезду, о которой уже месяц трезвонили все газеты, и слышали ее мольбу о помощи.

— Если кто-нибудь из вас вспомнит, что видел мопсика, похожего на Петульку... — Молли показала фотографию собачки в космическом скафандре. — Представьте ее без сценического костюма. К сожалению, у меня нет другой фотографии, этот снимок сделан на спектакле. Она любит грызть камушки. Если кто-нибудь из вас знает, где ее искать, пожалуйста, сообщите в театр «Манхэттен». Каждого, кто сообщит полезную информацию, ждет награда в двадцать тысяч долларов. Понимаете, я знаю Петульку с раннего детства. Мать бросила ее в щенячьем возрасте, и поэтому я не могу покинуть бедняжку. Это слишком тяжело — когда тебя бросают два раза в жизни. И она очень много для меня значит. Она моя лучшая подруга, хотя, — Молли вдруг вспомнила о том, что Рокки в Нью-Йорке, и подумала: интересно, смотрит ли он телевизор за завтраком? — хотя у меня есть лучший друг и среди людей, и если он меня сейчас видит, я хочу передать ему привет. Рокки, я очень хочу поскорее увидеть тебя. Но сейчас я говорю с вами в первую очередь ради Петульки, потому что она потерялась. Может быть, она в опасности. Пожалуйста, помогите мне!

Нью-йоркцы, сидевшие у телевизоров, до глубины души жалели Молли. Ей удалось передать часть своего гипнотического очарования через радиоволны, и зрители ловили себя на мысли, что эта девочка чем-то неуловимо притягивает их. С виду она не такая уж и красавица, думали нью-йоркцы, но что-то в ней есть! Миллионы американцев отправились на работу, думая только о Молли, и по дороге прислушивались к собачьему лаю, всматривались — не промелькнет ли где-нибудь черный мопс.

В этот день обращение Молли к телезрителям повторялось несколько раз, и ни один мопсик в городе не чувствовал себя в безопасности: жаждущие награды искатели Петульки с самыми благими намерениями выкадывали собак у их хозяев и приносили в полицию. В полицейских

участках стоял бардак; некуда было ступить от лающих псов и галдящих людей. Владельцы собак ругались с собакоискателями, искатели — с полицейскими. Нью-йоркская полиция проверяла каждое сообщение, внимательно осматривала каждую собачонку, но Петульки среди них не было.

После интервью Молли ничего не оставалось, кроме как вернуться в отель. Стояло воскресенье, поэтому вечером спектакля не было, и в гостиничном номере без Петульки было очень одиноко. Молли долго разглядывала фотографии Петульки в сценических костюмчиках и вспоминала приключения, которые им довелось пережить. Что ей теперь делать без собачки?! Молли чуть не плакала. До слез захотелось погладить черные бархатистые ушки, такие мягкие, нежные. В пятнадцатый раз Молли проклинала себя за то, что упустила Петульку из виду, за то, что, поддавшись глупому тщеславию, бездумно раздавала автографы... И вдруг зазвонил телефон.

— Алло, — с надеждой подняла Молли трубку.

— Твоя собака у меня, — раздался грубый голос.

— Что... где... О, спасибо! С ней все в порядке? — на одном дыхании выпалила девочка.

— Слушай меня внимательно, — послышался ледяной голос Нокмана. — Если хочешь получить собачонку обратно, делай, как я скажу. Прежде всего, ничего не говори сейчас по телефону. Если произнесешь хоть слово, я повешу трубку. — Злодей опасался, что Молли попытается загипнотизировать его голосом. — Говори только «ДА» или «НЕТ». Поняла? — приказал он.

— ДА, — прошептала Молли. Ей было страшно. Этот человек казался сумасшедшим. Она боялась разозлить его.

— Если не выполнишь все мои требования, я убью собачонку, — продолжал голос. — Поняла?

Молли похолодела.

— ДА, — снова пролепетала она. Слово «убью» прогрохотало в голове тревожным колоколом, руки затряслись так сильно, что телефонная трубка заколотилась о щеку.

— Вот и хорошо, — сказал незнакомец. — Жду тебя у оркестровой эстрады в Центральном парке в шесть тридцать. Я приду один. И ты приходи одна. Собаку я с собой не возьму, но, чтобы ты мне поверила, принесу ее ошейник. Я не шучу. Если приведешь кого-нибудь еще или впутаешь в это дело полицию, собачонке конец. Поняла?

— ДА. — Молли невидящими глазами смотрела на стену. Ей не

верилось, что весь этот кошмар происходит наяву. — ДА.

— Я выставлю мои требования. Если согласишься, так и быть, получишь собаку назад. Поняла?

— ДА, — снова повторила Молли, хотя в голове стоял такой туман, что она не понимала ни слова. Раздались короткие гудки. В отчаянии Молли кусала трубку, пытаясь осознать услышанное. За свою жизнь она встречала немало жестоких людей, но ни один из них не был так страшен, как этот обладатель незнакомого голоса. Молли поняла, что вела себя глупо. Была бы она умнее, подготовилась бы к чему-то подобному. В конце концов, она не где-нибудь, а в Нью-Йорке, городе, на дне которого обитают сонмы всевозможной нечисти. И ей предстоит встретиться с одним из таких подонков?... По спине у Молли поползли мурашки. Однако она быстро взяла себя в руки. О чем ей беспокоиться? Она же гипнотизер! Разве можно об этом забывать? С ней ничего не случится, правда? В душу закрались сомнения: она вспомнила, какое сопротивление оказала ей Дивина. Но этот человек, рассудила Молли, отпетый мошенник и жалкая личность. Обладай он способностями Дивины, ему не пришлось бы воровать собачек.

Молли бросила взгляд на часы у кровати. Уже без пятнадцати пять. До Центрального парка совсем близко, но как туда добраться никем не замеченной? Молли приоткрыла балконную дверь, выглянула на улицу и в отчаянии отшатнулась: внизу прохаживались, явно поджидая ее, четыре фотографа. Молли торопливо соображала.

Она пошарила в шкафу и вытащила старые джинсы, серый джемпер и потрепанную куртку, которые, по счастью, не выбросила. Надела их — в таком костюме она не будет выделяться из толпы. Сунув в один карман пачку денег, а в другой — маятник, она вышла из номера и на цыпочках направилась в комнату уборщиц в конце коридора. Туда, она видела, горничные относят охапки грязного постельного белья и бросают их в наклонный желоб, ведущий в прачечную. Придется рискнуть...

По темному, скользкому желобу Молли кубарем скатилась в гостиничный подвал и приземлилась на кучу грязных простыней. Страхнула с макушки чей-то вонючий носок и огляделась. Никого не видно. Молли бесшумно пробралась к черному ходу. Снаружи стоял велосипед разносчика, но он был великоват, к тому же от страха Молли плохо владела руками и ногами. Она два раза упала и пребольно оцарапала ногу о велосипедную цепь, но потом все-таки сумела удержать равновесие. Через минуту она, крутя педали, быстро катила к западу от черного хода отеля «Беллингэм», ее волосы развевались на ветру, а на лице застыла тревожная решимость. Слушая, как шелестит под шинами асфальт, Молли

говорила себе, что бояться нечего, что таинственный похититель просто станет ее очередной жертвой. Пересекая Мэдисон-авеню, Молли внушала себе, что надо быть сильной, и тогда она скоро снова увидит Петульку. На Пятой авеню, возле Центрального парка, девочка чувствовала себя уже более уверенно. Но стоило ей подъехать к воротам парка, как дурные предчувствия нахлынули вновь. Дрожащим пальцем она проследила путь по карте парка и увидела, что эстрада находится совсем недалеко. Молли взяла себя в руки. По вечерам в Центральном парке околачиваются всякие странные типы, думала она, и ее незнакомец — один из них. Надо только следить, чтобы кто-нибудь не выскочил неожиданно из темноты, и тогда ей ничего не грозит. Вздохнув поглубже, Молли вступила в ворота парка. В парке было очень красиво. Из-за облаков вышла луна, ее лучи серебрили кроны больших, скинувших на зиму листву деревьев. По земле стелился влажный туман, и Молли шла по щиколотку в белой дымке. Потом она снова села на велосипед и покатила по дорожке, то и дело оглядываясь, как бы кто не напал сзади. Молли храбрилась изо всех сил, но при каждом хрусте сухой ветки, при любом шелесте в кустах сердце у нее уходило в пятки. Время от времени мимо пробежал какой-нибудь бодрый старичок в спортивном костюме или проезжал подросток на роликовых коньках, но по большей части одиночество девочки оставалось никем не нарушаемым. Когда она, наконец, добралась до эстрады, там никого не было. Молли прислонила велосипед к стене и по лестнице вскарабкалась на обледеневшую сцену. Где-то вдалеке часы пробили сначала четверть, а потом и половину седьмого. Пошел дождь. Молли терпеливо ждала, пытаясь взять себя в руки. Сердце громко колотилось, едва не выскакивая из груди. Наконец на краю поляны показалась невысокая, толстая, чем-то смутно знакомая фигура. Сперва человек, таясь, перебежал от куста к кусту, потом, подняв глаза, направился прямо к Молли.

Глава двадцать вторая

Человек вскарабкался по лестнице на эстраду. От страха у Молли застучали зубы. Она изо всех сил стиснула челюсти, но это привело лишь к тому, что у девочки задрожала голова. Порыв холодного декабрьского ветра донес до нее омерзительный запах. От страшного незнакомца тошнотворно воняло прогорклым маслом, потом и табаком. Когда человек, наконец, поднялся на дощатую эстраду, Молли заметила, что на голове у него надеты наушники и странные очки со спиральным узором на стеклах. В одной руке он держал чемоданчик, в другой — микрофон, подключенный к непонятному устройству у него на поясе. Одет он был в потертое кожаное пальто. Молли решила, что он, несомненно, *чокнутый*. Но, хоть девочке и было очень, очень страшно, она все же собралась с силами и вложила в глаза всю гипнотическую энергию, на какую была способна. Как только незнакомец вступил в свет тусклой лампочки, горевшей на эстраде, она впилась в него пылающим взглядом.

— Доб-ро пожа-ловать, — медленно произнесла Молли, намереваясь ввергнуть мерзкого подонка в *глубочайший* транс. Но он не остановился как вкопанный, а наоборот, сделал к девочке еще один шаг и протянул ей микрофон.

— К сожалению, Молли, твой чарующий взгляд на меня не подействует. Я ношу противогипнотические очки, сконструированные самим доктором Месмером. А что касается твоего завораживающего голоса — я его не слышу. Это устройство меняет интонации и тембр человеческого голоса. Через него ты разговариваешь, как пришелец из далекого космоса.

Молли озадаченно замолчала. И вдруг она заметила на шее у похитителя золотого скорпиона. Его бриллиантовый глаз сверкнул в лунном свете, и тут девочка узнала уродливое лицо незнакомца. Это был крикливый профессор из Брайерсвилльской библиотеки!

В ту же секунду, как это ни странно, все Моллины страхи куда-то улетучились. Она даже обрадовалась, встретив профессора, потому что ожидала увидеть кошмарного маньяка-похитителя. И ей было приятно увидеть человека, бывавшего в Брайерсвилле. Он казался ей чуть ли не старым другом. Молли постаралась соображать быстро и логично. Профессор не может быть похитителем, значит, Петульку украл кто-то другой! Может быть, он что-нибудь знает о похитителе? На миг Молли

растерялась. Но тут перед мысленным взором девочки как наяву встала сцена в Брайерсвилльской библиотеке. С ужасающей ясностью она увидела, как профессор злобно кричит на несчастную библиотекаршу. Он требовал книгу, которую та потеряла. Книгу доктора Логана. Книгу, которую она, Молли Мун, украла. Девочка окинула взглядом необычайное снаряжение профессора. В краткое мгновение, за которое можно было бы поймать медлительную бабочку, она поняла, что попала в серьезную беду.

— Перейдем к делу, — начал профессор. — Я знаю все твои фокусы, Молли Мун. Или лучше называть тебя «мисс Кукушка»? Я *прекрасно* знаю, как ты действуешь. Знаю, откуда ты приехала и что успела натворить. Та *книга по гипнотизму*, которую ты нашла, принадлежит мне. Я за нее заплатил. Она МОЯ! Я знал о книге Логана еще тогда, как ты под стол пешком ходила!

Нокман смотрел на Молли сквозь стекла спиральных очков и, неожиданно для себя, почувствовал, что не на шутку волнуется. Ибо, по правде сказать, в самой глубине своей темной души Нокман восхищался девчонкой. Все остальные восхищались ею, потому что она их гипнотизировала, но Нокман и в самом деле считал Молли звездой. На его взгляд, она действительно была ослепительно талантлива. Он видел ее в действии и уважал за это. У Молли, по его мнению, были все задатки великой преступницы, и он считал за честь познакомиться с ней. Он увидел в ней родственную душу и поэтому заговорил более мягко.

— Как видишь, Молли Мун, ты причинила мне немало хлопот. Гоняться за тобой было очень утомительно, хотя временами довольно забавно. Мое терпение подошло к концу. Думаю, ты поймешь, если я в виде компенсации за хлопоты кое-чего потребую от тебя.

У Молли заколотилось сердце. Она совсем пала духом и оглянулась по сторонам — не придет ли кто-нибудь на помощь. Нокман заметил это и тотчас же сказал:

— Если хочешь снова увидеть свою собачонку, даже не думай впутывать кого-нибудь в это дело. А тебе ведь *очень хочется* ее увидеть, правда?

— Да, — с несчастным видом кивнула Молли.

Нокман сел на скамейку и сунул руку в карман.

— Вот. — Он передал Молли красную кожаную полоску. — Ее ошейник.

Молли закусила губу.

— Обещаю, — продолжил он. — Я не сделаю тебе ничего плохого. Даже наоборот, Молли Мун, моя просьба может тебе понравиться. Но

предупреждаю еще раз, ты обязательно *должна* сделать все, о чем я попрошу. Потому что иначе, можешь мне поверить, ты никогда больше не увидишь свою собачонку, а в Нью-Йорке многие, очень многие узнают твой маленький *секрет*. Скажем так. Я уверен, все, кто знает тебя, очень огорчатся, когда услышат, *каким путем* ты проложила себе дорогу наверх. А в суде тебя могут даже обвинить в мошенничестве. Если твоя вина будет доказана, за такое преступление ты сядешь в тюрьму. Разумеется, девочек твоего возраста не сажают в тюрьму, их отправляют в исправительные учреждения для малолетних преступников, но, я слышал, такие заведения — места очень негостеприимные, похуже некоторых сиротских приютов. — Нокман злорадно улыбался, в его глазах горел хищный огонек.

— Н-но Петулька, — заикаясь, вымолвила Молли. — Скажите, с ней все хорошо?

— До нее мы еще дойдем.

— Что вам надо? — взорвалась Молли. — Денег? У меня их куча! Берите, сколько хотите. — Молли лихорадочно соображала. Как этот гнусный проходимец сумел найти ее? Она его ненавидела.

— Деньги? — хихикнул Нокман. — Да, можно сказать, мне нужны именно деньги. Но дело в том, — он открыл чемоданчик, — дело в том, что мне требуется твоя помощь. — Рукой, затянутой в перчатку, Нокман достал из чемоданчика большой конверт и протянул Молли. — Здесь подробно написано, каким образом ты должна мне помочь. Я хочу воспользоваться твоим умением... всего на денек. Окажи мне небольшую услугу в благодарность за всю ту выгоду, какую ты извлекла из моей книги по гипнотизму.

— Чего вы от меня хотите? — спросила Молли, беря конверт так, словно он мог взорваться у нее в руках.

— Чего я хочу? — Нокман вздохнул. — В первую очередь я, конечно, хочу получить *книгу Логана*. Тут и разговоров быть не может. А во-вторых, хочу, чтобы ты оказала мне одну услугу. Помогла ограбить банк.

Глава двадцать третья

— Ограбить банк? — Молли чуть не поперхнулась, и Нокман снисходительно засмеялся.

— Тебе никогда не приходило в голову, мисс Мун, что ты могла бы применить свои способности и для ограбления? Танцуешь себе по сцене, чтобы заработать на кусок хлеба с маслом, а ведь могла бы в один присест заиметь в миллионы раз больше — стоит только разок заглянуть в банк.

— Нет, я об этом не думала, — честно ответила Молли. Она была как в тумане.

— Так подумай, — наставительно сказал Нокман. — И не робей. У тебя есть все задатки для того, чтобы стать звездой преступного мира. Можешь собой гордиться.

— Но я никогда не стану грабить банк, — упорствовала Молли.

— Еще как станешь! А когда вернешься в «Беллингэм» и вскроешь этот конверт, тебе наверняка это понравится. — Нокман был весьма доволен собой. — В нем ты найдешь план, от которого закружится твоя глупая головка. Узнаешь, малышка, как совершаются *настоящие преступления века*. — Он шумно вздохнул. — Ты ограбишь Шорингс-банк. Может быть, ты о нем слышала. Он находится в самом богатом районе Нью-Йорка, на Сорок шестой улице. В нем хранят свои драгоценности все торговцы-ювелиры и даже некоторые владельцы дорогих украшений. Этот дом под завязку набит рубинами, сапфирами, бриллиантами. Какой камень ни назови — их в Шорингсе хоть пруд пруди. В этом банке нет золотых слитков и больших запасов наличной валюты. Он знаменит своими *драгоценностями*. А почему все предпочитают хранить свои камушки там? Потому что Шорингс — самый неуязвимый банк в мире. Проникнуть в него труднее, чем добраться до центра Земли. Каждый преступник спит и видит, как бы забраться в Шорингс, а я мечтал об этом с детских лет.

— Но вы же профессор! — воскликнула Молли и сама поняла, как фальшиво это звучит.

— Брось, детка, — фыркнул Нокман. — Проснись и пой. Никакой я не профессор. Хотя, можно сказать, что я профессор преступных наук. — Он ухмыльнулся собственной шутке. — Я уже довольно-таки давно веду *исследования* в этой области знаний. Неуязвим ли Шорингс? Конечно. Но не для такого гения, как я. Я полон решимости взломать его. И поэтому я устроился туда на работу уборщиком. И убирался я *очень* хорошо, чтобы

они не вздумали выгнать меня. Я мыл полы, чистил уборные и все время изучал этот банк, смотрел, как он работает. Но, при всех моих стараниях, я долго не мог придумать, как ограбить его. Потом я узнал об этой книге по гипнотизму и выяснил, что она у тебя.

Молли изумленно разинула рот.

— Я собирался ограбить банк сам, — признался Нокман. — Но, поскольку ты украла книгу и так долго держала ее у себя, я решил, что поручу эту работу тебе.

— Спасибо, — еле слышно отозвалась Молли.

— Не за что. Вот я и передаю дело в твои умелые ручки. — Нокман плотнее запахнул кожаное пальто. — Так что считай это своей почетной обязанностью. Ты свяжешь свое имя с самым громким преступлением всех времен и народов. Вот увидишь, мы войдем в историю!

Закончив свою речь, Нокман собрался уходить. Он был очень доволен собой. Он никогда не делился ни с кем своими амбициями, не разговаривал о работе. Сейчас это прозвучало великолепно.

— Я тебе позвоню, — добавил он. — И не делай глупостей, детка, не обращай в полицию. Помни, твоя собачонка у меня. — С этими словами он заковылял прочь.

Встреча закончилась. Молли осталась стоять, сжимая в руках толстый конверт и дрожа от ужаса. Ей никогда в жизни не доводилось воровать, разве что стянуть конфетку. При мысли о том, что ей предстоит украсть из Шорингс-банка драгоценностей на миллионы долларов, ей стало тошно от страха. Но если она этого не сделает, Петулька погибнет. Девочка зашаталась, земля ушла у нее из-под ног.

Молли спустилась с эстрады и побрела прочь по аллее. Толкая перед собой угнанный велосипед, она чувствовала себя воровкой. Потом ей вспомнились слова Нокмана — он назвал ее мошенницей. Она и *вправду* мошенница! Вон сколько денег отхватила на Брайерсвилльском конкурсе талантов, а потом обманом прогнала Дивину из «Звезд на Марсе». Молли ужаснулась самой себе. Пусть Дивина — вредная, капризная выскочка, но она, по крайней мере, проложила себе путь наверх честным трудом. А Молли действовала *обманом*. Разве могла Молли презирать Нокмана за то, что он хочет ограбить банк, если сама она в некотором роде воровка?

Потом Молли представила себе, что произойдет, если она в самом деле ограбит Шорингс-банк. Ее, конечно, поймают. Банки, в отличие от театров, хорошо охраняются. Они под завязку нашпигованы сложным оборудованием — везде стоят видеокамеры, сигнализация. Ее арестуют, отдадут под суд и упрячут в тюрьму для несовершеннолетних

преступников. Вот обрадуются газеты! Ее фотография появится на первых страницах, зрители возненавидят ее. Может быть, известия дойдут и до Брайерсвилля, и все ее знакомые узнают о том, что она натворила. Молли представила себе, как устыдится за нее добрая миссис Тринкелбери, как она будет плакать, выпекая свои пирожки. Молли представила себя в камере с бетонными стенами — она сидит на койке, одна-одинешенька, и никто не приходит ее навестить. Миссис Тринкелбери слишком далеко, а Петульку ей взять с собой не разрешат. А Рокки? Навестит ли он ее?

В глазах у Молли защипало. Ей так хотелось найти друга, довериться ему. Как плохо без Рокки! Молли представила себе его лицо, и впервые за много недель ее глаза наполнились слезами. Ей было стыдно оттого, что она до сих пор не удосужилась найти его — была слишком занята собой. Девочка упрекала себя за то, что забыла его, погнавшись за славой и богатством. Какими никчемными казались они теперь по сравнению с верной дружбой! Она любила Рокки как брата и отчаянно нуждалась в нем.

Слезы ручьями текли по щекам Молли. Проходя мимо колодца, где загадывают желания, она остановилась. В голову пришли слова старинной песенки: *«О воде не вспоминаешь, пока колодцы не пересохнут»*. Ее колодец дружбы пересох до дна!

Молли достала из кармана маятник. Он блестел даже в темноте. Девочке подумалось, что этот маятник очень похож на все, за чем она гонялась в Нью-Йорке. Дорогой, красивый, сверкающий, но в конечном счете — бесполезный. Он ей совсем не нужен. Куда больше Молли нравился ее старый маятник — мыло на веревочке.

Она повертела в руках тяжелую золотую подвеску и вдруг, широко взмахнув рукой, швырнула его в колодец. При этом она всем сердцем желала оказаться рядом с Петулькой и Рокки. Маятник с громким всплеском шлепнулся в воду и камнем пошел ко дну.

Под проливным дождем Молли поехала обратно в отель. По дороге она напряженно думала, что делать. Если отказаться грабить банк, Нокман раскроет правду, и ее посадят в тюрьму. Но, хуже того, Нокман убьет Петульку. Перед глазами проплывали страшные картины: Петулька брошена голодать в подвал, Нокман швыряет Петульку в реку или сбрасывает с небоскреба. Молли ненавидела Нокмана. Дай ей волю, она своими руками разорвала бы его на куски или сбросила с небоскреба. Или огрела по голове тяжелой лопатой. Беспокойство за Петульку и ненависть к Нокману смешивались в душе девочки с горячим желанием увидеть Рокки. Молли была в полном смятении! Наконец она нырнула в черный ход отеля, вошла в лифт и поднялась к себе в номер. Она промокла до нитки, с волос

текло. Никогда еще девочка не чувствовала себя такой несчастной!

Очутившись у себя в номере, Молли села на кровать и вскрыла конверт Нокмана. Первым, что она вытащила оттуда, была карта — подробный план внутренних помещений Шорингс-банка. На одном рисунке был изображен первый этаж, на втором — подвал. Именно в подвале находились все сейфы и депозитарии. Прочитав первую строчку послания Нокмана, Молли застонала. *«Обчисти все эти комнаты»*, — приказывал лжепрофессор.

Одна из кладовых с бронированными стенами называлась «Депозитарий для мелких клиентов». Молли представила себе ни в чем не повинных пожилых дам, которые держат в банке свои семейные драгоценности. У них сердце не выдержит, если они услышат о пропаже старинных бриллиантов. Узнают о том, что их украли. Украла Молли Мун! У нее рука не поднимется сделать такое. Внизу страницы была приписка:

«Работа нетрудная. Забери все драгоценности из кладовых, все камни и ювелирные украшения. Не трогай ни золота, ни наличности. У меня есть список всего, что хранится в банке. Смотри, проверю!»

Молли вытащила из конверта другие бумаги. На одном листке был список всех сотрудников банка с указанием их рабочих мест, последняя страница была озаглавлена: «Операция „Гипнобанк“». Молли прочитала:

- «1. Загипнотизируй весь персонал банка — клерков, секретарей, менеджеров, охранников.*
- 2. Загипнотизируй посетителей в банке.*
- 3. Прикажи менеджеру запретить банк и выключить все внутренние видеокамеры и сигнализацию.*
- 4. Проникни в подвальные кладовые.*
- 5. Обчисти их.*
- 6. Загрузи драгоценности в машину — она будет стоять в банковском гараже.*
- 7. Сотри все происшедшее из памяти банковских работников.*
- 8. Загипнотизируй шофера и вели ему ехать на склад (адрес будет сообщен позже)».*

А где же в это время будет Нокман? Разумеется, за много миль от

банка, там, где его никто не заподозрит в причастности к преступлению. Молли продолжала читать. Ей предписывалось сопровождать загруженную драгоценностями банковскую машину к складу, где она обнаружит коричневый грузовик. Загипнотизированный шофер должен перегрузить все украденные вещи в этот грузовик, потом Молли отошлет его прочь, вложив ему в голову правдоподобную историю о том, где он был. И только когда все будет сделано, появится Нокман. Он сядет за руль грузовика и увезет украденные сокровища. Отъехав подальше, он проверит, все ли драгоценности из банка лежат в грузовике, и только потом позвонит Молли (ждущей на складе) и сообщит ей, где найти Петульку.

«Когда я проверю, все ли на месте, я позвоню тебе и скажу адрес, по которому ты найдешь свою собачонку в целости и сохранности».

Молли застонала. А вдруг Нокман не отдаст ей Петульку? Что, если он прикажет Молли ограбить еще один банк? Или скроется с добычей и никогда не скажет, где спрятана Петулька? Молли задумалась — не позвонить ли в полицию. Но в ушах звенели слова Нокмана: *«Если впутаешь в это дело полицию, собачонке конец».*

Молли прошла в ванную комнату, плеснула в лицо холодной водой и попыталась успокоиться. Она подняла глаза на свое отражение в изящном зеркале над раковиной и заглянула в глаза своему двойнику. Ей хотелось загипнотизировать себя, чтобы вернуть себе уверенность и власть над событиями.

Но, сколько Молли ни всматривалась в свое отражение, ее лицо не менялось. Чувство слияния никак не приходило. В зеркале Молли видела лишь свое печальное, опухшее от слез лицо и, как ни старалась, не могла разглядеть прежнюю, уверенную в себе Молли. Бедняжка чувствовала себя до крайности беззащитной, беспомощной, как лодка без весел. Ей казалось, что она растеряла все свои гипнотические силы. И это было самое страшное.

Молли заставила себя отойти от зеркала и вернуться в комнату. На телефоне мигал огонек. Значит, кто-то прислал ей сообщение. У Молли душа ушла в пятки — она решила, что это Нокман оставил адрес склада. Она нажала кнопку прослушивания.

«Привет, Молли! — донесся бодрый голос Барри Хвата. — Еще раз хочу сказать, вчера вечером ты была великолепна, просто

сказочна... Позвони мне, это Барри».

Би-и-ип.

«Молли, это полицейский суперинтендант Осман. Позвони, пожалуйста, нам надо обсудить, что еще мы можем сделать, чтобы найти твою собачку. Мой телефон 713-78-89».

Би-и-ип.

«Молли, меня зовут миссис Филпот. Я взяла твой номер у Барри Хвата. У меня есть щенки-мопсики. Он сказал, что они, может быть, тебя заинтересуют. Позвони мне 678-23-56».

Би-и-ип.

«Привет, Молли! Угадай, кто это? — Молли чуть не завизжала от радости. Это был голос Рокки! — Я в Нью-Йорке, пришел в твой отель, но тебя нет дома. Буду ждать в вестибюле до семи сорока пяти, потом уйду к себе в гостиницу. Позвони мне туда: мой номер 975-33-66».

Молли взглянула на часы. Семь сорок! Она молнией выскочила из номера, вызвала лифт и трясущимися руками нажала кнопку первого этажа. Как только дверь лифта скользнула вбок, Молли выскочила из кабины и принялась лихорадочно обшаривать глазами слоняющихся по вестибюлю людей. Наконец она заметила над спинкой лакового кресла копну черных курчавых волос.

— Рокки! Ты меня нашел! — Молли не верила своим глазам.

Мальчик в кресле обернулся. Перед Молли предстало круглое коричневое лицо, такое знакомое, такое родное! Еще никогда в жизни Молли так не радовалась!

— Привет, Молли!

Молли и Рокки бросились друг другу в объятия. На миг девочка забыла все свои невзгоды — так рада она была снова увидеть Рокки. Словно вернулась давно потерянная часть ее самой.

Потом дети отстранились и долго всматривались друг в друга удивленными глазами. Каждый из них не раз думал, что, может быть, им уже никогда не доведется свидеться. Молли не могла налюбоваться на Рокки. Он подстригся, носил новую джинсовую куртку, но в остальном

остался таким же, как прежде.

Они долго стояли, ничего не говоря, только улыбались до ушей. Наконец Молли воскликнула:

— Пошли скорей наверх, подальше от этой толпы. — И, нажав кнопку лифта, прошептала: — Рокки, я так рада видеть тебя! Ты и представить себе не можешь.

— Я тоже, — отозвался Рокки.

— Ой, правда? Мне нужно так много тебе рассказать! Я так мечтала тебя увидеть! Как же я рада, что ты здесь! Как ты меня нашел? Тебе Джерри рассказал?

— Джерри? Нет. Я увидел тебя сегодня утром *по телевизору*, когда ты всему свету рассказывала, что Петулька потерялась, — объяснил Рокки. — А потом ты передала мне привет! Я, честно говоря, даже *не поверил* своим ушам! Вот уж не думал, что ты здесь, в Нью-Йорке! Я очень обрадовался, потому что не знал, где тебя искать. Несколько раз звонил в Хардвикский приют, но к телефону всегда подходила Гизела, а она тоже понятия не имела, где ты. И куда делась мисс Гадкинс — я тоже не знал. Кстати, Гизела рассказала мне, что ты победила на Брайерсвилльском конкурсе талантов. Расскажи мне обо всем...

— Я все тебе расскажу, только попозже, — обещала Молли, надеясь, что Рокки не осудит ее слишком строго, когда узнает, *каким образом* ей удалось выиграть на конкурсе. Рука об руку ребята вошли в лифт.

— Я как раз завтракал. Пил чай, увидел тебя по телевизору и *чуть не захлебнулся*. Так закашлялся, что брызги полетели аж через весь стол... Вот это неожиданность!

— Прости, — рассмеялась Молли.

Лифт остановился на двадцать первом этаже.

— Я глазам не мог поверить, когда увидел на американском утреннем телевидении *тебя*, мою старую знакомую Молли Мун! — ух ты! *Вот это да!* — воскликнул Рокки, переступая порог суперроскошного номера Молли. — Как в сказке! И все эти покои — твои? Ты здесь живешь одна?

— Ну-у-у, до сих пор я жила здесь с Петулькой.

Рокки поднял космический комбинезончик Петульки и вздохнул.

— Наверняка она найдется, — сказал он. — Весь город ее ищет. Ты в своей передаче так уговаривала... Мои приемные родители считают, что тебе очень одиноко. Они то и дело говорят: «Бедняжка Молли Мун... она такая милая... она похожа на Ширли Темпл... такая душечка...»

Внезапно Молли похолодела от ужасной мысли. Что, если Рокки на расстоянии тоже поддался гипнозу? Неужели ее единственный настоящий

друг любит ее только потому, что загипнотизирован, как и все остальные? Нет, подумать страшно...

— Рокки, — торопливо заговорила она. — Не думай обо мне ничего, ни хорошего, ни плохого, остановись, сначала я расскажу тебе всю правду, как это было на самом деле, как я попала в «Звезды на Марсе», и все остальное тоже, а потом уже решай, хорошая я или плохая. И предупреждаю, когда ты услышишь, что я натворила, ты меня наверняка не одобришь, но все равно я должна рассказать правду, потому что иначе ты не поймешь, кто я такая.

— Успокойся, Молли. — Рокки нахмурился, сел на диван и взял из большой вазы зефирину в шоколаде.

— Хорошо, постараюсь. — Молли глубоко вздохнула. — Прежде всего, мне нужно кое-что тебе показать. — Молли открыла шкаф. — Эта вещь изменила всю мою жизнь... Только благодаря ей я попала сюда. — Она набрала комбинацию цифр на кодовом замке, тяжелая дверца сейфа щелкнула и распахнулась. Молли достала завернутую в белый шелк книгу и протянула ее Рокки. — Это — самая невероятная книга на свете. Я не шучу, Рокки, таких книг в самом деле больше нет! Это она привела меня в Нью-Йорк. Помогла добиться успеха... но закончилось это катастрофой.

Молли разлила в стаканы «кьюты» и принялась рассказывать Рокки обо всем, что с ней случилось за последний месяц. Начала она с того, как они поспорили на кроссе в Брайерсвилле, и закончила той минутой, когда полчаса назад она слышала на автоответчике голос Рокки. Молли показала другу конверт с инструкциями Нокмана и красный ошейник Петульки. Закончив свой невероятный рассказ, Молли храбро заглянула Рокки в глаза.

— Вот, теперь ты все обо мне знаешь. И самое плохое — то, что я была поглощена только собой. За всем этим вихрем, в погоне за славой, за деньгами я почти забыла о тебе. Только потом, когда я потеряла Петульку, я поняла, как плохо жить без друзей. Сейчас, может быть, ты встанешь и уйдешь, но я должна была рассказать тебе все как есть.

Некоторое время Рокки задумчиво крутил в руках золотистую обертку от шоколадки, скатывая ее в шарик.

— Глупая, — сказал он, наконец. — Никуда я не уйду. Я так долго искал тебя, скучал до безумия и, наконец, нашел. С какой стати я должен уходить от *лучшей* подруги, которую было *так трудно* разыскать?! — Рокки покрутил в пальцах золотистый шарик. Тот весело заблестел в лучах яркого света. — Моя подружка, конечно, немного чокнутая и иногда делает всякие глупости, но что с того? Она все равно самый лучший человек на свете. Посмотри на этот шарик, посмотри внимательно. Если бы он был

единственной драгоценностью, какая у тебя есть, и если бы ты владела им всю жизнь, разве выкинула бы ты его из-за того, что у него на боку появилось ржавое пятнышко?

Молли покачала головой, не сводя глаз с золотистого шарика.

— Успокойся — Молли — расслабься, — внезапно Рокки начал говорить очень медленно и словно бы растягивая слова. — Никуда — я — не — уйду. Я — останусь — здесь, — рядом — с тобой, слышишь? Расслабься, — и тебе — станет — лучше.

Девочке и в самом деле стало лучше. По правде сказать, она уже давно не чувствовала себя так хорошо. Как здорово, что Рокки вернулся! Он что-то говорил, но она не разбирала ни слова, только вслушивалась в его мягкий, теплый, добрый голос и думала о том, как же она скучала без него. А теперь она будто вернулась домой. Но все-таки ей было плохо, ужасно плохо!

— Рокки, но что же мне делать? Я не знаю, как выбраться из этой западни. Нокман шантажирует меня. Из-за меня Петулька сейчас страдает неизвестно где, ей страшно и одиноко. Лучше бы она осталась дома, грызла шоколадное печенье мисс Гадкинс и маялась животом. Потому что теперь ей грозит смерть, грозит по-настоящему. Этот тип — ужасный мерзавец... а виновата во всем только я одна. Надо было остаться в Хардвикском приюте и смириться с той жизнью. Пусть у меня ничего не получалось, пусть меня никто не любил, зато Петулька была в безопасности, и никто не вынуждал меня грабить банк... знаешь, мне правда хотелось бы снова оказаться там... Лучше бы эта треклятая книга вообще не попадалась мне на глаза... Я жалею, что нашла ее. Как бы я хотела повернуть часы назад, и чтобы все это исчезло...

Неожиданно Рокки хлопнул в ладоши, и в мгновение ока гостиничный номер исчез! Дети очутились в лесу. Этот лес тянулся за окраиной Брайерсвилля, вдоль трассы, где они бежали кросс. Рокки и Молли сидели на скамейке, точь-в-точь как в день их спора. На обоих были дождевики и кроссовки. Шел проливной дождь, они промокли до нитки.

Глава двадцать четвертая

От неожиданности Молли подскочила как ошпаренная и в панике огляделась по сторонам. Они действительно сидели возле беговой трассы брайерсвилльской школы и мокли под дождем.

— Ай! Что случилось? Куда делся Нью-Йорк? — завопила она.

Рокки улыбнулся. В небе над ними загрохотал гром.

— Ты никогда не была в Нью-Йорке, — спокойно ответил Рокки. — Твои приключения — это плод твоей фантазии. И моей тоже.

— Но... как? — выдавила из себя онемевшая от изумления Молли.

— Я тебя загипнотизировал, — ответил Рокки.

— Ты — меня? Загипнотизировал?

— Угу.

— Ты меня? Загипнотизировал? — повторила Молли. — Но... но... когда? — Молли ничего не понимала и растерялась. Дождь припустил еще сильнее.

Рокки виновато вздохнул.

— Прости. Только что, в Брайерсвилле. Ты сказала: «Ненавижу эту школу! Она самая гадкая на свете! До чего же мне ПЛОХО!»

Молли смутилась.

— Разве? Что-то не припомню.

— Ты сказала это в конце нашей ссоры.

— Какой ссоры? — спросила Молли, окончательно запутавшись.

— Прости, — сказал Рокки. — Я должен объяснить. Ты злишься с самого утра, потому что миссис Жаббс цеплялась к тебе после контрольной на слова, а мисс Гадкинс всю неделю наказывала тебя, заставляла чистить унитазы зубной щеткой.

— Но... — пробормотала Молли. — Я не верю, этого не может быть... — Бедняжка не могла подобрать нужных слов. Мир рассыпался, уходил из-под ног. До нее постепенно начинало доходить, где и в какое время она очутилась.

— Ты сказала, — повторил Рокки, — что эта школа — *самое гадкое* место на свете, а твоя жизнь в Брайерсвилле просто *ужасна*. Вот я и загипнотизировал тебя. Решил показать, что есть на свете места и похуже Брайерсвилля. Ты попала в воображаемую беду в воображаемом Нью-Йорке.

— Значит, с Петулькой все в порядке? — спросила Молли, постепенно

оправляясь от потрясения.

— Да, — отозвался Рокки. — Наверно, сидит, свернувшись калачиком, на коленях у мисс Гадкинс.

— Значит, никакого Нокмана не существует?

— Нет.

— А мисс Гадкинс все еще правит в Хардвикском приюте?

— Ага.

— И она не щелкает вставными челюстями, как кастаньетами?

— Не-а.

— И тебя никто не усыновил?

— Да нет же!

— И я все та же никому не нужная Молли Мун?

— Уловила.

— Ух ты! — воскликнула Молли. У нее словно гора с плеч свалилась. Отступили тревоги за Петульку, никто не заставлял ее грабить банк! Тугой узел в животе развязался, и ей стало в сто раз легче. — Ух ты! — повторила девочка. От неожиданности у нее кружилась голова, она никак не могла поверить, что действительно вернулась в свой старый, привычный мир. — Молодец, Рокки! Но где ты научился гипнотизировать? Здорово! Ну и история. Ты сам ее выдумал?

— Ага, — признался Рокки.

— Слушай, Рок, у тебя здорово получается! — захлебывалась Молли. — Все было как *настоящее*! Мне казалось, я *действительно* несколько недель провела в Нью-Йорке. — Крупные дождевые капли стучали по дождевику. — Представляешь, мне казалось, что я настоящий гипнотизер, а на самом деле меня гипнотизировал *ты*!

— Ага, — снова сказал Рокки.

— Ну и *классно* же было! — вздохнула Молли, припомнив все с начала до конца. — Мне казалось, что я *взаправду* участвую в том мюзикле. — У Молли дрожь пробежала по телу. — И Нокман был как живой. Фу, до чего же он был противный! И мне было очень плохо, когда он похитил Петульку. Рокки, ну и богатая же фантазия у тебя! Трудно поверить, что это все ты сам сочинил. И давно ты так умеешь? Когда ты научился? Значит, книга существует *взаправду*? Почему ты мне ничего не говорил? — Молли с подозрением уставилась на Рокки. — Почему ты меня раньше не гипнотизировал? Или все-таки гипнотизировал?

— Пойдем-ка лучше обратно, — лениво потянулся Рокки. — Интересно, что сегодня на ужин?

— Наверно, опять Эднина рыба в сырнo-ореховом соусе, —

поморщилась Молли, вспомнив, какой вкусной была вымышленная еда в «Беллингэме». — А знаешь, Рок, в той истории, которую ты выдумал, бывали очень приятные моменты. — Молли облизнула губы. — В том отеле кормили удивительно вкусно, а спальня была такая роскошная. А еще... мне очень понравилось, что завтрак приносят в номер, и вид из окна был очень красивый, и, хоть я и украла у Дивины ее роль, мне было очень интересно участвовать в «Звездах на Марсе», и Нью-Йорк мне понравился, и, знаешь, как здорово иметь много денег! — рассмеялась Молли. — Я бы не отказалась, если бы все это случилось на самом деле. Только Нокмана надо вырезать, а то он все портит. Хотя под конец мне *стало* очень стыдно за то, что я такая обманщица. Но в остальном все было классно! — хихикнула Молли. В этот миг ярко вспыхнула молния, и Рокки опять хлопнул в ладоши.

Глава двадцать пятая

Вспышка молнии рассекла темное нью-йоркское небо. Молли снова сидела в номере отеля «Беллингэм», а рядом с ней сидел Рокки Скарлет.

— Как? Почему? Рокки! Что происходит? Рокки, что ты делаешь? Почему мы снова здесь? — Молли оцепенела, как громом пораженная. Она не могла понять, где реальность, а где — вымысел; уже который раз за день почва ускользала у нее из-под ног.

— Рокки, — медленно произнесла она. — Я ничего не понимаю... Что настоящее — это номер в Нью-Йорке или лес в Брайерсвилле? Мы только что были в Брайерсвилле — или это тоже мне только привиделось?

— Настоящий — Нью-Йорк. Брайерсвилль тебе привиделся.

— Правда? — с недоверием переспросила Молли.

— Да. Нью-Йорк — это по-настоящему, и все, что ты здесь делала, было взаправду, — ответил Рокки.

— Ты уверен? — Молли до сих пор сомневалась.

— Да, уверен, — сказал Рокки. — Я только что загипнотизировал тебя, голосом и этим вот золотым шариком. — Он протянул ей обертку от шоколадки. — Я внушил тебе, что мы все еще бежим кросс. Я заставил тебя поверить, что всего этого, — он обвел руками номер, указал на окно, за которым искрилось огнями темное нью-йоркское небо, — нет и никогда не было. Прости меня.

— Но мне казалось, я промокла до нитки... шел дождь. Все было будто взаправду, — проговорила Молли.

— Такова сила гипноза, — отозвался Рокки.

— Но почему... зачем ты это сделал?

— Прости, — повторил Рокки. — Понимаешь, ты так убежденно говорила, что, мол, лучше бы эта книга вообще не попадалась тебе на глаза... вот я и решил показать, как тебе повезло, что ты ее нашла. А еще хотел показать, что я тоже умею гипнотизировать.

— Выходит, ты тоже гипнотизер! Не может быть! — воскликнула Молли. У нее все еще кружилась голова от неожиданных превращений, и к тому же она была потрясена талантами Рокки. — Вот, значит, каково находиться под гипнозом... Довольно приятно! Но как ты научился?

Рокки улыбнулся.

— Угадай с трех раз.

— Понятия не имею. Твои приемные родители гипнотизеры? —

предположила Молли.

— Нет.

— Сдаюсь.

— Хорошо. — Рокки сунул руку в карман джинсовой куртки и осторожно вытащил конверт и пухлый бумажный сверток. — Узнаешь? — Молли открыла конверт и достала оттуда небольшой, потрепанный клочок жесткой кожи бордового цвета. Перевернув кожаный листок, она обнаружила на другой стороне большую, тисненную золотом букву:

Г

— Недостающая буква Г! — изумленно воскликнула Молли и, схватив книгу по гипнотизму, бережно приложила к корешку оторванный клочок. Он ровно встал на место, и странное слово «ИПНОЗ» превратилось в «ГИПНОЗ».

Потом Рокки передал ей сверток. В нем оказались аккуратно свернутые в трубку листы желтоватой бумаги. Молли развернула страницы.

— Ну и ну! Поверить не могу! Значит, это ты вырвал недостающие главы?

— Не мог удержаться, — признался Рокки. — Глава седьмая, «Гипноз с помощью голоса» и глава восьмая, «Гипноз на большом расстоянии». На этом я и специализируюсь.

— А я-то думала, что самая скверная девчонка на свете — это я, — укоризненно произнесла Молли.

— Гм-м-м. Понимаешь, эта книга попала ко мне первому, — пояснил Рокки. — Я нашел ее в библиотеке, в том отделе, откуда книги на дом не выдаются, и прочитал ее там. Читать пришлось *очень долго*. Каждый раз, когда у меня выдавался свободный часок, я ускользал в библиотеку. Боюсь, ты подумала, что я больше не хочу с тобой дружить, так как я все время куда-то исчезал. Но на самом деле я хотел стать гипнотизером, потому что у меня был план. Мне хотелось загипнотизировать кого-нибудь из американцев, которые к нам приезжают, и вместе с тобой уехать из Хардвикского приюта. Я бы их загипнотизировал и внушил, какие мы замечательные. Я хотел, чтобы они сами сказали тебе, как сильно они тебя любят, потому что все остальные всегда обижали тебя. Я бы вернул тебе уверенность в себе. Вот почему я никогда не говорил тебе о книге. Однажды, когда я читал, этот клочок обложки оторвался, и я взял его себе. И решил... гм... позаимствовать эти страницы. Знаешь что? Пожалуй,

пришло время вернуть их обратно.

Рокки взял страницы, тщательно расправил их, раскрыл книгу в нужном месте и аккуратно вложил недостающие главы.

— Вот мы и дома. — Он протянул Молли восстановленную книгу.

— Мы приклеим букву Г обратно, — сказала девочка, бережно заворачивая книгу в белый шелк. Потом убрала сверток в сейф и представила, как Рокки, точно так же как и она, выполнял уроки доктора Логана. — Ты гипнотизировал животных? — поинтересовалась она.

— Да, мышку в библиотеке.

— Шутишь!

— Даже вообразить себе не мог, что мышки умеют кувыркаться, особенно по моему приказу, — фыркнул Рокки.

Молли рассмеялась.

— А люди? Кого ты загипнотизировал?

— С людьми было не так легко, — стал вспоминать Рокки. — Я мог их *немного* загипнотизировать, но получалось не очень хорошо. Помнишь, как Эдна вымыла за тебя посуду?

— Да.

— Это я ее загипнотизировал. Но сил у меня было маловато, и заставить сделать ее еще хоть что-нибудь я не сумел. А помнишь, как мы поссорились во время кросса? Ты тогда сказала, что я похож на большого толстого карася...

— Конечно, помню, — улыбнулась Молли.

— И еще сказала, что вид у меня ужасно глупый.

— Да, — рассмеялась Молли при этом воспоминании.

— Так вот, — пояснил Рокки, — это я тогда пытался тебя загипнотизировать, потому что настроение у тебя было хуже некуда.

Молли усмехнулась.

— И когда же ты тогда успел так здорово выучиться? — спросила она.

— В тот день, когда в приют приехали Алабастеры, у меня в голове будто что-то щелкнуло. У меня получилось, они поддались на мои внушения. Я и сам удивился, мне не верилось, что они действительно захотели взять меня к себе. В субботу они вернулись и сказали, что я должен сегодня же ехать с ними. Мисс Гадкинс только рада была избавиться от меня, и я не успел, у меня просто времени не было гипнотизировать их дальше — чтобы они взяли и тебя.

— Рокки, а может, ты им *по-настоящему* понравился? — перебила его Молли.

— Может, и так, — признал Рокки. — Как бы то ни было, Молли, ты

лежала наверху больная, я хотел подняться к тебе, попрощаться и сказать, что обязательно вернусь и заберу тебя, а потом — и всех малышей тоже. Представляешь? У меня был такой план. Но мисс Гадкинс не пустила меня к тебе, сказала, что ты очень заразная, что сейчас ты спишь, а я понимал, что не сумею загипнотизировать мисс Гадкинс, и Алабастеры сказали, что не хватало мне еще перед дорогой подхватить заразную болезнь, а я не мог закатить им сцену, потому что боялся отпугнуть их в самом начале, и это было ужасно — я понимал, что ты очень расстроишься, и оставил записку, но Гадкинс, наверное, так и не передала ее, прости, Молли, прости. — Рокки замолчал, переводя дыхание, и отпил глоток «кьюта».

— Ничего страшного, — успокоила его Молли. — Я знала, что рано или поздно что-нибудь подобное случится.

— Но теперь я напрактиковался в гипнотизме будь здоров! — лукаво улыбнулся Рокки. — Моя самая сильная сторона — гипноз голосом. И это почти всегда удается.

— Гм-м, — протянула Молли. Мастерство Рокки поразило девочку, но она не подала виду и заговорила голосом опытного специалиста. — Я даже не пыталась освоить голосовой гипноз. *Потому что у меня не было этих уроков.* Я специализируюсь на гипнозе глазами, а голосом только помогаю себе. Когда ты увидел меня по телевизору, то догадался, что я нашла книгу?

— Еще бы не догадаться, — хмыкнул Рокки. Молли откинулась на спинку кресла и блаженно улыбнулась. Как хорошо, что Рокки вернулся — теперь у нее есть кому довериться.

— Самое ценное на свете — это друзья, — сказала она. — Они гораздо лучше, чем популярность, слава, деньги. Рокки, я так рада, что ты нашел меня. Но что же мы будем делать с Петулькой? И с Нокманом, и с ограблением банка?

— Подумаем, — медленно кивнул Рокки. — Сейчас положение изменилось, потому что Нокман не знает обо мне.

— Надеюсь, что не знает, — тихо отозвалась Молли.

— Как ты думаешь, в какой день он отправит тебя грабить банк?

— Кто его знает, — пожала плечами Молли. — Он такой жадный... Может быть, даже завтра...

— Так быстро? — заволновался Рокки. — В таком случае времени у нас совсем мало. Пора строить план. У меня есть одна идея... Дело довольно рискованное, но попытаться стоит. Может быть, сработает.

Глава двадцать шестая

Вспышка молнии озарила клетку Петульки. Она терпеть не могла грозы, а сейчас, оставшись одна, боялась еще сильнее. Свернувшись клубочком в углу сырого подвала, куда ее швырнул Нокман, собачка дрожала всем телом.

Преступник увез Петульку далеко от театра, и она провела ночь в белом автофургоне, у задних дверей которого спал, растянувшись на грязном полу, сам Нокман. Через прутья решетки Петулька разглядывала усатое, как у моржа, лицо своего похитителя, медальон в виде скорпиона у него на шее, слушала его храп и задавалась вопросом: зачем этот неприятно пахнущий человек похитил ее? Она сумела подцепить лапой недоеденный сэндвич с копченой колбасой и втащила его в клетку. Подкрепившись немного, собачка уснула.

На следующее утро страшный похититель отвез ее в пустое, холодное промышленное здание. Он остановил фургон у ржавых ворот рядом с длинным грузовиком, надел перчатки и отнес клетку с Петулькой в подвал. Потом открыл задвижку на клетке, грубо взял собачку за ошейник, швырнул ее на пол и ушел. К счастью, из трубы на стене капала вода, и Петулька смогла напиться, но есть было нечего.

Петулька кружила по старому, воняющему плесенью дивану и безуспешно пыталась устроиться поудобнее. Ей очень хотелось погрызть камушек. А еще больше хотелось домой, и чтобы кончилась гроза.

Вспышка молнии, быть может, та же самая, что испугала запертую в подвале Петульку, озарила мокрую от дождя мостовую, по которой торопливо шагал Нокман. Путь его лежал по пустынным улицам неподалеку от Центрального парка, где возле эстрады он только что встречался с Молли Мун. Он промочил ноги, шагая по лужам, с полей шляпы стекала вода, но на его душе было радостно. Он идеально, просто виртуозно шантажировал Молли Мун! Ей некуда отступать, она выполнит все его требования! Через считанные дни он станет богачом — гораздо богаче любого из грабителей за всю историю преступного мира. Ах, милая собачка!

Нокман то и дело останавливался, переводя дыхание, и настороженно прислушивался — не привела ли Молли полицейских. Но всякий раз он слышал только шум дождя. Он шел все дальше и дальше, углубляясь в

лабиринт переулков и темных боковых улочек, приближаясь к складу. Наконец, он подошел к двери и дрожащими руками принялся возиться с ключом. Войдя, он тяжело рухнул на стул. Сердце отчаянно колотилось после тревожной спешки. Через пару минут, немного успокоившись, Нокман встал, достал из шкафа большую бутылку с виски и, залпом выпив пять полных стаканов, крепко уснул прямо за столом.

Нокман спал беспокойно и проснулся в шесть часов утра. Во рту у него пересохло, от вчерашнего виски раскалывалась голова. Он потянулся к бутылке с водой и окинул взглядом темный склад. Судя по тому, что его пьяный сон остался не потревоженным, Молли сдержала слово и не сообщила об их встрече полиции. От этой мысли Нокману стало немного легче. В восемь часов утра он уже стоял в телефонной будке и набирал номер Молли. Чтобы обезопасить себя, он надел наушники своего противогипнотического устройства и поднес к телефонной трубке микрофон.

Услышав звонок, Молли села на кровати.

— Доброе утро, Молли, — раздался в трубке гнусный голос Нокмана. — Я рад, что ты не наделала глупостей. В свою очередь сообщая тебе, что твоя собачка жива и здорова.

Молли выразительно кивнула Рокки, спавшему тут же на диване, давая понять, что звонит Нокман. Мальчик проворно сел.

— Полагаю, ты согласна выполнить мою просьбу? — спросил Нокман.

— Да, — ответила Молли, и сквозь кодировщик речи ее голос звучал, будто с другой планеты.

— Хорошо. У тебя есть ручка?

— Да.

— Тогда запиши адрес склада, куда ты пригонишь *банковский* грузовик, когда он будет *полон*. Дверь будет открыта.

Молли записала адрес. Склад находился на западном краю Манхэттена, на Пятьдесят второй улице, недалеко от доков, где было много старых, заброшенных зданий.

— Значит, я загипнотизирую банковского водителя и велю ему привести грузовик к этому складу, — сказала Молли. — А что дальше?

— Господи, Молли, — раздраженно перебил ее Нокман. — Все написано в тех инструкциях, которые я тебе дал. Надеюсь, ты готова к работе?

— Да, да, — торопливо ответила Молли. — Простите, я просто немного волнуюсь.

— Лучше не волнуйся, а то провалишь все дело. Если попадешься, я

не обещаю, что и впредь буду так же старательно ухаживать за твоей собачонкой.

— Нет, нет, простите, — извинилась Молли. — Я все хорошо помню. Водитель должен перегрузить драгоценности из банковской машины в *ваш* грузовик. Потом я стираю водителю память и отсылаю его обратно в банк, *потом* вы приходите, садитесь в грузовик, и, когда вы отъедете подальше, то позвоните мне и сообщите, где найти Петульку.

— Совершенно верно. И знаешь, Молли, я не позвоню, пока не удостоверюсь, что ты привезла мне абсолютно все драгоценности из банка. До последнего изумрудика.

— И когда я должна все это сделать? — спросила Молли.

— Сегодня. Этим утром.

— Сегодня утром?!

— Да, — твердо заявил Нокман. Он решил, что нужно ковать железо, пока горячо, пока Молли не оправилась от шока и не передумала. Если дать ей слабинку, она может выследить его или придумать еще какую-нибудь увертку. Кроме того, ему не терпелось зачерпнуть полную горсть сверкающих драгоценных камней, почувствовать, как они текут сквозь его жирные пальцы.

— И вот твои последние инструкции. Люди в банке должны находиться в трансе до *половины третьего*, — сказал он. — Я заберу свой грузовик с Пятьдесят второй улицы прежде, чем они очнутся и сообщат, что банк ограблен. Приеду за товаром без четверти два.

— Сегодня? Без четверти два? Но... хорошо, — согласилась Молли.

Нокман повесил телефонную трубку и снял противогипнотическое устройство. Потом вышел из будки и отправился обратно, в свой холодный склад. Там он швырнул пальто в кузов фургона, любовно похлопал по капоту коричневый грузовичок, которому вскоре предстояло наполниться драгоценной добычей, и отправился вниз, к Петульке.

В подвале стояла ужасная вонь. Бедной Петульке пришлось пойти наперекор воспитанию и сделать свои дела прямо на пол. Когда вошел Нокман, она попыталась было кинуться в драку, но на злодее были толстые перчатки, и он даже не почувствовал ее укусов. Кроме того, бедняжка совсем ослабела от голода. Нокман схватил собачку за шкуру и швырнул в клетку. Петульке было грустно и очень, очень хотелось кушать.

С клеткой в фургоне Нокман проехал через весь Манхэттен, по мосту перебрался в Бруклин и подъехал к небольшой, заваленной опавшими листьями промышленной зоне, где он арендовал еще один склад, побольше. За долгие годы мошеннического промысла Нокману удалось обзавестись

кое-каким имуществом, и для хранения краденого он держал два склада. Этот был завален до потолка коробками и ящиками, полными краденых вещей — от хрустальных бокалов и столовых ножей до газонокосилок и гипсовых гномиков, какими зажиточные нью-йоркцы украшают свои сады. Нокман складывал сюда все, что ему удавалось украсть, а потом продавал.

Он въехал на машине на территорию склада, остановил фургон, вышел и радостно пнул ногой одного из садовых гномов. Операция «Гипнобанк» шла по плану! Нокман уже поздравлял себя со вступлением в высшую лигу преступного мира. Скоро его мечты сбудутся. Он больше не будет растрачивать жизнь на мелкое жульничество. Деньги потекут рекой. Теперь надо спрятать куда-нибудь эту глупую собачонку и готовиться к возвращению на Манхэттен за добычей. От волнения Нокман был как на иголках. Чтобы успокоить нервы, он торопливо выпил стакан виски.

В номере у Молли стоял передвижной столик с остатками двух недоеденных завтраков. Молли взглянула на Рокки и дернула себя за волосы.

— Сегодня! Надо же было ему потребовать этого от нас именно сегодня! Уже восемь пятнадцать, а он хочет, чтобы драгоценности были возле его склада *без четверти* два. У нас остается...

— Пять с половиной часов, — быстро подсчитал Рокки, — на то, чтобы ограбить банк, уложить драгоценности в банковскую машину, отвезти ее к складу и перегрузить в его грузовик.

— Но мы не выучили план банка.

— Возьмем его с собой.

— Но у нас ничего не получится!

— Все равно надо попробовать!

— Попробовать мало, — вздохнула Молли. — Надо, чтобы все удалось на сто процентов.

— Да, — подтвердил Рокки.

Минут пять они сидели в молчании, подавленные чудовищностью взваленной на них задачи. Потом Молли сказала:

— Чего мы ждем? Пошли, уж лучше разделаться поскорее...

Пришло время трогаться в путь.

Глава двадцать седьмая

Без двадцати минут девять Молли и Рокки, одетые в джинсы и куртки, стояли у дверей Шорингс-банка. Здание было огромным и суровым, как крепость, со стенами отвесными и прочными, словно склоны утеса. На двух небольших балконах за стеклом зеленел остролист и пылали какие-то красные ягоды. Среди остролиста были спрятаны многочисленные видеокамеры, фиксирующие все, что происходило у входа в банк. До девяти часов подъезд не откроется.

Молли и Рокки сели на скамейку, скрытую за кустами на противоположной стороне улицы, и принялись ждать. Спрятав схемы Нокмана между страниц комиксов, ребята проверяли себя — хорошо ли они запомнили расположение коридоров в банке, где стоят сейфы и все остальное, где должны находиться сотрудники. Из-за кустов они смотрели на спешащих на работу нью-йоркцев. В двухстах метрах от них по тротуару расхаживали банковские охранники. Пока истекали последние минуты, Молли и Рокки развлекались тем, что швыряли камушки в сточную канаву.

— Надеюсь, их будет нетрудно загипнотизировать, — сказала Молли. — Рокки, ты ведь сможешь это сделать, правда? Не хочу тебя обидеть, но ты говорил, что у тебя получается почти всегда. А как часто не получается? Ведь если у меня ничего не выйдет, они поймут, что мы хотим их загипнотизировать, и насторожатся, тогда плохи наши дела.

— Тебя же я загипнотизировал? — напомнил Рокки.

— Верно, — признала Молли. — Но ты уверен, что справишься, если будешь очень сильно волноваться?

— Да. Думаю, справлюсь.

— А сейчас ты волнуешься?

— Еще как.

— Я тоже.

Молли не была до конца уверена в Рокки, но знала, что тот будет стараться изо всех сил. Без помощника ей не обойтись! Она старалась не думать о том, что произойдет в случае провала.

— Рокки, ты никуда не уйдешь, как раньше? Пожалуйста, только не исчезай в самый нужный момент!

— Успокойся, Молли, — сказал мальчик. — В последнюю минуту перед важным делом всегда кажется, что ничего не выйдет. У нас получится! Ты помнишь план?

— Помню, — ответила Молли, изо всех сил пытаясь успокоиться.

Часы над входом в банк пробили девять, и ребята испуганно подскочили. В тот же миг тяжелые двери банка распахнулись.

— Как думаешь, все уже на местах? — встревоженно спросила Молли. Рокки пожал плечами.

— Надеюсь, да. — Он запихнул планы этажей в Моллин рюкзак рядом с книгой по гипнотизму, упакованной для передачи Нокману.

Друзья встали и не торопясь направились к входу в банк. Чем ближе они подходили, тем выше вырастала над ними громада мрачного здания, и тем сильнее сосало у них под ложечкой.

— У меня душа в пятках, — признался Рокки.

— Счастливчик, — отозвалась Молли. — У меня она скоро выпадет из ботинок.

Они робко шагнули на каменные ступени крыльца. Проходя через громадные двери, Молли заметила тяжелые засовы, запиравшиеся на ночь, и двух волосатых, как гориллы, охранников — казалось, они смотрели куда-то сквозь нее.

Внутри банка было прохладно и тихо. Под высоким потолком бесшумно кружились медные вентиляторы, светили зеленые люстры, их свет мягко отражался в блестящих напольных плитках из черного мрамора. Молли подняла глаза на высокие зарешеченные окна и увидела, что на стенах, как грозные черные мухи, притаились бесчисленные видеокамеры. В уголках зала стояли элегантные, обитые кожей столы с ювелирными весами, за ними сидели клерки. Некоторые столы были застелены белыми скатертями — сюда клиенты выкладывали свои бриллианты и рубины, а служащие банка придирчиво осматривали их через увеличительные стекла. Вдоль задней стены тянулся ряд застекленных будок, скрывавших от глаз еще десятки служащих, а поперек зала на латунных столбиках были натянуты тяжелые красные канаты. Возле окошек уже выстраивались в очередь первые клиенты. Звонили телефоны, кто-то отвечал на звонки. В банке бурлила повседневная жизнь.

— Боже мой, — прошептала Молли, моментально теряя присутствие духа. — Только посмотри на эти камеры. Что мы с ними будем делать?

— Справимся, если будешь придерживаться нашего плана, — подбодрил ее Рокки. — Вот увидишь, все получится... Удачи нам, Молли.

Молли сглотнула подступивший к горлу комок и кивнула.

— Удачи.

Рокки прошел в дальний конец зала и сел в кресло у самой стены. А Молли напрямик направилась к столу для клиентов и решительно уселась

напротив молодого веснушчатого клерка.

— Доброе утро, — поздоровалась она. — Я бы хотела положить к вам свои рубины.

— Разумеется, мисс, — ответил клерк и, ничего не подозревая, поднял глаза. Бедный юноша оказался легкой добычей. Он попал в сети к Молли, как слепой мотылек к пауку в паутину.

Не прошло и пяти минут, как Молли выдала ему нужные указания.

— С этой секунды вы будете делать все, что скажу вам я или мой друг. До десяти часов вы будете вести себя с клиентами, как обычно. А ровно в десять подойдете ко входу в банк и будете ждать дальнейших указаний.

Клерк покорно кивнул.

— Когда вы желаете принести ваши камни? — спросил он, ведя себя в точности как обычно.

— Очень хорошо, — похвалила его Молли. — А теперь отведите меня, пожалуйста, к управляющему.

Клерк подвел Молли к бронированной двери. Девочка старалась держаться как ни в чем не бывало, смотрела прямо перед собой, не обращая внимания на встречных, и решительно шагала за веснушчатым юношей по величественному коридору. Наконец они подошли к двери, на которой висела массивная золотая табличка: «*Миссис В. Бриско, управляющая банком*». Клерк постучал, и они вошли. Потрясенная секретарша подняла голову от пишущей машинки и неодобрительно взглянула на неожиданных гостей, но через несколько секунд под пристальным взглядом Молли смягчилась и заговорила с миссис Бриско по интеркому:

— Извините за беспокойство, миссис Бриско, вас хочет видеть девушка по имени...

— Мисс... э-э... — в поисках вдохновения Молли обежала взглядом комнату. — Мисс Юкка, — сказала она, заметив в горшке на подоконнике колючее растение, и внутренне поморщилась — так глупо прозвучало взятое наобум имя.

— Мисс Юкка, — повторила секретарша. — Думаю, вам стоит поговорить с ней.

— Впустите ее, — коротко ответила миссис Бриско.

Управляющая банком оказалась невысокой худощавой женщиной лет пятидесяти, с дрожащими руками и горестным лицом. В знак приветствия она нетерпеливо нахмурила брови и поправила очки в роговой оправе. Миссис Бриско недоумевала — что от нее могло понадобиться этой девочке?

— К сожалению, мы не устраиваем экскурсий по Шорингс-банку для

школьников, деточка, — грозно сказала она, завидев неожиданную посетительницу. — Если хотите, можете взять в нашем справочном отделе информационный буклет о Шорингс-банке для вашего школьного задания. Надеюсь, он будет соответствовать вашим потребностям. До свидания.

— Нет, — возразила Молли. — Для моего задания нужна ваша *персональная* помощь.

Работая управляющей крупного банка, миссис Бриско давно научилась не доверять людям. Поэтому загипнотизировать ее оказалось делом нелегким. Молли почувствовала, что она изо всех сил сопротивляется ее усилиям. Подобно собачке, которой ужасно не хочется идти за своим хозяином, банкирша как будто дергала за поводок, однако капитуляция была неизбежна! Миссис Бриско брыкалась и изворачивалась, старалась защититься, но все же не смогла устоять против притягательных глаз Молли. Не прошло и полминуты, как она оказалась полностью в девочкиной власти.

Очень скоро миссис Бриско согласилась сделать все, о чем просила Молли.

Не теряя времени даром, она вызвала всех банковских работников, одного за другим, к себе в кабинет, и Молли провела над ними тщательную работу. Всем было дано одно и то же указание: работать как ни в чем не бывало до десяти часов, потом собраться в вестибюле банка и ждать новых указаний. Молли хотелось как можно дольше продержатъ банковских сотрудинок в нормальном состоянии. Было уже половина десятого.

Тем временем Рокки сидел в холле банка и внимательно смотрел по сторонам. Он видел, как приходят и уходят клиенты, замечал, как служащие за стеклянной перегородкой один за другим поднимаются, уходят и спустя несколько минут возвращаются со стеклянным блеском в глазах.

Покончив с клерками, Молли обработала всех охранников, включая двух горилл у входа. Потом она занялась видеокамерами, шпионившими за ней из каждого угла. Некоторые, как она выяснила, были спрятаны даже в стенках корзин для мусора. Штук двадцать из них, а то и больше, уже записали все похождения Рокки и Молли. Прежде чем приступить к основной работе, необходимо было стереть эти данные. Миссис Бриско отвела Молли в центральный пункт наблюдения и выключила все видеокамеры.

— А теперь, — велела Молли, облегченно вздохнув, — перемотайте кассеты и сотрите все утренние записи.

— Невозможно, — ответила управляющая механическим голосом. —

Информация — передается — напрямую — в полицейский — архив.

— Что? — в ужасе воскликнула Молли. Она не верила своим ушам. Значит, записи, на которых она разгуливает по банку вместе с Рокки, уже отправлены в полицию! Это катастрофа! Увидев Молли в служебных помещениях банка, даже самый тупой детектив узнает ее и заподозрит в причастности к ограблению. В записках Нокмана ничего не говорилось о полицейском архиве! Молли разозлилась и одновременно впала в панику. — Ждите меня здесь, — приказала она и с выскакивающим из груди сердцем побежала искать Рокки.

— Рокки, — простонала она, едва переведя дыхание, — плохи наши дела! Мы записаны на пленку, и стереть ее нельзя, потому что записи автоматически передаются в полицейский архив. Действовать дальше мы не можем — нас сразу поймают. А если мы уйдем, Рокки, что же станет с Петулькой?

Рокки обеспокоенно покачал головой.

— Отведи меня в наблюдательный центр, — сказал он. — Ничего не обещаю, но попробую это уладить.

Рокки выяснил у миссис Бриско телефонный номер полицейского архива, уселся у телефона и сосредоточился. До сих пор ему доводилось гипнотизировать по телефону всего несколько раз, поэтому он очень тревожился — вдруг ничего не получится? Нелегко было расслабиться, когда Молли стояла над душой, горестно вздыхая и покусывая губу. Наконец, глубоко вздохнув, он принялся за дело.

Сосредоточившись так, будто от этого зависела его жизнь, Рокки Скарлет набрал телефонный номер. Ответивший ему оператор был, судя по голосу, на редкость бестолков и к тому же не ожидал подвоха, поэтому загипнотизировать его на большом расстоянии оказалось проще пареной репы. Уже через пять минут полицейский стер с пленки все утренние записи. Почувствовав себя намного увереннее, Рокки позвонил в компанию, охранявшую банк, и велел дежурным выключить сигнализацию Шорингс-банка.

— Уф-ф! — с облегчением выдохнула Молли. — Молодец, Рокки!

— Слава богу, получилось, — проговорил Рокки, переводя дыхание. — Сначала мне показалось, что ничего не выйдет. Похоже, планы Нокмана устарели, — заметил он. — Надеюсь, нас больше не ждет никаких сюрпризов.

Молли кивнула, дрожа от страха, и работа снова закипела.

Оба охранника, дежуривших у парадных дверей банка, были вызваны в кабинет к миссис Бриско. Погруженные в гипнотическое оцепенение, они

стояли бок о бок, и языки свешивались у них изо рта, как у псов. «До чего же они похожи на первобытных людей», — подумала Молли.

— Кого из них возьмем в шоферы? — спросила она у Рокки. — Кто из них потолковее на вид?

— По-моему, у них у обоих мозги с грецкий орех, — сказал Рокки. — Но тот, слева, выглядит слегка поумнее.

— Почему ты решил?

— Он хотя бы не жует свой воротник.

Выбранный ими охранник был в придачу самым мускулистым и самым волосатым. Рокки отослал второго, «голодного», обратно в вестибюль, а Молли отвела новоиспеченного водителя в банковский гараж. Он располагался в задней части здания, и идти туда нужно было по узкому коридору, заканчивавшемуся черной пожарной дверью с металлической ручкой. За этой дверью открывался железный балкон с лестницей, спускавшейся прямо в гараж, огромный, как теннисный корт. В этом гараже и стоял банковский грузовик. Он был совсем не такой большой, как ожидала Молли.

— Это ваш единственный грузовик? — спросила она, тревожась — вдруг сюда не войдет весь заказанный Нокманом груз?

— Угу, — хрюкнул охранник.

— Как вы думаете, в нем уместится содержимое всех сейфов банка?

— Угу.

— Откуда вы знаете? — спросила Молли, надеясь, что микроскопический мозг охранника еще функционирует.

— Потому что камешки не тяжелые, они жутко дорогие, но совсем не тяжелые.

— Хорошо. — Молли оглядела темные, узкие как щели боковые окна грузовика и пуленепробиваемые двери. Хотелось надеяться, что охранник прав.

Молли спустилась в вестибюль и мимоходом загипнотизировала тринадцать клиентов, пришедших в банк. Они выстроились в шеренгу по стойке «смирно», как оловянные солдатики. И как только часы пробили десять, двери банка закрылись. Снаружи вывесили объявление:

«Банк закрыт на четыре с половиной часа в связи с обучением персонала. Приносим извинения за причиненные неудобства».

Вскоре на крыльце образовалась толпа рассерженных клиентов,

желающих попасть в банк. В вестибюле собрались загипнотизированные банковские служащие. Они тоже выстроились в ряд, как манекены.

— Словно во сне, — прошептал Рокки.

Несколько минут они с Молли тоже стояли неподвижно. И правда, зрелище было жутковатое, особенно если учесть, что сейчас был разгар рабочего дня.

Внезапно раздавшийся телефонный звонок заставил Молли вздрогнуть от страха, но на него быстро ответила секретарша. Она, как ей и было приказано, ответила: «К сожалению, сейчас он не может подойти к телефону. Он вам перезвонит. До свидания».

— Хорошо, — сказал Рокки. — Пошли в подвал.

Миссис Бриско провела их по серому коридору к лифту, набрала на пульте десятизначный код, и двери с тихим шелестом распахнулись. Едва Молли с Рокки вслед за управляющей переступили порог кабины, как двери захлопнулись и лифт начал стремительно опускаться. На Молли напал приступ клаустрофобии. Теперь она поняла, как глубоко они с Рокки завязли в этом беззаконии. Загипнотизировали почти тридцать пять человек, и все они, выйдя из транса, в тот же миг кинутся звонить в полицию. И все эти люди находятся *наверху*, а она и Рокки делают свое черное дело здесь, *внизу*. Если кто-нибудь очнется, они окажутся в ловушке. Молли выбросила эту мысль из головы и постаралась сосредоточиться на неотложных делах. Колени у нее подкашивались, руки дрожали, и вдобавок от страха ужасно захотелось в туалет, хотя *на самом деле* ей это было совсем не нужно. Даже коричневое лицо Рокки заметно побледнело. Молли вспомнила, сколько раз он помогал ей выпутаться из беды в Хардвикском приюте, и ей стало стыдно за то, что она втянула его в этот кошмар.

— Прости, — шепнула она ему, когда двери лифта раскрылись.

— Не за что, — отозвался он с напряженной улыбкой.

Они очутились в подвале. Молли узнала вход в частные хранилища — все было точь-в-точь как на плане Нокмана. Миссис Бриско вела их по узкому, с низким потолком коридору в кладовые, где хранились драгоценности. Молли шла позади. Ей стало любопытно, как выглядят эти кладовые изнутри. Немного отстав от Рокки и миссис Бриско, она заглянула в крошечное застекленное окошко. И правильно сделала!

В небольшой, с серыми стенами и низким потолком комнате сидел верзил в темно-синем полосатом костюме! Он вертел в руках огромный бриллиант.

— Какого черта тут делает эта малявка? — прорычал он, увидев

Молли. Накачав в глаза побольше гипнотической энергии, Молли торопливо стрельнула в верзилу взглядом и забрала у него из рук бриллиант. Он был огромный, тяжелый и очень твердый. Молли покрутила его в руке — и увидела в гранях свое отражение.

— Черт побери, он же, наверно, стоит целое состояние! — изумилась девочка.

— Еще бы, — хмыкнул громила. — Я его — только — сегодня — украл.

— У кого? — поинтересовалась Молли. Вот это да! Перед ней сидел настоящий гангстер! Ей было одновременно страшно и ужасно интересно.

— У — другого — вора.

Молли положила бриллиант в карман куртки и догнала Рокки. Он стоял с миссис Бриско у какой-то маленькой черной коробочки на стене. На коробочке была панель с кнопками, пронумерованными от нуля до девяти, и электронный дисплей с зелеными светящимися цифрами. В этот момент на дисплее горели три нуля. Справа от нулей светила желтая лампочка величиной с бильярдный шар.

У Рокки был такой несчастный вид, будто ему только что сказали, что из Петульки сделали фарш.

— Что стряслось? — спросила у него Молли.

— Замки, — хрипло прошептал Рокки. — Этот *идиот* Нокман ничего не знает! С тех пор здесь *сменили* все замки! Мы никак не можем попасть в кладовые и открыть сейфы.

— Почему?

— Потому что, как говорит миссис Бриско, она не может в одиночку открыть двери. Для этого должны присутствовать *оба* — и она, и клиент, арендующий ячейку. Здесь пять кладовых по восемьдесят сейфов в каждой. *Четыре сотни* сейфов — для этого надо привести всех четыреста клиентов.

— Но почему? — изумилась Молли.

— Потому что, — монотонно объяснила миссис Бриско, — у нас — новая — система. Она — открывает — дверь — только — если — получает — информацию — и от меня — и от клиента.

— Что за информация?

— Рисунок — радужной — оболочки.

У Молли подкосились колени. Что это еще за новая напасть?

— Объясните, как это работает, — приказала она.

— Сначала — я набираю — номер — нужного — сейфа. Потом — устройство — сравнивает — рисунок — моей — радужки — и рисунок —

радужки — клиента — с теми — что — хранятся — в памяти. Если — информация — совпадает — компьютер — понимает — что перед дверью — я — и — клиент. Тогда — устройство — разрешает — открыть — сейф. Поэтому — никто — посторонний — не может — открыть — сейфы — и — обокрасть — их.

Молли закусила губу. Такого поворота никто не предусмотрел! Она поглядела на Рокки — он, казалось, вот-вот потеряет сознание.

— А что такое рисунок радужки? Что-то вроде отпечатков пальцев?

— В некотором — роде — да. У людей — не бывает — двух — одинаковых — радужек. Вот почему — это — устройство — так — надежно.

— Да, я понимаю, *почему* оно надежно, — отозвалась Молли, пытаясь свыкнуться с мыслью, что они проиграли. — Я только хочу узнать, *что такое* радужка.

Миссис Бриско объяснила ровным голосом, будто читала текст из скучной книги:

— Радужная — оболочка — это — окрашенная — часть — глаза. Эта — часть — придает — глазам — каждого — человека — свой — особый — цвет. В радужной — оболочке — есть — мышцы — которые — сокращают — и расширяют — черный — зрачок — посередине — глаза. У всех — людей — радужка — выглядит — по-разному. Твоя — очень — красива — у нее — красивый — зеленый — оттенок.

В душе у Молли вновь вспыхнула надежда. Она кивнула Рокки.

— Попробуем.

Не прошло и минуты, как Рокки набрал на считывающем устройстве номер один, чтобы открыть первый сейф, а миссис Бриско наклонилась к машине и подставила глаз сканирующему лучу.

Потом наступила очередь Молли. Она склонилась, приблизила глаз к желтой скважине и заглянула внутрь, в недра считывающего устройства. Машина, в свою очередь, тоже заглянула Молли в глаз.

Девочкин глаз предстал перед машиной, как огромное зеленое колесо, испещренное крапинками, сверкающее изумрудными искрами. Прибор начал считывать рисунок из тоненьких жилок и мускулов, сравнивая его с содержимым компьютерной памяти. Тихо попискивая, машина переваривала информацию.

Но внезапно глаз в окошечке прибора изменился! Машина начала сканировать снова. Писк стал настойчивее. Но глаз переменялся еще раз, быстрее, чем раньше, и машина опять начала с нуля. Менялся глаз — и каждый раз машина начинала работу заново. Потом зрачок расширился,

устройству пришлось подладиться к его размеру. Ребристая радужка завертелась, как колесо. Компьютер пришел в замешательство. Его не программировали сканировать вращающиеся глаза. И вдруг в глазу замерцали зеленые искры. Компьютер раскалится, выискивая в своей кремниевой памяти указания на то, как поступать в таком случае. Глаз запульсировал, компьютер пронзительно заверещал. Глаз стал вращаться и пульсировать одновременно, и компьютер впал в панику. Его температура поднималась все выше, микросхемы считывающего устройства расплавились, и вдруг компьютер напрочь забыл, что такое считывающее устройство и где оно у него находится. В его электронном сознании укладывалось только одно — как красив представший перед ним глаз. Кремниевой микросхеме стало тепло и уютно, как в тот день, когда ее только что сделали. Компьютеру нравился этот глаз. Нравился рисунок радужки. Он был красивее, чем все радужки, которые он до сих пор сканировал, вместе взятые. Компьютер расслабился и дал самому себе команду открыть все сейфы.

ЩЕЛК-ЩЕЛК, ЩЕЛК-ЩЕЛК, ЩЕЛК-ЩЕЛК, ЩЕЛК-ЩЕЛК, ВЖИК, ВЖИК, ВЖИК, ВЖ-ЖИК.

Разом открылись все четыреста бронированных сейфов. И одновременно отодвинулись стальные засовы на пяти тяжелых дверях в кладовые.

Молли отвела глаза от считывающего устройства и подбоченилась.

— Вот что значит высший класс, — гордо произнесла она.

— Вот что значит невероятное везение, — возразил Рокки.

Он проводил миссис Бриско к выходу из подвала и поднялся с ней в вестибюль. Вернувшись с тридцатью пятью загипнотизированными сотрудниками и посетителями, мальчик выстроил их в живую цепочку от кладовых до грузовика в гараже. Миссис Бриско выдала Молли и Рокки джутовые мешки и множество больших коричневых конвертов. Ребята тотчас же принялись за работу.

Уму непостижимо, сколько же сокровищ хранилось в этих кладовых! В каждой комнате стояло восемь колонок по десять сейфов в каждом, то есть восемьдесят сейфов с драгоценностями в каждой кладовой. А всего четыре сотни ящиков!

В каждом сейфе имелся выдвижной металлический поднос, и все они, как вскоре убедились Молли и Рокки, отличались друг от друга. На одних усталых алым бархатом подносах аккуратными рядами лежали крупные одиночные рубины. Другие были до краев забиты крохотными, с ноготь величиной, бумажными пакетиками. На третьих подносах были уложены

жемчужные ожерелья, на четвертых — кольца с бриллиантами. Кое-где хранились кожаные, шелковые или замшевые кошельки, полные драгоценностей. В некоторых сейфах были спрятаны бесценные старинные украшения или крупные камни особой огранки. Молли и Рокки вытряхивали содержимое каждого подноса в отдельный бумажный конверт и, переходя от колонки к колонке, укладывали десять полных коричневых конвертов в джутовый мешок.

Наконец последний из мешков был передан наверх и переправлен в гараж, где горилла-охранник загружал их в грузовик.

Работа была изматывающая. Надо было извлечь из подвалов горы драгоценных камней на сумму в сотни и сотни миллионов долларов. Но в конце концов все камни до последнего кристаллика были аккуратно уложены в конверты и вынесены из хранилища: в кузове грузовика высилась солидная гора пухлых мешков.

Молли и Рокки собрали вспотевшую толпу своих загипнотизированных рабов.

— Вы все очнетесь, когда услышите, как часы над входом в банк пробили половину третьего, — приказала им Молли. — И расскажете полиции, что в банк ворвалась шайка вооруженных бандитов с чулками на головах, и каждый из вас расскажет собственную историю о том, как его напугали, что велели делать и тому подобное. А до половины третьего вы будете сидеть на полу и... гм... петь песни. И последнее. У вас не сохранится *никаких воспоминаний обо мне и моем друге*.

Все служащие и клиенты банка тут же покорно усадились на пол и принялись распевать песни. Молли подумала: до чего же они милы, прямо как послушные малыши в детском саду. Потом она и Рокки вскочили на переднее сиденье грузовика, загипнотизированный охранник сел за руль, двери гаража распахнулись, грузовик выехал на улицу, и вскоре мрачное здание Шорингс-банка осталось позади.

Всю дорогу от банка до Пятьдесят второй Западной улицы ребята тряслись от страха, потому что гориллоподобный охранник за рулем полусонно клевал носом. Все, однако, закончилось благополучно: немного не доезжая до доков, они заметили обветшавшее здание, соответствующее по описанию складу Нокмана. Пока Молли пыталась разобрать полустертые надписи на его стенах, Рокки выскочил из кабины и открыл обшарпанные ворота.

Началась перегрузка. Под присмотром ребят могучий волосатый охранник вытаскивал джутовые мешки из банковского грузовика и перекладывал их в коричневый грузовичок Нокмана. Когда с работой было

покончено, охранник, раскрасневшийся от натуги, присел передохнуть, и Молли принесла ему напиток.

— Большое вам спасибо, — сказал ему вежливый Рокки. — Теперь вы должны отвести грузовик обратно в банк. Но приедете вы туда не раньше *трех часов* и очнетесь тоже к этому времени. И этот адрес вы забудете. Всем, кто будет задавать вам вопросы, вы скажете, что разложили груз в десятки самых разных машин: «мустанги», «кадиллаки», фургончики и тому подобное. А потом, расскажете вы, вас связали, завязали глаза, дали вам чем-то тяжелым по голове и где-то бросили. Очнувшись, вы обнаружили, что находитесь на... на Девяносто девятой улице, и оттуда поехали в банк.

Горилла утвердительно хрюкнул и залпом проглотил стакан воды, пролив половину на волосатую грудь. Потом он уселся в банковский грузовик и укатил. Было без двадцати минут два. Молли, от волнения не находившая себе места, уселась в кресло и стала ждать прибытия Нокмана.

Глава двадцать восьмая

Ровно без четверти два ворота склада со скрипом отворились. Вошел Нокман в потертом кожаном пальто и противогипнотических очках. Преступник дрожал всем телом, и не только потому, что замерз на долгом пути от шоссе; просто от страха у него тряслись руки. До самой последней минуты Нокман не был уверен в Молли, однако старался показать девочке, что полностью контролирует ситуацию. Он глубоко, хрипло вздохнул и плотно закрыл за собой дверь. Вот она, сидит в кресле. Через спиральные очки Нокман плохо различал девчонку, но это, без сомнения, была она.

— Грузовик полон? — коротко спросил он. Из-за кодировщика речи на ушах собственные шаги звучали для Нокмана каким-то визгливым скрипом, а голос казался писклявым, как у Микки Мауса.

— Да, в него уложено все, что было в кладовых. До последней жемчужинки.

Нокман был потрясен. Девчонка сработала куда лучше, чем он ожидал! Но он ничем не выказал своего изумления.

— Все шло по плану?

— Абсолютно. Сотрудники считают, что на банк совершила налет шайка вооруженных грабителей. Все драгоценности уложены в ваш грузовик. Проверьте, если хотите. — Молли рассматривала профессора, как занятное насекомое сквозь увеличительное стекло. Он и вправду был похож на жалкую грязную вошь, да и смотрел на Молли точно так же, как могла бы смотреть вошь на человека, чьей крови она хочет насосаться: без всякого сочувствия.

— Хорошо, — произнес он. — Ты делаешь успехи. В следующий раз сумеешь ограбить банк и без моей помощи. А где же книга? Она тоже входила в договор.

Молли пошарила рукой позади себя, достала книгу, завернутую в белый шелк, и протянула Нокману. Тот жадно схватил сверток и торопливо развернул ткань, чтобы проверить, не надули ли его.

— Моя! — алчно, как избалованный ребенок, пробормотал он. Ему не терпелось поскорее убраться восвояси.

Нокман торопливо вскарабкался в грузовик и включил мотор. Машина затряслась, по складу поплыли клубы едкого сизого дыма.

— Позвоню тебе, когда проверю все по списку, — на ходу бросил он. — Открой дверь, живее.

— Как поживает Петулька? С ней все хорошо? — привстав на цыпочки, спросила Молли сквозь открытое боковое окно.

— Хорошо, хорошо, — соврал Нокман. — Жрет, как волк, бифштексы, бекон и шоколадное печенье.

— Шоколадное печенье?!

— Да, и чем скорее ты откроешь дверь и я уеду, тем скорее ты увидишь свою собачонку.

Молли проводила Нокмана взглядом. Грузовик быстро катил по Пятьдесят второй Западной улице и вскоре скрылся за поворотом.

Отъехав подальше от доков, лжепрофессор торопливо снял противогипнотические очки, сорвал с головы наушники кодировщика речи и, яростно дернув ручку передач, поколесил дальше. Нокман знал, что к тому времени, когда служащие банка очнутся и сообщат об ограблении, он будет уже далеко, однако все равно по его спине то и дело пробегал неприятный холодок страха. Со лба, заливая глаза и мешая видеть, скатывались крупные капли пота. Нокман чертыхался на каждом светофоре и готов был убить каждого перебежавшего дорогу пешехода. Тем не менее он довольно быстро доехал до окаймленной деревьями промышленной зоны в Бруклине, где, надежно укрытый от посторонних глаз, стоял его уютный, полный садовых гномиков склад.

Здесь Нокман рассчитывал отдышаться, успокоить нервы и пересчитать драгоценную добычу, сваленную в кузове.

Никем не замеченный, он въехал в здание и, заперев за собой ворота, тяжело привалился к бетонной стене.

— Видит Бог, мне надо выпить, — сказал он громко.

Нокман вытащил с переднего сиденья грузовика свой рюкзак с книгой по гипнотизму, противогипнотическим снаряжением и паспортом. Торопливо выложив все его содержимое на низкий столик, на котором стояла большая бутылка виски и грязный стакан, он уселся в пластиковое кресло, налил себе виски и, отсалютовав гипсовым садовым гномам, с наслаждением отхлебнул. Выпил весь стакан залпом и налил еще. Потом закурил сигару и, выпустив большое облако дыма, откинулся на спинку кресла, закинув ноги на стол.

И громко расхохотался.

Его смех услышал Рокки, прятаясь в кузове грузовика за штабелями картонных коробок. Больше всего на свете ему хотелось знать, нет ли на складе кого-нибудь еще, кроме Нокмана.

Услышала смех и Петулька, запертая в дальней комнате: почувствовав, что настроение страшного похитителя переменялось, она залаяла.

— Ах, чтоб тебя! Заткнись, глупая тварь! — заорал Нокман. Он подскочил к грузовику и с грохотом распахнул задние двери. Рокки едва успел пригнуться.

— Ай да я, ай да молодец! — победоносно завопил Нокман, вытаскивая из кузова два мешка. Он отнес их на кресло и осторожно вытряхнул содержимое на стол. На полупрозрачный пластик с глухим стуком высыпалось десять тяжелых коричневых конвертов. Нокман алчно ухмыльнулся и еще сильнее запыхтел сигарой. Он вытащил из-под стула голубую папку с несколькими листами бумаги и, усевшись в кресло, надорвал конверт. Внутри блеснула кучка кроваво-красных рубинов.

Стараясь не шуметь, Рокки подполз к борту грузовика и осторожно выглянул наружу. Перед ним сидел толстый, как слизьяк, невымытый оборванец и пускал слюни над мешком драгоценных камней. Рядом с ним на грязном пластиковом столе лежала книга по гипнотизму, по-прежнему завернутая в белый шелк, и противогипнотическое оборудование. Нокман с ухмылкой перебирал сокровища.

Рокки не умел действовать глазами, как Молли. Он гипнотизировал людей, только когда разговаривал с ними. Оставалось лишь ждать, пока Нокман не напьется и не заснет, и тогда попытаться загипнотизировать его во сне.

Нокман подлил себе в стакан виски и снова ухмыльнулся. Он бросил недокуренную сигару на пол и раздавил ее носком ботинка. Потом надел наушники, спиральные очки и рассмеялся, довольный собственной ловкостью.

Нокман подошел к грузовику.

Рокки ящерницей юркнул обратно за ящики.

Нокман откинул задний борт грузовика и, тяжело отдуваясь, залез в кузов.

Рокки задрожал от страха.

Нокман снял с боковой стенки грузовика моток веревки, ударом ноги откинул коробки, за которыми прятался Рокки, и схватил мальчика за руку.

— Ловкий ты пацан, — прошипел он, вытаскивая Рокки из кузова. — Дурак! Я увидел твое отражение в стакане с виски.

Хоть Нокман и обрюзг, как морж, все же он был намного сильнее Рокки. Как мальчик ни брыкался, вырваться ему не удалось. Нокман связал ему руки за спиной, заткнул рот и, волоком протащив по грязному полу, грубо швырнул его в ту же комнату, где сидела Петулька. Рокки упал

спиной на твердый цементный пол и больно ударился.

— Устраивайся поудобней, паршивец, — процедил Нокман, захлопнул дверь и запер ее на висячий замок. Петулька вскочила на колени к Рокки и лизнула мальчика в нос. А Нокман направился обратно к грузовику. Если там прячутся другие крысы, он их всех переловит!

В этот момент он услышал тихий шорох над головой. Кто-то пытался проникнуть на склад через крышу!

Глава двадцать девятая

Молли знала, что Петулька терпеть не может шоколадного печенья! Поэтому, когда Нокман похвастался, чем он потчует собачку, она сразу поняла, что тот врет, и Петулька сидит голодная. А это значило, что Нокману верить нельзя! «Надо ехать за ним», — решила девочка.

Поэтому, едва коричневый грузовик Нокмана доехал до конца Пятьдесят второй улицы и свернул за угол, Молли выбежала со склада и что есть духу помчалась на главную улицу — ловить такси.

Когда она, наконец, поймала желтую машину, грузовичок уже почти скрылся из виду, но водитель поднажал, и вскоре им удалось сесть на хвост удирающему Нокману.

Молли чувствовала себя настоящим шпионом. Если бы положение было не столь критическим, такая погоня ей бы даже понравилась. Но сейчас ее руки взмокли так, что пот чуть не капал с ладоней, а настроение было мрачнее некуда. Наконец такси подъехало к Бруклинской промышленной зоне.

Издалека она внимательно следила за манипуляциями Нокмана. Вот он приблизился к складу, остановился у дверей. Отослав такси, Молли спряталась за дерево и смотрела, как Нокман въезжает внутрь.

— Попался, — вполголоса проговорила девочка.

Приглушенный топот на крыше ввергнул Нокмана в панику. Преступник решил, что через мгновение на него набросится целый отряд полиции, поджидавший в засаде. Он не знал, что незванный гость — это всего лишь Молли Мун, которая, ловко вскарабкавшись по дереву, пролезла сквозь полуоткрытый вентиляционный люк на крыше и неслышно спустилась на чердак. Нокман лихорадочно запихнул пакеты с драгоценностями, книгу по гипнотизму и рюкзак с противогипнотическим снаряжением в кузов грузовика и захлопнул дверь. Сунув паспорт в карман, а список похищенного — за пазуху, он, не помня себя от страха, взгромоздился на водительское сиденье и нажал на газ.

Молли услышала, как заработал мотор, и с ужасом поняла, что сейчас Нокман уедет. Она торопливо сбежала по лестнице, но лжепрофессор уже включал передачу. Когда Молли выскочила из дверей, было уже поздно. Выпустив облако выхлопного газа, грузовик со скрежетом сорвался с места.

Молли выскочила на улицу и побежала вслед за грузовиком, но автомобиль ехал слишком быстро! Закашлявшись от едкого дизельного выхлопа, девочка осталась стоять на пустой дороге, среди старых заброшенных складов и увядших деревьев.

Все пропало! Рокки, наверное, еще в грузовике, и Нокман его рано или поздно найдет. А что же будет с Петулькой? Теперь Нокман *никогда* не позвонит! Молли застонала. Никогда еще ей не было так плохо.

Тревожась за Петульку и Рокки, она поняла: самый лучший выход — позвонить в полицию. А иначе Рокки попадет в серьезную беду. Что касается Петульки, оставалась еще слабая надежда, что она до сих пор спрятана в этом здании. Молли со всех ног кинулась обратно. И действительно, ворвавшись на склад, она услышала царапанье когтей и приглушенный визг. Взяв с пола какую-то тяжелую железяку, девочка одним ударом сбила висячий замок, изо всех сил дернула дверную ручку и ворвалась в темную комнату. Петулька радостно прыгнула к Молли на руки. Не помня себя от радости, девочка прижала ее к груди и вытащила кляп у Рокки изо рта. Рокки тотчас же торопливо заговорил:

— Молли, мне очень жаль, он меня заметил, нацепил свои наушники и схватил меня, а потом... — Рокки дрожал всем телом и дышал хрипло, как астматик.

— Рок, прости меня, это я во всем виновата, — перебила его Молли, развязывая веревки на руках у друга. — Я так рада, что вы оба живы! Я боялась, что потеряю вас обоих, ужасно боялась! — Она достала из кармана маленькую баночку собачьего корма, которую на всякий случай давно уже носила с собой, сорвала крышку и выложила на пол куски мяса. Петулька жадно принялась за еду. Молли налила себе в ладонь немного минеральной воды. — Смотри, как проголодалась, бедняжка! Наверно, он *ни разу* ее не кормил и не давал пить, — с возмущением сказала она. — Бедная собачка!

Когда Петулька напилась, Молли взяла ее на руки и прижала к груди. Как приятно было снова чувствовать в руках этот мягкий теплый комочек!

— Прости, Петулька, — прошептала Молли. — Я постараюсь, чтобы такого больше никогда не случилось! — Петулька уткнулась носом в Моллину куртку и засопела, показывая, как ей хорошо и уютно.

Ребята погладили ее и принялись думать, что делать дальше.

— Сейчас Нокман наверняка постарается уехать как можно дальше, — предположил Рокки.

— Да, — согласилась Молли. — И, могу спорить, он весь трясется от страха.

Они подошли к дверям и выглянули наружу, представляя себе, как Нокман едет по шоссе. Потом, как ни странно, улыбнулись.

— Гм, — произнес Рокки. — Ему наверняка придется остановиться на заправочной станции, чтобы залить бензина. Он купит себе шоколадку «Небо».

— И, наверное, банку «кьюта», — добавила Молли.

— А потом сядет в кабину и поедет дальше.

— Будет ехать и ехать, долго-предолго, — подхватила Молли.

— А потом? — спросил Рокки.

— Потом он устанет.

— А потом?

— Начнет клевать носом и будет очень недоволен этим.

— Вот именно, потому что ему не хочется останавливаться на отдых. Ему надо как можно скорее убраться подальше от Нью-Йорка. И что же он тогда сделает?

— Чтобы взбодриться, он, наверное, включит радио, — предположила Молли.

— Будем надеяться.

Вдавливая педаль газа в пол, Нокман ехал прочь от склада. Грузовик с ревом несся по пригородам Бруклина. В крови преступника бурлил адреналин: каждый раз при виде полицейской машины у него душа уходила в пятки, хотя он постоянно твердил себе, что его грузовик совсем не выглядит подозрительным. Полиция не будет обращать особого внимания на автомобили, *уже покинувшие* остров Манхэттен. Тем не менее нервы у Нокмана были натянуты до предела. Он что есть мочи жал на акселератор, торопясь уехать подальше от Нью-Йорка. При этом он старался передвигаться по проселочным дорогам, то и дело поглядывал в зеркальце заднего вида, курил одну сигару за другой и потел, как расплавленный сыр. Через пару часов такой бешеной гонки Нокман почувствовал себя несколько увереннее — кажется, он вырвался! Лжепрофессор расстегнул воротник рубашки и свернул на шоссе, ведущее в соседний штат.

Он сидел за рулем уже несколько часов и проделал без остановки такой путь, что стрелка указателя уровня топлива в баке подползла к нулю. Нокман подъехал к заправочной станции, залил полный бак и купил себе три шоколадных батончика «Небо» и четыре банки «кьюта». Потом залез обратно в грузовик и двинулся дальше.

Часам к девяти Нокман почувствовал усталость. Это его встревожило. Мошеннику совсем не улыбалась перспектива уснуть за рулем и врезаться

в фонарный столб. Он представил себе, как кузов грузовика раскалывается посреди шоссе, словно пасхальное яйцо, и все драгоценности, все сверкающие камни высыпаются на дорогу. Но и останавливаться для отдыха он побаивался. Надо ехать дальше! Нокман дал себе слово, что доедет до ближайшей закусочной, остановится и выпьет чашку крепкого кофе без сахара, чтобы взбодриться. А до тех пор он решил включить радио.

«Для тех, кто за рулем», — пропел серебристый голос.

«Да, — бодро прочирикал ди-джей. — Мы будем сопровождать вас, водители машин на всем Восточном побережье, и не дадим вам уснуть! Поэтому ни о чем не беспокойтесь, расслабьтесь и спокойно ведите свою машину. Наша радиостанция поможет вам! До чего же интересную развлекательную программу мы приготовили для вас! Чудеснейшая музыка на много часов! Через пару секунд вы услышите последние новости, а сейчас — небольшая рекламная пауза».

Нокману стало намного лучше. Именно такую радиостанцию он и хотел поймать. Преступнику не терпелось услышать свежие новости — не сообщат ли чего-нибудь об ограблении? Вполуха прислушиваясь к рекламным объявлениям, он переключил передачу.

«Я на небе, а „Небо“ — во мне.

„Небо“ — лучший подарок и мне, и тебе!»

Потом сладкий голос запел:

«Хочешь оказаться на седьмом небе?

Откуси батончик „Небо“!»

Нокман послушался совета и, откусив еще кусок от шоколадки, которую держал в руках, удовлетворенно причмокнул. Дальше началась реклама «кьюта». Нокман внимательно слушал: «Будь крут, пей „кьют“!»

«„Кьют“ — для тех, кто крут...

„Кьют“ — для тех, кто силен...

Все любят тех, кто любит „кьют“.

Меня все любят — я люблю „кьют“!

О-о, как ты крут, дай отпить твой „кьют“!

*С банкой „кьюта“ в руке мир кажется гораздо лучше!
„Кьют“... утолит не только жажду!»*

Нокман вскрыл банку «кьюта», отхлебнул глоток и улыбнулся. Теперь он тоже станет очень, очень крут, как все эти чертовы рекламные герои. За всю свою долгую преступную жизнь он никогда еще не достигал ТАКОГО успеха, и сейчас эта мысль приятно щекотала его самолюбие.

Снова заговорил ди-джей.

«А теперь прослушайте свежие *новости*. Главным событием дня стало ограбление Шорингс-банка на Манхэттене... — Нокман прибавил громкость. — Банк был ограблен сегодня утром шайкой вооруженных бандитов. Им удалось скрыться. Похищены драгоценные камни и ювелирные изделия на сумму свыше ста миллионов долларов».

Нокман хохотнул. Намного, намного больше!

«Специалисты пытаются определить, каким образом бандитам удалось проникнуть в банк и вывести из строя охранную сигнализацию, поскольку в Шорингс-банке установлена одна из лучших и самых сложных в мире систем безопасности. Полагают, что грабители еще не успели покинуть пределы острова Манхэттен. Служащие банка сообщили об ограблении сразу после того, как бандиты скрылись, и через пять минут полиция перекрыла все мосты, ведущие с Манхэттена. Сейчас полицейские досматривают все суда, стоящие у берегов острова. Движение всех водных видов транспорта остановлено. Банковский работник, которого бандиты силой вынудили ехать вместе с ними, рассказал, что его заставили загрузить похищенные драгоценности в несколько легковых автомобилей, которые затем разъехались в различных направлениях. Полагают, что преступники спрятали награбленное в разных уголках острова Манхэттен. Полицейские просят жителей города о помощи в расследовании и в то же время предупреждают: будьте осторожны, преступники могут быть вооружены и очень опасны! Полиция будет благодарна за любую информацию, которая сможет помочь в поиске грабителей».

Это была лучшая новость, какую Нокман слышал в своей жизни. Он был готов расцеловать звонкоголосого ди-джея, сообщившего ее.

«Благодарим вас за то, что вы нас слушаете», — продолжал ди-джей.

— И вам того же, — отозвался Нокман.

«Отличная новость, не правда ли?» — спросил ди-джей.

— Это точно, — ответил Нокман. Ему и в самом деле нравился этот ведущий, а особенно — его голос. Идеально поставленный, очень

успокаивающий.

«Наверно, вам сейчас *очень хорошо*», — предположил ди-джей.

— Замечательно! — рассмеялся Нокман.

«Вы чувствуете себя великолепно, так хорошо вам не было уже много лет».

— Вот уж верно! — подтвердил Нокман.

«Ваши усилия увенчались успехом. Вы заслужили награду, не правда ли?»

Нокман кивнул. Этот парень прав, чертовски прав!

«И теперь вам необходим заслуженный отдых. Вдохните поглубже и медленно выдохните».

Нокман глубоко вздохнул, как было велено, и ему стало еще лучше.

«Вот так, правильно. Дышите медленно, а я буду считать. С каждым вдохом вы будете все больше и больше расслабляться. Не выпускайте руля из рук. Я считаю: десять — девять — восемь — семь — шесть — пять — четыре — три — два — один. Теперь, мистер Нокман, вы пол-но-с-тью в моей власти. Вы меня поняли?»

— Понял, — с глупой ухмылкой отозвался Нокман. Он был на седьмом небе от счастья. Ему было невдомек, что он попался в ловушку, заранее расставленную Молли и Рокки.

«А теперь, — велел Рокки, — разверните грузовик и езжайте обратно в Нью-Йорк, к тому месту, откуда вы выехали сегодня утром. Хорошо?»

— Отлично, — с радостью хмыкнул Нокман. — Просто замечательно!

Когда Нокман тронулся в обратный путь, кассета в магнитоле дошла до конца записи. Остаток ленты был пуст. В воскресенье вечером у Молли и Рокки хватило времени только на такую, довольно короткую фальшивую радиопередачу. Поэтому обратно Нокман, блаженно ухмыляясь, ехал в полной тишине.

В своих замыслах Молли и Рокки полагались на две вещи.

Первая — неопровержимый факт: взрослые всегда недооценивают умственные способности детей.

Вторая — конструкторский просчет, если в автомагнитоле вставлена кассета, то при включении аппарат сперва начинает воспроизводить именно ее.

Глава тридцатая

Молли, Рокки и Петулька сидели на складе в компании гипсовых гномиков и терпеливо ждали. Когда на улице сгустились сумерки, Молли вышла позвонить. Найдя телефонную будку, она набрала номер Рикси Цветикс и сказала, что так огорчена пропажей Петульки, что никак не сможет выступить сегодня в вечернем представлении *«Звезд на Марсе»*.

— Прости, Рикси, я боюсь, что прямо на сцене упаду в обморок.

— Не волнуйся, Молли, зрители тебя поймут, — сочувственно сказала Рикси. — Сегодня за тебя сыграет твоя дублерша, Лора.

Молли почувствовала укол совести — она знала, что зрители, пришедшие на мюзикл, будут разочарованы. Но потом она подумала о Лоре — этой девочке не терпелось выступить на публике, показать, как хорошо она умеет петь и танцевать, — и ей стало немного легче. Рокки не нужно было никому звонить — он заранее внушил Алабастерам, что поехал в Нью-Йорк на слет бойскаутов. Так что вместо этого он позвонил и заказал пиццу. Вечерело; с пиццей в животе и с надеждой в душе ребята ждали возвращения Нокмана.

А Петулька тем временем вымещала свой гнев против Нокмана на ярко раскрашенных садовых гномиках, будто небольшое войско выстроившихся в дальнем углу склада. Они напомнили Петульке злодеев-марсиан из *«Звезд на Марсе»*, хоть и были немного поменьше. А два или три гномика до отвращения походили на самого Нокмана.

Молли и Рокки поднялись на второй этаж — оттуда, из окна, открывался хороший вид на темную улицу.

— Как думаешь, он прослушал кассету? — спросил Рокки.

— Если нет, плохи мои дела. Он непременно меня заложит, — поморщилась Молли.

— А если прослушал, будем надеяться, она на него подействует, — сказал Рокки. — Я старался изо всех сил.

— Подождем — увидим.

Чтобы убить время, Молли и Рокки обшарили Нокманов склад. Помимо непосредственно складских помещений на втором этаже обнаружилось еще две комнаты: крохотная кухонька и туалет. В кухне стояла раковина с моющей жидкостью «Веселые пузырьки» и резиновыми перчатками на бортике, закопченная плита и холодильник, вонявший кислым молоком. И повсюду громоздились бесчисленные коробки. В них

лежали духи, ювелирные изделия, украшения, старинные вещи, дорогие часы.

— Ух ты! — воскликнула Молли. — Да это же стоит кучу денег!

— Вряд ли, — возразил Рокки, указывая на наклейку, украшавшую одну из коробок: «Сделано в Китае». — Это подделки, но Нокман наверняка продает их за настоящие.

В другой комнате стояли ящики, полные кожаных сумочек.

— Тоже подделки, — сказал Рокки. — Копии дорогих дизайнерских моделей. Если присмотришься, увидишь, что они не сшиты, а склеены. Развалятся через считанные секунды. Я слышал, мошенники часто торгуют подделками.

— Наверняка он продает их за бешеные деньги, — предположила Молли.

— Да уж надо думать.

На первом этаже штабелями были сложены ящики с дорогим старинным фарфором — разумеется, все эти вещи тоже были современными подделками. Множество коробок было наполнено всем, что попадалось Нокману под руку: там лежали сушилки для волос, кошачьи домики, молотки, швабры, телевизоры, магнитофоны. Один ящик был наполнен часами с кукушкой.

— Наверняка это все краденое, — сказал Рокки.

— Как говорится, «вывалилось за борт по дороге», — подтвердила Молли.

Вскоре после полуночи дорогу перед складом залил яркий свет автомобильных фар.

— Это он, — в один голос воскликнули Молли и Рокки и ринулись вниз — отворять тяжелые металлические ворота. Въехал Нокман. Он так разогнался, что не успел вовремя затормозить, и колеса грузовика раздавили ящик с фарфоровыми чайниками. Молли и Рокки открыли водительскую дверь и с опаской уставились на мошенника. Тот сидел, крепко сжимая руль, и смотрел прямо перед собой невидящим взором. На его жирной роже застыла идиотская ухмылка.

Вести машину в полубессознательном состоянии оказалось для Нокмана нелегким испытанием. Один раз он не свернул с шоссе и проехал по запутанной многоуровневой развязке шестьдесят два круга, прежде чем сумел вернуться на главную трассу.

— Можете выйти, — разрешил ему Рокки. Нокман покорно вылез из кабины. Петулька грозно зарычала на него, и Нокман надул щеки. Он раздувался все сильнее, и когда его глаза начали вылезать из орбит,

Петулька с опаской попятилась. Это был уже не тот грубиян, которого она знала и, признаться, боялась. Этот, казалось, вот-вот лопнет, как воздушный шарик. Петулька решила оставить его в покое и заняться лучше садовыми гномиками. Первым делом Молли вытащила из рюкзака книгу по гипнотизму.

— Уф-ф, — с облегчением вздохнула девочка. Потом ребята обошли вокруг Нокмана и с любопытством оглядели его со всех сторон.

— В соответствующем наряде, — заметила Молли, — он бы идеально смотрелся на берегу пруда.

— М-да, — согласился Рокки. — Отныне, — приказал он Нокману, — вы будете находиться под властью не только моей, но и этой дамы. Ее зовут... — Он огляделся по сторонам в поисках вдохновения. — Сушилка.

— У меня бывали прозвища и получше, — заметила Молли.

— А меня, — продолжал Рокки, — зовут Кошкиндромом. — Нокман кивнул с таким серьезным видом, что Молли и Рокки, не удержавшись, хихикнули.

— Так кто я такой? — строго спросил Рокки.

— Кошкиндром, — благоговейно ответил Нокман, будто призывал божество.

— А эта леди?

— Сушилка. Я сделаю — все — что велят — мисс Сушилка — и мистер Кошкиндром. — Громкий лай Петульки заглушил сдавленное хихиканье ребят.

— Тихо, Петулька, — приказала Молли и, повернувшись к Рокки, шепнула: — А что теперь?

Рокки дернул себя за челку. Они долго обсуждали, что надо сделать с Нокманом, когда он вернется хорошо загипнотизированный, но так и не пришли к единому мнению.

— Давай сделаем, как я говорил, — предложил Рокки. — Оставим грузовик здесь, высадим Нокмана на Манхэттене, очистим ему память и позвоним в полицию. Назовем им этот адрес; они приедут и во всем разберутся.

— Ни в коем случае! — горячо возразила Молли. — Я же тебе говорила... полиция быстро выяснит, что склад принадлежит Нокману. Они разыщут его и допросят. А вдруг они узнают, что он был загипнотизирован, и снимут гипноз? Тогда они мигом разыщут нас.

— А разве мы не можем просто где-нибудь оставить этот грузовик? — спросил Рокки.

— Нет, потому что рано или поздно они выяснят, что грузовик тоже

принадлежит Нокману. Слишком рискованно! Надо сделать так: переложить драгоценности *куда-нибудь еще*, например, в мусорные мешки. А мешки оставить у входа в банк.

Рокки с сомнением покачал головой.

— Ну почему нет? — настаивала Молли. — Что тебе не нравится? Вокруг банка сейчас нет охраны, потому что там нечего воровать, и охранять, значит, нечего. Нам ничего не грозит. Никто не ожидает, что грабители вернутся к банку. А потом позвоним в полицию и скажем им, куда приезжать.

— Нельзя класть драгоценности в мусорные мешки, — прошептал Рокки. — Вдруг их заберут уборщики мусора? И мы не сможем выгрузить их все разом, их там тонны! Тысяча лет пройдет, пока мы их повытаскиваем из кузова. Нас заметят.

Напряжение спора передалось и Петульке. Она свирепо лаяла на розоволицего гнома, как будто это он был во всем виноват.

— Да, ты прав, мусорные мешки не подходят. А если разложить их в сумочки, те, что наверху?

— Они слишком маленькие, — шепотом возразил Рокки. — К тому же их наверняка разворуют. В сумочках почти всегда бывают деньги, правда?

— М-да. Нам нужны большие емкости, которые никто не украдет и не унесет.

Теперь Петулька ополчилась на гнома в красной шляпе. Она прыгала, стараясь укусить его за нос, и, в конце концов, повалила на пол. Гном с грохотом упал, его шляпа ударилась о бетонные ступени, голова раскололась. Петулька победоносно взглянула на ребят, будто ей удалось одолеть страшного дракона.

— Гномы! — ахнула Молли. — Никогда бы не подумала — они пустые внутри! Смотри-ка, у них отвинчиваются доньшки! Это для того, чтобы наполнять их песком, чтобы они не опрокинулись.

— Идеальное хранилище, — сказал Рокки, поднимая кусок гномовой шляпы. — Спасибо, Петулька.

— Гав, гав! — ответила Петулька, очень довольная собой.

Следующие два с половиной часа Молли, Рокки и прирученный Нокман старательно распахивали по гномикам конверты с краденными драгоценностями и камнями. Чтобы не оставлять отпечатков пальцев, они надели обнаруженные на кухне резиновые перчатки.

Начинка в гномах была смешанная. В головы они старались класть более легкие и хрупкие украшения, чтобы не повредить их, а вниз — более тяжелые пакеты с драгоценными камнями, которые к тому же придадут

статуям устойчивости. В каждом гноме уместилось по два банковских мешка. С привинченными на место донышками гномики не вызывали никаких подозрений — обыкновенные садовые статуэтки, вот и все.

Наконец Нокман, потный и воняющий как старый носок, затолкал в кузов грузовика последнего гнома.

Молли и Рокки, взяв Петульку на руки, с восторгом оглядели шеренгу улыбающихся малышей, готовых к бою. Притомившийся Нокман тяжело опустился на подножку грузовика.

— А с ним что будем делать? Оставим здесь? — спросил Рокки шепотом.

— Нет, это опасно, — ответила Молли. — Он слишком много знает. Вдруг у него где-нибудь записан план ограбления банка. Или еще какая-нибудь мелочь подхлестнет его память.

— Но... но, значит, придется тащить его с собой! — простонал Рокки.

— Очень жаль, но делать больше нечего! — ответила Молли. — Он нам еще пригодится. Смотри, как он усердно помогал при погрузке. К тому же, Рок, ни ты, ни я не умеем водить.

— В крайнем случае я мог бы попробовать, — улыбнулся Рокки.

— Ну уж нет! Хватит с меня твоих лихачеств. Пошли, пора ехать. Через пару часов рассветет. Надо развезти гномов, пока на Манхэттене никто не проснулся.

Ребята внимательно осмотрели склад — не осталось ли там каких-нибудь подозрительных улик. Потом Рокки и Нокман сели в кабину грузовика, а Молли с Петулькой — в кузов; пора было отправляться на Манхэттен.

Нокман вел машину весьма лихо, отчаянными рывками, но в повороты каким-то чудом вписывался. Проезжая через Манхэттенский мост, Рокки заметил, что полицейский кордон останавливает и проверяет все машины, покидающие остров. Перед въездом на мост образовалась длинная пробка. Но дорога на Манхэттен была пуста, и они без помех миновали мост.

Очутившись на Манхэттене, ребята приступили к операции «Гномик». Было решено расставить гномов в разных местах по всему городу. При таком методе работы им не приходилось останавливать грузовик слишком надолго, и, соответственно, риск быть обнаруженными снижался. Заметив какую-нибудь тихую лужайку, Рокки, сидевший спереди, просил Нокмана остановиться и стучал в перегородку, отделяющую кабину от кузова, подавая сигнал Молли. Тогда девочка открывала заднюю дверь кузова, выкатывала гнома на электрический подъемник и опускала его на землю. Петулька стояла на страже, а Молли катила гномика по траве и ставила его

в нужное место. Рокки скрупулезно записывал, куда был поставлен каждый гном.

Они оставляли гномиков повсюду — под деревьями, возле кустов, везде, где находился хоть маленький клочок травы. Украшали гномиками детские площадки, оставляли их у фонтанов, возле скамеек, по бокам цветочных клумб. Один гномик храбро улыбался прямо под брюхом свирепого динозавра, гулявшего по траве у входа в Музей естественной истории. Другой удовлетворенно поглядывал на замерзший пруд, третий восседал на карнизе над катком у Рокфеллеровского центра. Двух гномов они поставили у ворот Манхэттенского зоопарка, а еще двух — у входа в Центральный парк со стороны Строберри-Филдс.

На установку каждого гнома уходило примерно пять минут.

И каждый раз все эти пять минут у ребят волосы стояли дыбом от страха. В процессе выгрузки гномов кто-нибудь запросто мог их увидеть, и несколько раз случались весьма неприятные моменты, когда Молли казалось, что их все-таки заметили. Возле парка на Риверсайд-Драйв Молли только-только приоткрыла заднюю дверь грузовика, как вдруг увидела, что к ним приближается полицейский автомобиль. Он надвигался, словно голодная акула, и Молли скрестила пальцы — лишь бы не остановился! В Греймерси-Парке Петулька умчалась в темноту, чтобы познакомиться с бродячей собакой, и Молли пришлось битых пятнадцать минут носиться за ней по кустам. Возле Юнион-Сквер из тенистого переулка вышли два японца и споткнулись о только что поставленного гномика. Молли встревожилась, не заметили ли они ее, но потом разглядела, что японцы с трудом держатся на ногах, потому что вдребезги пьяны. Молли успокоилась — в таком состоянии они вряд ли отличат садового гномика от фонарного столба.

Постепенно ребята расставили все двадцать пять ярко раскрашенных гномиков. Ими был усеян весь Манхэттен. Последних двух, будто в насмешку, они поставили прямо перед входом в Шорингс-банк.

— Здорово они смотрятся! — воскликнула Молли и вместе с Петулькой пересела в кабину к Рокки и Нокману. Затем они поехали обратно на Пятьдесят вторую улицу — к складу среди доков, — чтобы оставить там грузовик. Осторожный Рокки вытащил из магнитолы свою кассету.

Оставив грузовик возле склада, они торопливо зашагали по направлению к более оживленным улицам. Зайдя в телефонную будку, ребята набрали номер полицейского участка и поднесли обернутую носовым платком трубку к лицу Нокмана.

— Драгоценности — из Шорингса — в целости — и — сохранности, — сообщил он. — Ищите — гномов — на улицах — Манхэттена.

Ребята повесили трубку, поймали такси и к шести часам утра, задолго до того, как взошло запоздалое декабрьское солнышко, вернулись в отель «Беллингэм».

Глава тридцать первая

Гостиничный портье устал после долгой ночной смены. Молли без особого труда убедила его выделить Нокману номер, всего на один день, выдать ему чистую одежду, любую, какая найдется в отеле, и бритвенные принадлежности. Портье покорно кивнул и отвел их в комнату на шестнадцатом этаже.

— И последнее, — проинструктировала его Молли. — Выдав чистую одежду, вы сразу же забудете о том, что видели этого человека. Вы поняли?

— По-нял, мисс.

— Можете идти.

Потом, повернувшись к Нокману, Молли сказала:

— Спите до двух часов дня, потом примите ванну, вымойте голову, сбрейте усы и свою козлиную бороду. От вас должно пахнуть хорошо. Оденьтесь в новый костюм и в половине третьего приходите в номер сто двадцать пять.

Потом Молли и Рокки поднялись в свой номер и, даже не сняв одежду, повалились на кровать. А Петулька устроила себе постель на старой Моллиной куртке...

Проснулась Молли по звонку будильника. Несколько минут она лежала на кровати, смотрела на ладони Рокки, испещренные, как всегда, чернильными крапинками, и прислушивалась к его сонному сопению. За окном начал барабанить гадкий декабрьский дождик. Утренние приключения казались далекими, как сон. Молли улыбнулась и позвонила в сервисную службу — заказать завтрак.

Рокки проснулся от запаха яичницы с поджаренным хлебом. Вскоре он сидел рядом с Молли у телевизора и с аппетитом завтракал.

По всем каналам новостей шли сообщения о гномиках. Телерепортеры словно обезумели. Еще бы, такая сказочная история! На тридцать восьмом канале репортер стоял под зонтиком у входа в Шорингс-банк и взволнованно рассказывал в микрофон:

— Самое удивительное то, что драгоценности из Шорингса возвращены все до последнего камня! Да-да, банк подтверждает сохранность всех камней! Возвращены все бриллианты и рубины, все украшения и жемчуга! Ценности на сумму в сотни миллионов долларов! А способ, с помощью которого было возвращено похищенное, придает истории, и без того увлекательной, особенно занимательный оттенок. В

ранние утренние часы, после анонимного телефонного звонка, в разных уголках Манхэттена было обнаружено двадцать пять садовых гномиков, под завязку наполненных украденными драгоценностями. О звонившем известно только то, что это мужчина, говоривший с чикагским акцентом. Полиция уже предоставила журналистам фотографии найденных гномов.

По экрану поплыли изображения глиняных человечков. Освещенные полицейскими фонарями, они испуганно смотрели в темноту, словно грабители, захваченные на месте преступления. Картинки были очень забавные.

Репортер продолжал:

— Детективы не в состоянии объяснить причин, побудивших преступников вернуть драгоценности. Полиция зашла в тупик! Предполагают, что ограбление было для бандитов чем-то вроде испытания собственных сил; есть версия, что преступники сами были ограблены. Полицейские просят жителей Нью-Йорка сообщать им любую информацию, которая может помочь расследованию. А теперь вернемся в студию.

— Еще! Еще! — крикнул Рокки экрану телевизора. — Мы хотим увидеть побольше фотографий гномов и полюбоваться на полицейских, зашедших в тупик. — Он нажимал на кнопки дистанционного управления, перепрыгивая с канала на канал, — выискивал другие выпуски новостей. — Эх, — пожаловался он, — время дневных новостей закончилось. Обо мне никогда еще не говорили по телевизору. Здорово было!

— Мы классно сработали, — согласилась Молли. — Ограбили банк, как профессионалы, и вернули похищенное, как настоящие тайные агенты.

— Правда, при этом здорово перетрусили, — хихикнул Рокки. — Ты вспомни, Молли, в банке ты ведь не была так довольна собой, когда выяснилось, что тебя засняли на видеопленку. Ты тогда просто позеленела от страха!

Молли припомнила свои похождения и улыбнулась.

— Но ты позеленел еще сильнее, когда решил, что мы не пройдем мимо тех глазных сканеров...

— Ну да, ну да. А вспомни-ка себя, когда сегодня утром в Греймерси-Парке Петулька решила убежать и ты за ней погналась. У тебя челюсть отвисла до пояса...

Молли и Рокки долго хохотали, вспоминая самые пугающие моменты своих походов.

— А знаешь, что самое смешное? Никто никогда не узнает, кто это

сделал и как, — гордо сказал Рокки. — А ведь это преступление наверняка войдет в историю.

Войдет в историю! То же самое говорил и Нокман, припомнила Молли. Потом у нее в памяти всплыли и другие его слова. Молли выключила телевизор и принялась смущенно мять в руках салфетку.

— Знаешь, Рок, а ведь я ничем не лучше Нокмана. По сути дела, я тоже преступница.

Рокки удивленно уставился на подругу.

— Да, Рокки. Вдумайся хорошенько, оглядись — посмотри, в каком номере я живу. А ведь все это я получила нечестным способом. Я обманом добралась сюда, обманом вынудила других заплатить за все мои причуды, обманом отобрала у Дивины Наттель ее роль. Я обманула публику в Брайерсвилле, значит, и денежный приз мною на самом деле украден. Я нечестно лишила других ребят шанса победить на конкурсе талантов.

— Да ладно тебе, — небрежно отмахнулся Рокки. — Ты гениальный гипнотизер. Вот в чем твой настоящий талант! Никто другой в Брайерсвилле не смог бы добраться до Нью-Йорка только на своих талантах. Ты великолепна! Все счастливы! Нью-йоркцам нравится твой мюзикл, они провели в театре лучший вечер в своей жизни. Рикси и Барри обожают тебя. Только посмотри, каким успехом благодаря тебе пользуются «Звезды на Марсе». Об этом спектакле знает весь Нью-Йорк, люди ломаются за билетами. Никакая ты не воровка, ты просто добываешь себе средства к существованию иными путями, не доступными никому другому. Единственное, что ты по-настоящему украла, это роль Дивины, да ведь, как я понял, и она не ангелочек, верно? Только мы с тобой знаем правду. Подумай, Молли, разве все это имеет значение?

— Конечно, я знаю..., но ведь лучше все-таки быть честными, правда, Рокки?

— Правда, правда, но честное слово, Молли, я не собираюсь сейчас разбирать твои проступки. Успокойся и перестань себя мучить.

Молли и в самом деле чувствовала себя виноватой. Но тревожило ее не только это. Словно обезумевшая лошадь, она мчалась, не разбирая дороги, и вдруг обнаружила, что оказалась совсем не там, куда хотела попасть. Воссоединившись с Рокки, она замедлила ход и наконец осмотрелась.

— Рокки, дело не только в этом. Есть еще кое-что. И это меня, надо признаться, по-настоящему мучает. Я знаю, что этот номер в отеле великолепен, и все остальное тоже, но, по правде сказать, Рокки, мне не очень-то нравится быть звездой. Может быть, мне бы это понравилось, если бы я действительно была такой, какой меня все считают, но на самом-

то деле я совсем другая. Может быть, ты будешь смеяться, но мне уже надоело, что меня все любят только потому, что я их загипнотизировала. А НАСТОЯЩУЮ меня никто не любит! Всем нравится какая-то выдуманная героиня. Рекламная, игрушечная Молли Мун. А я сама, *настоящая*, чувствую себя никому не нужной тряпкой, и моя жизнь здесь — ненужная трата времени, потому что эта жизнь *ненастоящая*, и никто никогда не узнает, какая я в *настоящей* жизни. — Она посмотрела на крепко спящую Петульку. — Даже Петулька не любит меня как следует. Я ведь и ее загипнотизировала!

— Молли! Но это же было сто лет назад! Твой гипноз из Петульки давным-давно выветрился.

— Выветрился? Как это?

— Молли, гипноз не действует вечно! Разве ты не знаешь? Те уроки, которые ты внушаешь людям под гипнозом, *могут* остаться в них навсегда. Например, ты внушила Петульке разлюбить шоколадное печенье. Она приобрела новые привычки, стала чувствовать себя лучше и продолжает вести себя так и дальше. Но гипноз не держится долго. Сейчас Петулька уже не загипнотизирована. И она не ест шоколадного печенья потому, что оно действительно вредно для ее живота, а тебя любит не из-за внушения, а потому что ты действительно хорошая.

— Что?! Значит, гипноз, который я наложила на Барри Хвата и Рикси Цветикс, тоже выветрится? — от изумления Молли даже раскрыла рот.

— Конечно. Рано или поздно. Они даже не поймут, что когда-то были загипнотизированы, и навсегда запомнят тебя блестящей артисткой. Но если ты уедешь месяцев на шесть, а потом вернешься и снова выступишь перед ними, они уже не будут считать тебя такой же великолепной, как считали раньше. Придется гипнотизировать их снова и снова.

— А зрители, которых я загипнотизировала?

— То же самое. Они запомнят, что ты выступала очень хорошо, но когда они снова увидят тебя на сцене, тебе придется гипнотизировать их заново, иначе они увидят, как плохо ты поешь и танцуешь на самом деле.

— Но откуда ты все это знаешь? — спросила Молли.

— Из книги, откуда же еще! — ответил Рокки. Молли озадаченно посмотрела на друга. — Ах, да, — воскликнул он, хлопнув себя ладонью по лбу. — Это же было написано в конце восьмой главы.

— Так ты все это время знал, что рано или поздно мой обман выйдет наружу, и молчал?! Черт бы тебя побрал, а еще друг называется!

— Извини.

— Да ладно, чего уж там, — задумчиво сказала Молли. — Значит,

гипноз выветривается. Хорошо! А знаешь что? Моя искрометная жизнь здесь тоже иссякла. Я и раньше хотела уехать из Нью-Йорка с тобой и с Петулькой. А теперь, когда ты мне все это рассказал, хочу еще сильнее. А то придется до бесконечности всех гипнотизировать, очаровывать... фу! Подумать страшно!

— И куда ты хочешь поехать?

Молли подняла глаза к потолку.

— Знаешь, — призналась она, — меня беспокоит, как там идут дела у ребят в Хардвикском приюте... Не у Гизелы, конечно, и не у Гордона с Роджером. У меня душа болит за Джемму и Джерри, Руби и Джинкса...

— Честно говоря, у меня тоже, — согласился Рокки. — Представляю, каково им там живется, если Гизела захватила власть! Наверно, даже хуже, чем при мисс Гадкинс. Надеюсь, хоть миссис Тринкелбери заходит.

— Во всем только я виновата! — решительно проговорила Молли. — Скорее всего, Гизела взвалила на ребят всю черную работу. Рокки, я хочу вернуться! Но ты, тебе, наверное, не хочется, ведь ты нашел себе новых родителей.

— Знаешь, Молли, мне нужно кое-что сказать тебе об Алабастерах. Понимаешь, они не очень хорошие родители.

— Как это?

— А так! Просто ужасные!

И Рокки рассказал подруге всю правду о своих приемных родителях. Они казались такими замечательными в тот день, когда приехали в Хардвикский приют, но, вернувшись в Штаты, тут же показали свою истинную натуру. Они были ужасно, ужасно строгими, и Рокки чувствовал себя у них дома, как в тюрьме.

— Они хотели, чтобы я одевался в какие-то старомодные костюмы и повязывал галстук, заставляли меня сидеть дома, складывать пазлы или делать оригами.

— А что такое оригами?

— Это такое японское искусство складывать фигурки из бумаги. Знаешь, это довольно интересно, я был не против немного попробовать, но они дали мне книгу, и инструкции в ней были такие путанные, что я ничего не понял, а они велели мне заниматься этим целыми днями.

— Целыми днями?!

— Ну, почти. Сказали, что это дисциплинирует ум. Я их, конечно, тут же загипнотизировал, чтобы они забыли про всякое оригами.

— А что еще?

— А еще они не пускают меня гулять. Чтобы я не запачкал костюмчик.

Или чтобы не заразился чем-нибудь от других детей. Да я других детей и не видал ни разу. У них по соседству живут одни старики. Однажды я вышел побродить по улице — так они вызвали полицию! Я пытался загипнотизировать их, чтобы не были такими строгими, но не всегда получалось. Я ведь не так силен в гипнозе, как ты, Молли! Да будь их воля, они бы запретили мне и петь, и свистеть, и гулять, и смотреть телик! Они хотят, чтобы я читал книжки. Я что, я бы с радостью, только единственные книги в доме — какие-то ветхие ежегодники, которые миссис Алабастер читала еще в детстве. А как они питаются! Оба сидят на каких-то особых диетах, и мне приходится есть вместе с ними их кроличью еду.

— Кроличью?! — ужаснулась Молли.

— На вид она совершенно кроличья! Иногда, правда, напоминает кошачью, посыпанную сверху кормом для золотых рыбок. Да у них все не как у людей! Жить с ними очень тяжело. Получается, что я, как и мечтал, нашел себе родителей, но они оказались совсем не такими, каких я хотел, и жить у них мне не нравится. И еще, я ужасно скучал по тебе, Молли. Ты — моя единственная семья, я тебя знаю всю жизнь.

У Молли потеплело на душе.

— Спасибо, Рок.

Наступило молчание, ребята улыбались друг другу, радуясь, что они вместе. Потом Молли спросила:

— Но как ты собираешься от них отделаться?

— Я им позвоню и внушу несколько полезных мыслей. Загипнотизирую их: пусть думают, что я им совсем не нравлюсь и не гожусь в сыновья. Пусть считают, что они сами отослали меня обратно в приют и что так будет лучше для всех.

— А мне будет очень трудно выпутаться из всех моих нью-йоркских дел, — с ужасом воскликнула Молли.

— Можно все уладить, если постараться, — задумчиво проговорил Рокки. — Я знаю, что делать. И, кажется, знаю, как ты сможешь загладить свою вину перед всеми, кого обманула. Надо только сделать несколько телефонных звонков.

Через десять минут Молли уже набирала номер Барри Хвата.

— Да, Барри, Петульку вернули мне этой ночью.

— Точь-в-точь как гномиков к Шорингс-банку!

— Да, как гномиков. Но, понимаете, Барри, это похищение совсем выбило меня из колеи. И я решила, что нужно вернуть Дивине ее роль. Я хочу взять отпуск. *Надолго.*

— Но...

— Так надо, — твердо заявила Молли.

— Понимаю, — промямлил Барри. — Что ж, мы все, и Рикси, и я, и вся труппа — будем по тебе скучать.

— Спасибо. Я тоже буду без вас скучать. А теперь, Барри, слушайте внимательно. Оплатите мой счет в отеле и выдайте мне мой заработок. Сколько мне там причитается?

— Ну, если прикинуть, сколько было в тебя вложено, добавить стоимость увеличительного стекла... а с другой стороны учесть, какую популярность приобрел мюзикл благодаря тебе... Думаю, тридцать тысяч долларов, — быстро подсчитал Барри, не забыв накинуть себе десять процентов комиссионных.

— Хорошо, — сказала Молли, весьма удовлетворенная названной суммой. — Пожалуйста, привезите деньги в «Беллингэм» сегодня, к четырем часам. Наличными.

— Будет сделано!

— И еще, Барри. Скажите Рикси, что сегодня я выступать не буду. Пусть на сцену выйдет Лора... Кстати, о Лоре. Позаботьтесь о ней, хорошо, Барри? Пусть она когда-нибудь получит настоящую хорошую роль. Словом, возьмите ее под свое крыло.

— Так точно!

— Теперь обо мне. До завтрашнего дня никто не должен знать, что я уезжаю.

— Хорошо!

— Скажите Рикси, что имели со мной долгий, трудный разговор и что я с вами попрощалась. Скажите, что я ей позвоню попозже.

— Хорошо!

— В общем, до свидания. И спасибо вам за все!

— Хорошо! — сказал Барри и повесил трубку.

— Видишь, получилось не так уж плохо, — заметил Рокки.

— Да, — согласилась Молли, хотя на душе у нее было немножко — самую капельку — грустно. Не такой уж плохой парень этот Барри. Хват, ей будет не хватать его!

Глава тридцать вторая

Едва Молли и Рокки покончили с завтраком, как в дверь номера постучали. Нокман вошел в комнату и покорно дал ребятам рассмотреть себя со всех сторон. В зеленой швейцарской ливрее и в такой же зеленой фуражке, выданной гостиничным портье, он выглядел гораздо аккуратнее, чем накануне. Черные волосы его, правда, по-прежнему свисали до плеч нечесаными космами, лицо, впервые вымытое и побритое, пугало нездоровой одутловатостью, под подбородком шелушилась красная сыпь.

— Подстричь бы его надо, — заметил Рокки.

Сказано — сделано. Молли накинула Нокману на плечи полотенце, и ребята дружно принялись за дело.

Лишившись своей лохматой гривы, Нокман стал выглядеть гораздо благопристойнее. Спереди сверкала гладкая, как яйцо, лысина, окаймленная на затылке черной бахромой, — совсем как у монаха.

Рокки дал Нокману банан.

— В ближайшие несколько дней вы не будете есть ничего, кроме фруктов, — сказал он. — Это пойдет вам на пользу. И бросите курить. — Нокман очистил банан и жадно запихал его в рот. Во все стороны полетели недожеванные кусочки.

— Ну и манеры же у него, — брезгливо поморщилась Молли.

— Да уж..., — согласился Рокки. — С этих пор, Нокман, вы будете есть, как...

— Как королева, — подсказала Молли.

— Простите, где я могу взять салфетку и чашку для ополаскивания пальцев? — вежливо попросил Нокман.

— И его произношение тоже нужно изменить, — сказала Молли. — А то по чикагскому акценту его быстро выследят и поймают. С этого дня вы будете говорить... с немецким акцентом.

— С удофольствием, — отозвался Нокман.

Когда Нокман доел свой банан, Рокки велел ему встать. Ребята снова обошли его со всех сторон и критически осмотрели сутулую спину, короткую шею, двойной подбородок.

— Может, сделать его немного подружелюбнее? — предложил Рокки. — Пусть выглядит, как щенок.

Нокман тотчас же вывалил толстый язык. Его глаза округлились и преданно уставились на ребят.

— Неплохо, только уберите язык, — сказал Рокки и шепнул подруге:
— До чего же он чудной. Даже жалко его.

— Жалко? Его? Да он противный, как крыса, — отозвалась Молли.

Нокман тотчас же принялся перевоплощаться в крысу, присел на корточки и задергал носом.

— Я не говорила вам *становиться крысой!* — укорила его Молли.

— Простите, мисс Сушилка, — извинился Нокман.

— У него, наверно, нет друзей, — прошептал Рокки.

— Наверняка есть. Целая куча других таких же крыс. Давай спросим его самого. У вас есть друзья? — осведомилась Молли.

— Нет. Ни однофо, — ответил Нокман с ужасным немецким акцентом. — Рантше был. Путшистый рутшной попугайтшик. Он пел так красифо и летал по фсему саду. — На глаза Нокману навернулась самая настоящая слеза. Молли онемела от неожиданности. Меньше всего ей хотелось жалеть Нокмана.

Но Рокки явно заинтересовался и сочувственно спросил:

— И что же с ним стало?

— Его убил мистер Снафф — поймал в лофушку для крыс. Я нашел ефо мертфым.

— Ужасная история. Очень печальная, — вздохнул Рокки. — Правда, Молли? Очень жалко. И попугайчика жалко, и вас... Но кто такой мистер Снафф?

— Наш землефладелетс. У нас был обшчий сад.

— А почему у вас не появилось новых друзей? — спросил Рокки.

— Потому што я был тшудной.

— Как это — чудной?

— Просто тшудной. Меня никто не люббил.

— Я не знал. Какой ужас, — сказал Рокки. — Знаешь, Молли, мне его в самом деле жаль.

— А мне нет, — отрезала Молли. — Он так гадко поступил с Петулькой и со мной. Прекрати, Рокки. Что на тебя нашло? Этот тип — просто чудовище.

— Ну, может быть, в глубине души он не такой уж и гадкий, — настаивал Рокки.

— Ты так считаешь? Давай его спросим. Мистер Нокман, перечислите нам, пожалуйста, все гадости, которые вы сделали с тех пор, как погиб ваш попугайчик.

Нокман кивнул и заговорил писклявым голосом, как провинившийся ребенок:

— Я постафил лофушку для крыс под стол, за которым сидел мистер Снафф, и его нога попалась ф нее, как мой бедный по-по-пугайтшик.

Рокки выразительно взглянул на Молли, как будто говорил: ну что ж, это, по крайней мере, справедливо. Нокман между тем продолжал:

— Я подсыпал мистеру Снаффу ф кашу корма для попутайтшиков, и он его съел. — Это тоже выглядело заслуженным наказанием.

— Ладно, ладно, — остановила его Молли. — Можете не рассказывать обо всем, что вы сделали с мистером Снаффом, потому что он получил по заслугам. Вспомните лучше, как вы поступали с *другими*.

Из уст Нокмана хлынул целый поток признаний.

— Я украл часы у Стюарда Блита и сфалил это на другофо мальтшишку, и ему флетело от утшителя. Я порвал тетратку с домашней работой Ширли Деннинг и залил красками ее любимые картинки. Я застафил Робина Флетчера съесть пятнатцать дохлых мух, а потом его фырфало. Я засунул голову Дебры Кронли мешту перилами лестницы, и ее фытаскифала пожарная команда. Я украл у млатших детей конфеты и сказал, если они пожалуютца, я суну их головой ф унитаз.

Молли перебила его:

— Видишь, Рокки, до каких гнусностей он докатился?

Рокки хладнокровно пожал плечами.

— Вижу.

— Что еще? — вернулась к расспросам Молли. — И пропустите несколько лет.

Нокман заговорил более взрослым голосом:

— Я сжег модель самолета, которую Дэнни Тайк склеифал три недели. Я протянул ферефку мешту дфумя столбами около дома престарелых, и старая миссис Строукс упала и разбила нос. Было отшень смешно. Потом упал слепой. А я украл его кошелек.

— Украли кошелек? — Молли была потрясена. — А дальше?

— Дальше... — Воспоминания Нокмана перескочили еще на несколько лет вперед. — Дальше я наутшился форофать фсе. Это было отшень полезно. Я форофал детские игрушки и фсе, тшто удафалось. И я наутшился сдафать украденное ф комиссионный магазин. Так натшалась моя карьера.

— Сколько лет вам было тогда?

— Одиннатцать. Я украл у дефочки фелосипет и запер ее ф кладофке. Она сидела там тцелый день и нотшь, и никто не знал, где она. Я застафлял мальтшей форофать у сфоих родителей. А если они шалофались, я их бил. Одного малыша я застафил обокрасть дом старика. Он туда залез тшерез

фортотшку. Полутшилось хорошо.

— Ничего тут хорошего *нет*, — упрекнула его Молли.

— Нет, нет, нитшего хорошего, — тотчас же поправился Нокман, будто передумав.

— А в последние годы?

— Недафно, — продолжал Нокман, — полутшилось отшень хорошо. Я угофорил старую леди отдать мне сфои сбережения на устройсто приюта для бродящих собак. Она отдала мне сто пятьдесят тысяч долларов. Я купил два склада и организофал сфое дело.

Рокки скривился, будто нечаянно проглотил тухлое яйцо.

— Какое еще дело?

— Я торгофал краденными фещами.

— Больше вы не будете этим заниматься, — велела Молли.

— Не буду, не буду, — согласился Нокман.

— А что же вы считаете вершиной своей карьеры? — спросила Молли.

— О... — протянул Нокман, и его глаза подернулись мечтательной дымкой. — Самым лутшим, тшто я нашел, была книга по гипнотисму. Мне рассказала о ней старая леди. С этой книгой я задумал самое грандиосное в мире ограбление банка. Я ограбил Шорингс-банк в Нью-Йорке.

— Чушь собачья, — заявила Молли и вполголоса шепнула Рокки: — У него в голове все перепуталось. — Потом снова обратилась к Нокману: — Погодите-ка минуту. Давайте разберемся, как было дело. *Вы* сами никогда не грабили банк. Его ограбила одна чрезвычайно талантливая девоч... то есть *новички* в этом деле. Но все равно, это к делу не относится, потому что с этой минуты вы полностью забудете о книге по гипнотизму и о том, как долго вы ее искали и где нашли. Выкинете из головы все мысли об ограблении Шорингс-банка. Забудете вообще, что он был ограблен. Понятно?

— Понятно. Уже забыл.

— Хорошо. А какие еще крупные гадости вы натворили?

— Много, — признался Нокман. — Я продал одному челофеку машину со сломанным шасси. Он попал в аварию.

— Он погиб? — спросил Рокки.

— Нет, но дама, которую он сбил, погибла.

— Хватит, прекратите, — сердито перебил его Рокки. — Ужас какой! Как вы могли? Почему вы поступали так, если знали, что это плохо?

— Потому тшто мне нравится быть плохим, — признался Нокман.

— Но почему? Почему? — Рокки пришел в полное замешательство. —

Почему вам *нравится* быть плохим? Разве плохо быть *хорошим*?

— Никогда не знал, тшто значит быть хорошим.

— Но разве люди не делали вам добра?

— Нет. Никогда. Меня фсе ненафидели. Отец фсегда бил меня, когда фидел дома. Даже мать смеялась, когда мой попугайтшик умер. Ей хотелось, тштобы я умер тоже. Она была гадкая. У нее я наутшился не добру, а злу. Я не знаю, тшто знатшит добро.

Рокки онемел от ужаса. Потом на его побледневшем лице мелькнуло понимание.

— Молли, помнишь колыбельную, которую нам пела миссис Тринкелбери? Точь-в-точь как там... Его мама-кукушка *учила* с пеленок толкаться везде и всегда.

Девочка задумчиво кивнула. Она увидела Нокмана в ином свете. Разве можно укорять его за то, что он плохой, если никто никогда не обходился с ним по-хорошему? Если в своем кукушечьем детстве он научился только злу?

— Ты прав, Рок. Страшно не хочется жалеть его, но ты прав. Неудивительно, что он злой, если никто не научил его добру. Наверное, быть добрым — это как чтение. Если с детства никто не научил тебя читать, то сам ты никогда не выучишься. Буквы будут тебе казаться просто закорючками. Вот и для него быть добрым — такие же закорючки... А мы-то с тобой думали, что нам живется хуже всех, — помолчав, грустно добавила она.

— Да, — вздохнул Рокки. — У нас хотя бы была миссис Тринкелбери, да мы с тобой друг у друга. Может, мы сумеем научить Нокмана стать лучше?

— Гм, — протянула Молли. — Надо попробовать... — Она повернулась к Нокману. — Вы сожалеете обо всех гадостях, какие натворили?

— Нет, — удивленно ответил тот. — А с какой стати?

— Видишь, в чем загвоздка? — сказала Молли другу. — Как же мы научим его быть хорошим, если он сам не понимает, для чего это нужно? Он не хочет учиться. И вряд ли тут можно обойтись одним только гипнозом. Он не исправится, пока не раскается во всем, что натворил. Может быть, он захочет измениться, если поймет, как плохо было людям, которых он обидел.

— Но как этого добиться? — спросил Рокки.

— Вот что я думаю, — предложила Молли, чувствуя себя хирургом, планирующим сложную операцию. — Надо сконцентрироваться на том

единственном воспоминании, которое его огорчает. На том единственном, о чем он жалел.

— Попугайчик?

— Да, его попугайчик. — Молли обернулась к Нокману. — Знаете что, мистер... э, как ваше имя?

— Саймон. Меня зофут Саймон. — Нокман достал из кармана паспорт и протянул Молли. Девочка взяла его и всмотрелась в фотографию — на ней Нокман походил на толстого караса. Или, точнее, на пиранию.

— Итак, Саймон Нокман, — продолжила она, — в первую очередь я попрошу вас изобразить мертвую собаку. Лягте на спину, поднимите руки и ноги. Да, вот так. Теперь залайте.

— Гав, гав, гав, — затыкал Нокман, лежа на полу и дрыгая в воздухе руками и ногами.

— Хорошо, — одобрила Молли. — А теперь, лежа в этой позе, представьте, как плохо было Петульке, той собачке, которую вы у меня украли, от вашего дурного обращения.

— Гав, у-у, гав.

Молли показалось, что он переживает не особенно сильно, и добавила:

— А если вы ничего не чувствуете, вспомните о вашем бедном мертвом попугайчике.

— Аааооуу-уу-уу, — жалобно заскулил Нокман.

— Вот так-то лучше. Видишь, — сказала Молли, — он думает о Петульке и в то же время чувствует жалость к своему попугайчику. Он учится!

Нокман заскулил еще громче:

— Ай-аааооо-уу-уу-уу!

— А теперь, — громко сказала Молли, стараясь перекрыть его завывания, — с этого самого момента и в течение одного, нет двух месяцев, как только кто-нибудь поздоровается с вами, вы тут же упадете на спину и завоюете, как Петулька. Будете себя чувствовать, как сейчас, и представлять себе, как плохо было бедной собачке, когда вы ее похитили. — Девочка обернулась к Рокки. — При каждом «здравствуйте» — этого, пожалуй, будет достаточно, чтобы урок усвоился, как ты считаешь? И нам не надо будет без конца напоминать ему об этом.

Потом, чтобы прекратить шум, Молли велела Нокману встать на ноги и скакать, как взбесившийся орангутан.

— Уфф, уфф, ухх, — фыркал он.

Тут в голову Рокки пришла еще одна идея.

— А что касается других ваших поступков — каждый раз, когда кто-

нибудь скажет вам «добрый вечер», вы будете вспоминать все гадости, какие вы сделали, особенно те, о которых напомним вам *этот* человек, и расскажете ему о них, и при этом будете думать о своем бедном попугайчике. Понятно?

— Ууф, ухх, ахх, фух, понятно, — пропыхтел Нокман, с трудом усваивая сложные инструкции Рокки.

— Это заставит его задуматься, верно? — сказал Рокки.

— Скорее всего, — согласилась Молли, впрочем, не очень уверенно. — А теперь, — приказала она, — прекратите вести себя как орангутан. Вот так, хорошо! Мистер Нокман, вы будете работать на нас. Будете делать все, о чем мы вас попросим. Мы будем обращаться с вами хорошо, и вы будете очень рады помогать нам. А теперь — очнитесь! — Молли хлопнула в ладоши.

Рокки подошел к холодильнику и налил всем по стакану «кьюта».

Начались приготовления к отъезду.

Для начала Молли позвонила в службу доставки и заказала из магазина в вестибюле несколько чемоданов. Когда чемоданы принесли, Нокман принялся упаковывать ее многочисленные наряды, а Рокки отправился в другую комнату, чтобы сделать несколько важных телефонных звонков.

Молли достала из сейфа книгу по гипнотизму и бережно уложила ее в рюкзак. Затем девочка принялась перебирать разбросанные по комнате вещи — письма от поклонников и нью-йоркские сувениры, игрушки и безделушки, украшения и одежду, — размышляя, что из всего этого барахла стоит взять с собой, а что оставить. Увидев Петульку, лежащую на ее старой куртке, Молли решила, что эта куртка ей больше не понадобится, а собачке в качестве подстилки будет в самый раз. Прихватив зонтик, девочка вышла на балкон — полюбоваться напоследок на сверкающий Манхэттен.

На улице недавно лил дождь, но послеполуденное солнце, выглянув из-за туч, озарило мокрые здания, и все они — кирпичные, стальные, стеклянные — весело сверкали в косых оранжевых лучах. Глядя с высоты двадцать первого этажа на раскинувшийся у нее под ногами город, Молли вновь почувствовала себя очень маленькой, потому что Нью-Йорк был такой большой, высокий, тесный, полный незнакомых людей... Но теперь она уже не пугалась его, как в то первое утро; она успела полюбить этот город. Полюбить небоскребы, шумные улицы, сумасшедших водителей, магазины, галереи, театры, кино, вечно спешащих людей, городские парки

и даже уличную грязь. И Молли была уверена — когда-нибудь она сюда вернется.

Петулька, хорошо отдохнувшая на старой Моллиной куртке, проснулась от шороха — это Нокман перекладывал одежду из гардероба в чемоданы. Почему-то этот толстый человек, хозяйничающий в комнате, уже не казался собачке страшным, и Петулька не обратила на него внимания. Она подобрала с пола симпатичный камушек и принялась его сосать, поглядывая сонными глазами на Молли, стоящую на балконе. Петулька была счастлива. Как хорошо вернуться домой!

Наконец посыльный принес толстый конверт, адресованный Молли. Можно было трогаться в путь.

Молли велела подать «роллс-ройс» к служебному входу. С помощью носильщика Нокман быстро погрузил багаж. Молли, Рокки и Петулька удобно устроились на мягких кожаных сиденьях: толстые тонированные стекла надежно скрывали их от любопытных глаз. Нокман, одновременно исполняя обязанности шофера, официанта, носильщика и вообще слуги на все руки, сел за руль, мощный мотор взревел, и «роллс-ройс» величаво покати по Нью-Йоркским улицам прочь от отеля «Беллингэм».

Глава тридцать третья

Прежде чем покинуть Нью-Йорк, Молли и Рокки решили сделать еще одну остановку. «Роллс-ройс» долго пробирался по запруженным проспектам, и наконец Нокман остановил машину возле высокого здания, над входом в которое ярко-красным неоном светилась огромная вывеска: **Телестудия «Саншайн».**

Навстречу им по беломраморным ступеням сбежал растрепанный человек в темно-синем костюме. Он снял темные очки и, сверкнув золотым зубом, широко улыбнулся.

— Добро пожаловать, рады вас видеть, — возбужденно затараторил он. — Спасибо за звонок. Мы очень рады вашему приходу. Я директор, Алан Бикер. По телефону вы говорили со мной. — Он пожал руки Молли и Рокки. — Пойдемте со мной, пожалуйста.

Молли, Рокки и Петулька вошли вслед за мистером Бикером в вестибюль и, миновав вереницу длинных коридоров, оказались в огромной, уставленной бесчисленными телекамерами студии. Из толпы благоговейно взиравших на Молли сотрудников выступила седовласая женщина в очень красивом твидовом костюме. Алан Бикер представил ее:

— Это Дороти Голдсмит, президент компании «Кьют Инкорпорейтед».

Дороти Голдсмит протянула руку Молли. На безупречно наманикюренном пальце сверкнуло кольцо с огромным изумрудом.

— Здравствуйте, — торжественно провозгласила она. — Рада вас видеть!

— Мы тоже очень рады, — ответила Молли. — Полагаю, вы говорили по телефону с моим другом Рокки. — Рокки вышел вперед.

— Здравствуйте, — сказал он.

— И вас я тоже — очень рада видеть, — произнесла Дороти Голдсмит, лишь чуть-чуть запнувшись. — Мы готовы — готовы ко всему.

Через двадцать минут Рокки, Молли и Петулька, принаряженные и причесанные, вышли на сцену телестудии.

— Свет, — скомандовал Алан Бикер. — Камера, пошла... Мотор!

Молли и Рокки запели. Песенка была бесхитростная — простой стишок, который Рокки сложил впопыхах, — но глаза Молли сияли гипнотическим светом, Рокки пел с потрясающей убедительностью, а Петулька была само очарование... И незамысловатая рекламная песенка вдруг зазвучала с необыкновенной силой. Песенка была такая:

*«Если хочешь стать самым крутым
Мы совет тебе добрый дадим:
Посмотри, посмотри, посмотри
На ребят, что живут по соседству.
Если плохо кому-то — на помощь приди
Если кто-то грустит — улыбнись, подойди.
Посмотри, посмотри, посмотри
На ребят, что живут по соседству.
Эй, слушайте все!
Мир бывает жесток, мир бывает суров.
А веселья и радости хочется всем.
Пусть будет счастливым детство
У ребят, что живут по соседству!»*

В конце песенки Молли и Рокки дружно указали пальцами прямо в камеру, а Петулька тявкнула.

— Снято! — закричал Алан Бикер. — Сказочно! Ребята, вы — настоящие профессионалы!

— Еще бы! — сказала Молли и подмигнула Рокки. — Мы не первый год снимаемся в рекламных роликах.

— Да, — согласилась Дороти Голдсмит. — Сюжет получился чудесный, и мы будем передавать его в эфир, как вы и просили, каждый день и каждый час. Компания «Кьют Инкорпорейтед» с удовольствием оплатит рекламное время на телевидении. Огромное вам спасибо.

— О, нет! — возразила Молли. — Это вам спасибо! А теперь — до свидания. Нам пора идти.

— До свидания, — дружно отозвались все работники студии, ослеслаивленные встречей с настоящей звездой.

Сев в «роллс-ройс», Рокки сказал Молли:

— Видишь, промывание мозгов тоже *может* приносить пользу. Теперь ты себя чувствуешь не такой виноватой?

Молли кивнула.

— Я понимаю, этот ролик не изменит мир, но какая-то польза от него все-таки будет, правда?

— Конечно, — кивнул Рокки. — Если хотя бы один человек на свете станет добрее, значит, мы это затеяли не зря. Знаешь, что я думаю? Нашу песенку увидят тысячи людей. Кто знает, сколько добрых дел они сделают

благодаря тебе. Брось семя в землю, и оно прорастет.

Глава тридцать четвертая

Роллс-ройс покинул остров Манхэттен через тоннель под морским проливом и покатил по шоссе к аэропорту имени Джона Ф. Кеннеди.

Нокман припарковал машину возле входа в международный терминал. К ним тут же подскочил носильщик. Вместе с Нокманом они быстро погрузили двенадцать чемоданов Молли на аэропортовскую тележку. Петулька радостно прыгнула в дорожную корзинку, а Рокки отправился покупать билеты. Носильщик вкатил тележку в здание аэровокзала и направился к регистрационной стойке.

— Спасибо, — поблагодарила его Молли, когда он взгромоздил последний чемодан на ленту конвейера. — И, если вас это не очень затруднит, не могли бы вы взять машину? — Она вложила в руку усталому носильщику ключи от «роллс-ройса».

— Взять? Вы хотите, чтобы я поставил ее в гараж?

— Нет, я ее вам дарю, — сказала Молли.

Носильщик удивленно разинул рот.

— Вы шутите?

— Вот документы на машину. — Молли достала из кармана пухлый конверт. — Я впишу сюда ваше имя, и машина станет вашей. Как вас зовут?

— Луис Рочетта. Но вы все-таки шутите, да? Я что, попал на съемки телепередачи? — И он принялся озираться в поисках скрытой камеры.

— Нет, — отозвалась Молли, пытаясь расписать засохшую шариковую ручку. — Вот, мистер Рочетта. Машина теперь ваша. Катайтесь на здоровье.

Мистер Рочетта онемел от изумления. Он пытался что-то сказать, но с его губ слетали только нечленораздельные звуки.

— Сп... сп...

— Не стоит благодарности, — улыбнулась Молли. — До свидания. — Ей всегда хотелось устроить кому-нибудь вот такой грандиозный сюрприз. Тут подошел Рокки, уже купивший билеты, и через пятнадцать минут, слегка загипнотизировав служащих аэропорта, ребята с Петулькиной корзиной в руках беспрепятственно миновали паспортный контроль и рентгеновский металлоискатель.

Рокки и Молли отправились за покупками в зону беспошлинной торговли. Они зашли в магазин туалетных принадлежностей, посетили кондитерскую лавку, отдел электроники и игрушек и устроили там грандиозный кутеж. Наконец объявили посадку. Сгибаясь под тяжестью

покупок, ребята направились к выходу номер двадцать, где их должен был поджидать Нокман.

Нокман направлялся к выходу номер двадцать. Его обуревали странные чувства. Он знал, кто он такой, и помнил, какой была его жизнь до сегодняшнего дня. Однако он никак не мог понять, каким образом попал в услужение к мистеру Кошкинскому и мисс Сушилке. Не понимал он и того, почему они ему так нравятся. Всех остальных людей он по-прежнему ненавидел. У двадцатого выхода, где пассажиры выстроились в очередь в ожидании посадки, он предъявил стюардессе свой паспорт и билет.

— Добрый вечер, — вежливо сказала она ему.

Нокман попытался выдавить из себя фальшивую улыбку, как вдруг его разум наполнили воспоминания о тринадцатилетней девочке, которая была похожа на эту стюардессу. Нокман вспомнил, как часто он обижал ее, и, сам того не желая, бессвязно забормотал:

— Ты толстая и страшная, как она, — услышал он свой собственный голос. — Настоящая уродина. Раздулась, как лягушка. И ей я фсегда гофорил то же самое. И фсегда делал вот так. — Неожиданно для самого Нокмана его рот наполнился воздухом, щеки раздулись, и со сжатых губ сорвался громкий неприличный звук. И тут же, странным образом перемежаясь с мыслями об обиженной девочке, на него нахлынули воспоминания о несчастном попугайчике Пушке, которого убил мистер Снафф. Нокман жалобно заскулил: — Аааааооооууууу!

Стюардесса испуганно отшатнулась, и, скрестив руки на груди, нахмурилась.

— Сэр, не вынуждайте меня вызывать полицию. Если вы и дальше будете грубить персоналу и пассажирам, вам запретят вылет.

Нокман дивился сам себе. Он не понимал, как его утраздило выкинуть такой номер. Он ведь не пьян! Может быть, он заболел? Ну до чего же гадкие воспоминания — прямо мороз по коже!

— Простите, — проямлил он. — Примите извинения. Я пошутил.

— Странное у вас чувство юмора, — сухо сказала стюардесса. Но все-таки смиростивилась и пропустила его.

Спотыкаясь и наступая на шнурки своих ботинок, Нокман торопливо заковылял по туннелю к дверям самолета. Он никак не мог понять, что на него нашло! Нокмана не оставляло неприятное ощущение, что во время своей странной выходки он совершенно не владел собой. Он чувствовал себя машиной, которой на расстоянии управляет кто-то другой. Нокман снова всхлипнул, вспомнив своего бедного попугайчика, и наморщил нос.

подумав о несчастной девочке, которую он так жестоко дразнил. Но почему эти воспоминания пришли ему на ум именно сейчас?! Понять этого Нокман не мог, и это ему очень не нравилось! Потом он вспомнил о своих новых работодателях и заторопился.

— Здрафстфуйте, мистер Кошкиндом и мисс Сушилка. Вот и я.

— А, здравствуйте, — отозвались Молли и Рокки, насмешливо глядя из мягких кресел первого класса на Нокмана, облаченного в зеленую ливрею. Нокман уставился на них и побледнел как полотно.

— С вами все в порядке? — встревожено спросил Рокки.

Неожиданно на Нокмана снова нахлынуло то странное чувство. Сам того не желая, он повалился на пол в проходе между креслами, перекатился на спину и задрогал в воздухе руками и ногами. Как и в прошлый раз, его рот сам собой раскрылся, и Нокман жалобно заскулил и залаял.

— Гав, гав, р-р, тья, тья, — лаял Нокман, не замечая, что с его головы свалилась фуражка. Потом, снова вспомнив о своем несчастном попугайчике, он заскулил: — АааааоооОООоооОООууУУуууфф!

Пассажиры тревожно поглядывали на воющего Нокмана, а подбежавшая стюардесса спросила, не нужна ли ему медицинская помощь.

— Прекратите немедленно, — грозно приказала Молли. Потом с сияющей улыбкой повернулась к стюардессе: — Ничего страшного. Просто ему пора принять лекарство. Не волнуйтесь, пожалуйста. — И успокоенная стюардесса удалилась.

С трудом переводя дыхание, Нокман поднялся на ноги. С ним случился настоящий припадок! Наверно, он заболел! И снова, ни с того ни с сего, он заплакал, вспомнив о своем бедном попугайчике и о том, каким гадким был мистер Снафф.

Нокман сел в кресло. Новое воспоминание заставило его глаза увлажниться: неожиданно он вспомнил собачку, с которой однажды — давным-давно, еще будучи ребенком, — поступил очень нехорошо. Эта собачка была не лишена сходства с мопсиком мисс Сушилки.

Нокман сообразил, что вел себя не лучше мистера Снаффа! Пристегивая ремень безопасности, он ужаснулся сам себе: как он мог быть таким глухим к чужим страданиям! Ведь в детстве он был совсем другим! Он понимал, как сильно страдал его попугайчик, и плакал о нем. Плакал ночи напролет! А теперь, став взрослым, жестоко обошелся с маленькой собачкой. Он почувствовал, как плохо было несчастному животному в темной, грязной клетушке, как холодно, страшно и одиноко. Его следовало бы назвать не Саймон, а Снафф, думал Нокман. Снафф Нокман!

Нокман свесил голову на грудь. В душе у него бушевало чувство, которого он не испытывал уже много лет. Чувством этим был жгучий стыд.

Нокман выглянул в окно самолета и глубоко задумался. Он поступал нехорошо и со многими людьми... Его никогда не волновало, что чувствуют другие люди... Он внушил себе, что это не имеет значения. Но сейчас... Сейчас он понял, сам не зная почему, что отныне не сможет игнорировать чувства других людей. И это было очень странно! Нокману неожиданно открылось, что люди, как и его попугайчик, могут переживать и страдать.

И тут в его памяти начали всплывать воспоминания о прочих дурных поступках, которые он совершил за свою долгую жизнь. Один за другим перед ним проплывали призраки всех его прошлых неприглядных деяний. И с каждой минутой Нокман все сильнее и сильнее презирал себя.

Когда самолет, наконец, взлетел, на душе у Нокмана лежала такая тяжесть, что впору было вешаться. Он поник, как побитая собачонка, и молча сидел, понунив голову под жестокими угрызениями своей разбушевавшейся совести.

Глава тридцать пятая

Когда в самолете пришло время ужина, Нокман с удивлением обнаружил, что ему хочется только фруктов. Слегка перекусив, он заснул. Рокки и Молли же, наоборот, и думать забыли обо сне, отдав должное первоклассному меню.

— Интересно, что едят остальные пассажиры? — весело спросила Молли, надкусывая бутерброд с кетчупом.

— Мясо в застывшем жире, картофельное пюре и фрукты с картонным вкусом, — предположил Рокки, вгрызаясь в хрустящую вафлю, истекавшую лимонным сиропом. — Только это мы с Алабастерами и ели изо дня в день.

— Ты хочешь сказать, «Алабастеры и я», — поправила его Молли.

— Ты-то тут при чем, тебя ведь там не было?

— Да ни при чем, — отмахнулась Молли. — Просто я хочу, чтобы ты говорил грамотнее.

— Знаешь что? — сказал Рокки, поднимая глаза от выданного ему в полете журнала. — Тут сказано, что в первом классе тебе могут сделать массаж шеи.

— А кто будет делать?

— Откуда я знаю? Капитан, небось!

При этой мысли оба захихикали, а Рокки облил журнал лимонным сиропом.

— Да, здорово летать первым классом. Красота! — воскликнула Молли, отпив глоток концентрированной апельсинового сока. — Но знаешь что, Рок? Нелегко нам будет после посадки возвращаться с небес на землю.

— Почему? Разве у самолета нет шасси?

Оба снова захохотали.

— Глупая шутка, — сказала Молли, отсмеявшись. — Я не о том... — Она покосилась на Рокки. — И не смей меня, Рокки, я хочу сказать очень серьезную вещь.

— Правда? — Рокки мигом согнал улыбку с лица.

— Я хочу сказать вот что. Когда мы вернемся, нам будет трудно не прибегать к гипнозу. Только вспомни, сколько раз мы им пользовались в последние недели. Он нам очень пригодился. Я знаю, мы договорились, что с этих пор будем жить честно, но представь себе: например, сидит на

дороге старик и плачет, потому что у него умерла жена и ему очень одиноко. Разве тебе не захочется загипнотизировать его, чтобы он не так сильно грустил? Внушить ему под гипнозом, чтобы он вступил в клуб одиноких стариков или что-нибудь в этом роде. Или, например, малышка плачет, потому что в школе она получила двойку, кошка съела ее любимого хомячка, а подруга угодила в больницу с тяжелой болезнью.

— Молли, — перебил ее Рокки. — Прекрати. Мы же договорились!

— Да, но мне кажется, будет нелегко устоять перед соблазном.

— Правильно. Трудно. Но придется устоять, потому что если мы начнем пользоваться гипнозом для добрых дел, то вскоре опять станем применять его себе на пользу, и не успеем мы оглянуться, как будем пускать в ход гипноз всякий раз, когда не сможем с ходу добиться своего. И тогда наша жизнь снова станет ненастоящей.

Молли грустно вздохнула. Она понимала, что Рокки прав. Они уже не раз говорили об этом.

— Но, — еще раз попыталась девочка, — если мы не будем никого гипнотизировать, то вдруг разучимся делать это?

— Ничего подобного. — Рокки приподнял бровь. — Это как езда на велосипеде. Один раз научишься — никогда не забудешь.

— Ты прав, как всегда, — мрачно произнесла Молли, отвернувшись и уставилась в окно.

А за окном темнело ночное небо, усеянное звездами; внизу, в тридцати пяти тысячах футов под крылом, вслед за восходящей Луной катил свои приливные волны Атлантический океан. Молли смотрела в темноту невидящими глазами. У нее не укладывалось в голове, что больше она никогда никого не загипнотизирует. Тут она сообразила, что до посадки осталось еще несколько часов. Она не нарушит договора, если применит свои способности здесь, в самолете.

Рокки смотрел музыкальные клипы на видео. Молли встала, потянулась и отправилась прогуляться...

В следующие два часа Молли была очень занята.

Возле туалетной комнаты она встретила человека, который дрожал от страха, потому что боялся летать. Молли внушила ему, что отныне он полюбит самолеты. Потом она поговорила с измученной матерью, которая сбилась с ног, потому что ее ребенок никак не хотел засыпать. Через десять минут женщина и ее дитя крепко спали. Затем девочка побеседовала с плачущей стюардессой, которая недавно рассталась со своим молодым человеком, и исцелила ее разбитое сердце. Потом Молли помогла трем

мальчишкам, ненавидевшим школу, превратила дряхлого ворчуна в милого улыбчивого старичка и убедила маленького мальчика, что овощи и зелень, особенно шпинат, гораздо вкуснее шоколадных конфет.

Молли вернулась на свое место, чувствуя себя немножечко доброй феей.

Самолет приземлился в шесть часов утра. В Нью-Йорке был час ночи, поэтому Рокки и Молли совсем запутались во времени. Но в полете они успели немного поспать и сейчас были очень рады возвращению домой.

— Помнишь, о чем мы договорились? — сказал Рокки, спускаясь по трапу.

— Конечно, помню, — ответила Молли и решительно шагнула на асфальт посадочной полосы.

Пока Нокман снимал их обширный багаж с ленты транспортера, Рокки и Молли сходили в пункт проката и наняли вертолет: ребята решили обставить свое возвращение в Хардвикский приют с максимальным шиком.

Путешествие на вертолете заняло не более двадцати минут. Под рокот крутящихся над головой лопастей Молли задумчиво смотрела на скрывающуюся вдаль береговую линию. Вскоре впереди показался городок Брайерсвилль; когда пилот подлетел поближе, девочка показала ему холм, на котором стоял Хардвикский приют. Подлетая к ветхому, неухоженному зданию, Молли вспомнила, как любила закрывать глаза и представлять, будто улетает далеко-далеко от приюта, в космическое пространство.

Спустя несколько минут вертолет завис над двором, и пилот начал снижаться. Он приземлился недалеко от входа в приют, на небольшой ровной площадке. Сильный ветер, поднятый лопастями, взметнул пыль на земле, зашевелил кусты, растрепал траву и чертополох.

Пилот выключил мотор.

— Прилетели.

Молли выжидательно огляделась по сторонам. Ей было интересно, кто первым выскочит из здания приветствовать их. Но никто не появлялся.

— Наверно, ребята еще не проснулись, — предположил Рокки. — Еще совсем рано. Видно, Гизела не слишком строго следит за утренним подъемом.

— А разруха здесь такая же, как раньше, — заметила Молли, отпуская Петульку погулять.

Пока Петулька с азартом обнюхивала покрытую изморозью дорожку, Нокман разгружал вертолет. Когда он вытащил последний чемодан, пилот пожелал ребятам всего доброго, велел отойти подальше от лопастей и

запустил двигатель. Вертолет взмыл в воздух и через минуту превратился в едва заметное пятнышко, затерявшееся в ослепительной голубизне неба.

Проводив глазами удаляющийся вертолет, Молли и Рокки снова повернулись лицом к дому. В одном из окон второго этажа мелькнуло испуганное лицо.

— Кто-то проснулся.

— Не нравится мне здесь, — призналась Молли. — Как-то слишком тихо. — Поднявшись на крыльцо, она протянула руку, чтобы дернуть за колокольчик, но тут заметила, что щербатая дверь приоткрыта.

Глава тридцать шестая

Первым, что поразило Рокки и Молли, когда они вошли в здание приюта, был запах. В вестибюле стояла невыносимая вонь! Из углов несло протухшей едой и слежавшимся мусором. Черно-белый шахматный пол был таким грязным, что клетки на нем сливались в сплошную полосу.

— Фу! — Молли зажала нос кашемировым шарфом. — Ужас какой!

— Воняет, как будто здесь кто-то помер, — сказал Рокки. — И холодно, как в морге.

— Перестань, — поморщилась Молли. — Не говори глупостей. Я боюсь. Откуда такая вонь? И куда все подевались?

— Наверное, запах идет из кухни. — Рокки плотно прикрыл дверь, ведущую в подвальный коридор. — А ребята, скорее всего, наверху. Нокман, внесите, пожалуйста, наш багаж и оставьте парадную дверь открытой, пусть хоть немного проветрится.

— Хорошо, мистер Кошкиндо, — покорно отозвался Нокман.

Молли, Рокки и Петулька с опаской поднялись по каменной лестнице.

На втором этаже двери всех спален были заперты, в коридоре стоял едкий запах давно не мытого пола. Молли толкнула дверь спальни, в которой раньше жили Гордон и Рокки.

В комнате было тихо, шторы задернуты, но сквозь щели проникало достаточно света, чтобы разглядеть, что здесь никого нет. Кругом царил страшный беспорядок. На полу валялись разбросанные простыни, одеяла, сбитые в комок матрацы; пустые кровати зияли голыми проволочными сетками. Повсюду были разбросаны апельсиновые шкурки, яблочные огрызки, коробки из-под молока, пустые консервные банки, грязные тарелки. Рокки отдернул хлипкую занавеску, и в воздух взметнулась целая туча моли.

Молли и Рокки вышли из спальни и открыли следующую дверь.

В этой комнате тоже никого не было, и царил такой же разгром. Третья и четвертая спальни оказались пусты, но выглядели немного аккуратнее предыдущих; по крайней мере, матрацы оставались на кроватях. И везде было так холодно, что при дыхании изо рта вырывались облачка пара.

— Но ведь мы видели кого-то в окне, — сказала Молли недоуменно. — Наверно, ребята здесь еще остались. — Она толкнула пятую дверь, но открыть не смогла: та была забаррикадирована изнутри. Однако баррикада оказалась хлипкой, и при следующем толчке дверь распахнулась.

В этой комнате занавески были раздвинуты. В тусклом свете декабрьского дня Молли увидела Джерри, Джемму и двух пятилеток — Руби и Джинкса.

Они сидели на кровати, прижавшись друг к другу и кутаясь в одеяла. Грязные волосы торчали спутанными космами, лица были чумазые, в широко раскрытых глазах застыл страх.

— Что вы здесь делаете? Почему забаррикадировали дверь? — вот первое, что спросила Молли.

Однако никто ей не ответил, даже Джемма и Джерри. Тогда она подошла и села перед детьми на корточки. Ребятишки приникли друг к другу, как кусочки намагниченного железа. Никогда еще Молли не видела таких перепуганных детей.

— Джемма, — тихо сказала Молли. — Ты меня не узнаешь?

— Н-нет, — пролепетала Джемма, затравленно глядя на девочку.

— Я Молли.

— Нет, — едва слышно прошептала Джемма. — Молли улетела далеко-далеко. И наша Молли была совсем на тебя не похожа. У нее не было такого красивого платья, и ботинки у нее всегда были грязные, и волосы лохматые, и лицо совсем другое. — Малышка всхлипнула и утерла мокрый нос краем одеяла.

— Да, у Молли лицо было в прыщах, — подтвердил Джерри.

— Но я и *вправду* Молли. Просто я немного растолстела и стала лучше следить за собой. Совсем как твоя мышка, Джерри, — когда ты ухаживаешь за ней, она тоже выглядит лучше.

Молли огляделась. По всей комнате валялись груды грязной одежды. И матрац, и пол были усыпаны перьями из разорванной подушки, поэтому комната походила на разоренное птичье гнездо. Кто-то наступил на тюбик зубной пасты, его липкое мятное содержимое выплеснулось на пол, рядом валялась банка из-под «кьюта», пустая, смятая и печальная.

— Моя мышка умерла, — прошептал Джерри, понутив голову.

— Ох, боже мой! Джерри, неужели? Какой ужас, правда, Рок? — Рокки озабоченно кивнул.

— Да, — сказал он. — Это очень плохо, Джерри. Мне очень жаль, что Пик умер. Джерри, ты меня помнишь? Я Рокки.

Джерри кивнул.

— А это Петулька. Она тоже изменилась. Смотри, она уже не такая толстая и даже очень полюбила бегать.

Джерри невидящими глазами уставился на Петульку, и собачка лизнула ему руку.

Молли встревоженно оглядела сбившихся в кучку ребят.

— Мне кажется, вы все *болеете*... — пробормотала она.

Страшно было видеть, как они переменились, и, главное, как быстро это произошло! Пока она отъедалась и толстела, малыши умирали с голоду. Все как один выглядели просто кошмарно! Еще неделя-другая — и Молли, вернувшись, уже не застала бы их в живых. При этой мысли девочка вздрогнула. И виновата в этом только она сама! Глядя на маленькие личики, такие же родные и знакомые, как для других детей — лица братьев и сестер, она винила в их несчастьях только себя и никого больше!

Молли склонилась над Джеммой и ласково обняла ее.

— Прости меня, — от всего сердца сказала она. Малышка приникла к ней, и Молли почувствовала, как она ослабела и замерзла. Рокки обнял маленького Джерри, а потом — Руби и Джинкса. Малыши заплакали. Молли была в ужасе от собственной беспечности. Как она могла так поступить — оставить Хардвикский приют на попечение обезумевшей мисс Гадкинс? И потом — почему она не вернулась, когда узнала, что в приюте взяла власть Гизела?! Молли стало страшно — до чего же она была бездушна! Впрочем, раньше, вспомнила девочка, ей тоже было очень плохо. Но все равно, как же она могла уехать в Америку и думать, что здесь, в Брайерсвилле, у нее ничего не осталось? Наверное, она до сих пор сама не понимала, как сильно любит этих ребятшек.

— В доме не осталось никакой еды? — спросила Молли у Джеммы, решив как можно скорее исправить положение.

— Осталось немного, нам до сих пор доставляют продукты, картошку, яйца, крупу и разные другие вещи тоже, но я не умею готовить, к тому же у нас кончились кастрюли, а в кухне бегают крысы, и мы боимся спускаться, но иногда все-таки ходим туда, с палками.

— И чем же вы питаетесь? — в ужасе спросила Молли.

— Холодной фасолью из банок...

— Но открывалка затупилась...

— А еще мы едим хлеб, фрукты и иногда сыр, если успеваем схватить, пока крысы не добрались.

— Но почему у вас все так плохо? Разве миссис Тринкелбери не приходит к вам, не печет пирожных, не готовит вам еду, не убирается?

— Нет, — жалобно пискнул Джерри. — Мисс Гадкинс прогнала миссис Тринкелбери, и та больше не приходит. Гадкинс сказала, что нам будет лучше одним. Но нам плохо... и моя мышка умерла, — Джерри снова опустил глаза.

— Да, Джерри, это очень, очень грустно. — Молли погладила малыша

по голове.

— Послушайте, — сказал Рокки, стараясь, чтобы его голос звучал бодро. — Вы, наверно, умираете с голоду. Давайте приготовим на завтрак омлет с жареной картошкой и горячий шоколад.

Четверо ребятишек с изумлением уставились на Рокки.

— Давайте, — хором отозвались они.

— Тогда пошли. Надевайте халаты и тапочки, пойдем в столовую, разожжем там огонь и согреемся.

Малыши были так измучены, от этой нехитрой заботы в их глазах зажегся такой благодарный блеск, что Молли сочла своим долгом сказать:

— Вам больше не о чем тревожиться, слышите, сорванцы? С этой минуты все будет замечательно, честное слово. Мы вернулись и будем за вами ухаживать, и с нами есть кое-кто, он поможет вам, мы тут приберемся, приготовим вкусный завтрак, вы согреетесь, и... вот увидите, все будет хорошо...

С этими словами Молли повела облачившихся в потрепанные халатики, качающихся от голода малышей в столовую. Через двадцать минут в камине уже весело потрескивали дрова, детишки сгрудились у огня и с наслаждением отогревали замерзшие пятки. Молли было очень интересно, куда подевались старшие дети, но об этом она решила спросить Джемму позже. Прежде всего надо было приготовить завтрак, поэтому она позвала Нокмана и вместе с Рокки спустилась в провонявшую тухлятиной кухню.

На кухне царил несусветный разгром. Повсюду валялись опрокинутые мусорные ведра с гниющими объедками, в них копошились черви. В раковинах громоздились горы немытых кастрюль, тарелок и ложек. Возле плиты стояли придвинутые стулья — это малыши карабкались к огню, пытаясь что-нибудь состряпать.

Петулька принялась и учуяла запах грызунов. Молли открыла буфет, и оттуда выскочили три мыши, подьедавшие какие-то крошки.

— Знаешь, Молли, — заметил Рокки, — крыс здесь быть не может: я слышал, будто там, где водятся мыши, крысы не живут. А это хорошо, потому что крысы переносят всякие гнусные болезни, а от мышей только немного грязно, и больше ничего. Если Нокман хорошенько вымоет полы и шкафы, готовить здесь будет не опасно.

— Да, наверно, ты прав, — согласилась Молли, — ребята просто перепуганы. Джерри любит мышей, но у страха глаза велики, и он принял мышей за крыс.

В давние дни своей работы в Шорингс-банке Нокман научился очень

хорошо убираться. Он с толком взялся за дело. Сначала вынес из кухни весь мусор, потом наполнил одну раковину пенистой водой с моющим средством, а другую — чистой, горячей, для ополаскивания. Сперва он вычистил кастрюли, сковородки, вымыл тарелки, ножи, вилки, потом сел чистить картошку. Рокки разбил в миску двадцать яиц и принялся взбивать их, а Молли отыскала и протерла от пыли две тележки на колесиках. Потом она направилась к черному ходу — посмотреть, приходил ли молочник.

Возле крыльца стояли две корзины с совершенно сгнившей рыбой, рядом валялось еще несколько вонючих коробок. Серебристые крышки на молочных бутылках были проклеваны птицами. Молли взяла пять свежих бутылок с молоком и поспешила обратно.

— Нокман, когда приготовите завтрак и сами перекусите, приберитесь, пожалуйста, на кухне, — велела она.

— Хорошо, мисс Сушилка, — покорно ответил Нокман.

Вскоре по дому поплыл аппетитный аромат омлета и жареной картошки, приправленный запахом горящих в камине дров. Молли и Рокки удовлетворенно смотрели, как малыши, усевшись на полу возле очага, поглощают завтрак. С каждой ложкой их бледные щеки наливались здоровым румянцем.

Джерри первым обрел привычное любопытство.

— Скажи еще раз, — попросил он. — Как называлось то место, где ты была?

— Оно называлось Нью-Йорк, — ответила Молли. — Помнишь, я тебе звонила?

— Помню. Ну и как там, в Нью-Йорке?

— Круто! — вздохнул Рокки.

— А что вы там делали?

— Много чего, — ответил Рокки. — Я, например, жил в семье и понял, что вас, ребята, я люблю гораздо больше. Вы и есть моя настоящая семья. — Джерри польщенно ухмыльнулся. Другие малыши тоже кивнули и заулыбались.

— А я, — подхватила Молли, — жила сама по себе, и у меня было все, что захочу.

— Все-все? — недоверчиво переспросила Джемма.

— Все-все. У меня была уйма шикарных вещей, таких, какие показывают в рекламе, и даже еще лучше. Были наряды, машины, телевизоры, я ходила по магазинам и покупала конфеты, *сколько влезет!* И я выступала на сцене, меня показывали по телевизору, мне звонили

поклонники, а я делала все, что хочу, и была знаменитой!

— Знаменитой? — изумились малыши.

— Да, знаменитой, как... как люди из рекламы.

— Тогда почему же ты не осталась? — озадаченно пропищала Джемма.

— Потому что, — объяснила Молли, — у меня появилось еще кое-что, чего я совсем *не* хотела.

— Что же это?

— Вши? — предположил Джерри.

— Нет, не вши. Одиночество.

— Одиночество?

— Да. Одиночество. И знаете что?

— Что?

— Когда ты одинок, все эти шикарные, роскошные наряды кажутся тряпьем.

— Неужели тряпьем?

— Да, рваным ненужным тряпьем.

— Но почему? — не понимал Джерри.

— Потому что когда ты одинок и у тебя нет ни семьи, ни друзей, больше всего тебе хочется, чтобы кто-то был рядом. И от всех этих роскошных шмоток тебе совсем не делается легче. Не нужны никакие богатства, нужно только, чтобы рядом был близкий человек.

— Поэтому, — подхватил Рокки, — когда мы с Молли, наконец, встретились, то были страшно рады. И мы решили, что без вас всех нам очень одиноко, к тому же мы тревожились за вас, и поэтому вернулись.

Дети были весьма польщены тем, что это они, оказывается, заставили Молли и Рокки бросить роскошную нью-йоркскую жизнь и вернуться домой. Никто из малышей не таил на них обиды. Они просто не умели сердиться. Они сидели, прихлебывали шоколад из чашек и с восторгом взирали на вернувшихся друзей.

— А Петульке тоже было одиноко? — спросил Джинкс, погладив собачку по мягкой шерстке.

— Да, — ответила Молли.

— Нам тоже было очень одиноко, правда, Джемма?

— Да, — призналась Джемма. — И очень плохо.

Малышка Руби сидела у камина рядом с Нокманом. Над губой у нее темнели большие шоколадные усы. Она доверчиво сунула свою маленькую ручонку Нокману в ладонь.

— Спасибо, мистер, — поблагодарила она. — Было *очень* вкусно.

После странного припадка в самолете Нокман казался себе совсем не таким, как раньше, а сейчас, глядя сверху вниз на маленькую девочку, он испытал чувство, которого не знал уже много лет. Внутри у него потеплело. Потеплело оттого, что малышка нашла путь к его сердцу, и он радовался, что помог ей. Нокман не понимал, что с ним творится.

— С удофольстфием, — тихо произнес он.

— А теперь, — обратилась Молли к Джемме и Джерри, — расскажите нам все по порядку. Куда подевались Гизела и все остальные?

— Никуда они не подевались, — ответила Джемма. — Они здесь. — Она набрала в грудь побольше воздуха и рассказала обо всем, что случилось в Хардвикском приюте.

Глава тридцать седьмая

Джемма начала рассказ:

— Когда ты улетела, мисс Гадкинс и Эдна тоже уехали, но перед этим они прогнали миссис Тринкелбери и велели ей больше не возвращаться. Сказали, что хотят быть *добрыми к детям*, а дети не любят, когда взрослые ими командуют. Поэтому, мол, нам будет лучше, если они *все* уйдут.

Молли вспомнила указания, которые она дала мисс Гадкинс и Эдне в аэропорту. Неужели у них хватило глупости решить, что оставить детей без всякой помощи, на произвол судьбы — значит сделать их счастливыми?

— Но миссис Тринкелбери *была* очень хорошая, — настаивал Джинкс.

— Да, но она всегда делала так, как велит мисс Гадкинс, и тоже ушла, — продолжала Джемма. — Потом мисс Гадкинс собрала вещи, и Эдна тоже, а потом они поссорились, потому что мисс Гадкинс искромсала одежду Эдны.

— Разрезала ей пальто, — уточнила Руби.

— И обе шляпы, — добавил Джинкс.

— Да, в этой изрезанной одежде вид у них был дурацкий, — сказал Джерри. — Так они и уехали. На прощание Эдна дала нам конфет, но они были какие-то странные, с противной начинкой.

— Она сказала, что это какие-то особые конфеты, — пояснила Джемма. — Но до самого отъезда они обе были очень добрые. Мисс Гадкинс дала мне целый мешок шариков от моли.

— А мне она подарила бутылку полоскания для рта, — добавил Джинкс.

— Но ты вел себя плохо. Забыл, Джинкс? — напомнила Джемма.

— Да, я ее выпил.

Рокки взъерошил Джинксу волосы.

— В общем, — продолжала Джемма, — мисс Гадкинс сказала, что еду и продукты нам будут привозить и дальше, потому что плата за них автоматически перечисляется прямо из банка, и что мы *должны* ходить в школу, потому что иначе сюда придет гадкая миссис Жаббс. Поэтому мы *делали вид*, что мисс Гадкинс и Эдна все еще здесь, и никто в городе не знал, что они уехали.

— А куда они отправились? — спросила Молли.

— Понятия не имеем.

— А что случилось дальше?

— Дальше командовать нами стала Гизела, — ответила Джемма.

— И она была хуже, чем мисс Гадкинс, — прошептал Джерри.

— Она была злая, кричала на нас, — продолжала Джемма. — Заставляла нас работать. Мы сами готовили еду и убирались. Она сказала, что мы должны выглядеть опрятно, иначе миссис Жаббс догадается, что мы тут живем одни...

— И еще Гизела переехала из своей спальни в комнаты мисс Гадкинс и выкинула в окно целую кучу бумаг, — добавил Джерри. — А Роджеру и Гордону она велела переселиться в комнату Эдны.

— А потом?

— Потом они стали все время ссориться, — подхватила Джемма. — Роджер хотел быть главным, он говорил, что Гизела не может навести порядок. А Гордон хотел, чтобы комната Эдны досталась ему одному. Он подрался с Роджером, и Роджеру пришлось переехать в изолятор...

Джемма и Джерри рассказывали наперебой, задыхаясь от волнения, а Руби и Джинкс сидели и смотрели на них широко распахнутыми глазами. Молли и Рокки ужасались, видя, сколько невзгод довелось пережить этим малышам в прошедшие недели.

— Все они кричали на нас и командовали, — пожаловалась Руби. — И никогда не помогали.

— А потом они поссорились так, что перестали разговаривать друг с другом.

— И с нами тоже, — добавил Джинкс.

— Да, с нами они тоже почти не разговаривали, — вспоминала Джемма. — А если мы подходили к телефону или открывали дверь, они *страшно* злились. А Гизела была очень строгая. Она не велела никому рассказывать, что мисс Гадкинс уехала. Грозилась, что если мы расскажем, Гордон нас прибьет. Но сейчас все хорошо, потому что начались рождественские каникулы и в школу ходить не надо.

— Поэтому нам не нужно больше умыться, — сказал Джерри.

— Но нас никто не кормит завтраками, поэтому мы голодные, — прошептала Руби.

— И нам нельзя ходить в деревню или в город.

— Да, нельзя, — подтвердил Джинкс. — Гизела сказала, если мы пойдем, нас схватит страшный *людоед*.

— Не бойтесь, — успокоила их Молли. — Людоедов не бывает.

Молли огляделась. Гостиная напоминала скорее мусорную свалку, чем жилую комнату в доме. По углам были раскиданы хоккейные клюшки и рваные футбольные мячи вперемешку с картонными коробками и

пластиковыми пакетами. На полу валялись кастрюли, стены были забрызганы чернилами.

— Так где же они сейчас?

— Спят, наверное, — предположила Джемма, прихлебывая шоколад. — Роджер встает часов в десять. Он идет в Брайерсвилль — шарить по мусорным бакам. А Гордон, Синтия и Крейг совсем не показываются. Они сидят в комнате у Эдны и смотрят телевизор. А Гизела не выходит из своей комнаты, только иногда спускается, когда приносят что-нибудь вкусное. Тогда она забирает коробки к себе в комнату.

— Вот как, — заключила Молли, переглянувшись с Рокки. — Думаю, пора нам разбудить Гизелу и ее компанию. Как ты считаешь?

Дверь в квартиру, где раньше жила мисс Гадкинс, была закрыта. В ответ на стук из-под нее выполз огромный черный таракан. Петулька испуганно принялась и уловила еще не выветрившийся запах своей прежней хозяйки. Молли подняла глаза на портрет мисс Гадкинс, висевший на лестничной площадке. Кто-то пририсовал директрисе усы и бороду. Молли постучала еще раз, толкнула дверь — и она открылась. Молли и Рокки переступили порог.

Воздух в квартире был затхлый. Древняя коричневая гостиная казалась даже темнее, чем раньше, тяжелые шторы цвета красного вина были плотно задернуты.

Молли щелкнула выключателем, и гостиную залил тусклый свет покрытых пылью лампочек. Повсюду валялись картонные коробки, пустые банки, папки с бумагами из шкафа мисс Гадкинс. На полу, как осенние листья, шелестели целлофановые пакетики и конфетные обертки.

Из настенных часов выскочила кукушка и прокуковала девять раз.

— Кто здесь? — донесся из спальни сонный голос Гизелы. Осторожно ступая по замусоренному полу, Молли и Рокки пробрались к двери и вошли.

В полумраке они с трудом разглядели Гизелу — та сидела на кровати и жмурилась от неожиданного света. Прикрыв глаза рукой, она недовольно буркнула:

— Прочь отсюда, Джемма. Сюда никому нельзя входить.

— Это не Джемма. Это Молли и Рокки, — ответила гостья.

Глаза Гизелы привыкли к свету, и она убрала руки от лица. Нынешняя Гизела совсем не походила на ту, какой запомнили ее Молли и Рокки всего несколько недель назад. Она стала гораздо толще, побледнела, на лице высypали прыщи. Вокруг покрасневших глаз темнели синие круги.

Обветренные губы покрылись коркой, а в уголках растрескались. Нестриженные волосы липли к голове соевыми космами. Взгляд у нее был совершенно безумный, а увидев Молли и Рокки, она и вовсе онемела от изумления. Гизела судорожно вцепилась в подушку.

— Д-д-дрема. Я сплю, и ты мне снишься, — хрипло прошептала она и стукнула себя подушкой по голове.

— Нет, не спишь. Мы вернулись, — ответила Молли. — И пусть это покажется тебе кошмаром, но мы остаемся.

Прежняя Гизела наверняка вскочила бы с кровати и набросилась на Молли с оскорблениями, но Гизела нынешняя лишь жалобно всхлипнула.

— Делайте что хотите.

С этими словами она достала из картонной коробки шоколадный батончик «Небо» и торопливо запихала его в рот.

— Какая вкуснятина, — пробормотала она, пережевывая большой кусок. Она словно перестала замечать стоящих рядом Молли и Роки, забыв обо всем, кроме шоколада.

— Гизела, — строго сказала Молли. — У тебя ужасный вид.

— Знаю, — отмахнулась Гизела, откусывая еще кусок.

— Ты серьезно *больна*, — заметил Рокки. — Ты что, не ешь ничего, кроме конфет?

— А тут больше ничего и нету, — ответила Гизела.

Ее взгляд лихорадочно метался по комнате, уставленной ящиками конфет, перебегал с одной коробки на другую. Вдруг она оцепенела, как громом пораженная:

— Что, хотите отобрать мои конфеты?

— Да нет же, — успокоила ее Молли. — Мы накормим тебя чем-нибудь получше. Хочешь омлета с жареной картошкой?

Рокки принес Гизеле полноценной еды, и та, с жадностью проглотив омлет из шести яиц, рассказала ребятам обо всем, что случилось в приюте в их отсутствие.

С самого начала все пошло наперекосяк.

Сначала Гизеле нравилось верховодить, но потом, после ссоры с Гордоном и Роджером, она стала все чаще уединяться в квартире мисс Гадкинс. Она подолгу сидела одна и питалась только шоколадом и конфетами. Она даже выкурила пачку сигарет, которую нашла в ящике письменного стола. Гизела призналась, что очень устала, ей было плохо и одиноко. В конце концов она всерьез задумалась над собой.

— У меня все время было ужасно гадкое настроение. Я старалась

убедить себя, что все очень круто, что одной быть классно, но ничего не получалось. Я хотела испытывать к людям добрые чувства, но они не приходили. Я возненавидела весь белый свет и прежде всего саму себя за это, за всю эту ненависть. А еще — я страшная лгунья. — Гизела взяла со стола зеленую папку и швырнула ее Молли. — Вот, читай, кто я такая на самом деле. Я всегда всем врала. Читай, читай. — Она откинулась на подушки, глаза наполнились слезами. — Хватит утаивать правду.

В зеленой папке лежал листок с записями о Гизеле. Молли и Рокки начали читать.

Имя: Гизела Хеккерсли.

Дата рождения: ?

Место рождения: ?

Как попала Хардвикский приют: Домашняя жизнь неблагополучна. Ребенок шести лет поступил в состоянии истощения и с синяками от побоев.

Родители: Мать — алкоголичка. Отец жесток и страдает припадками. Оба не способны позаботиться о ребенке.

Имущество: никакого.

Описание ребенка: Гизела напоминает меня в детстве. Она быстро учится и стремится угодить.

— Вот видите, — простонала Гизела. — Я никогда не была такой счастливой, какой меня все считали. Вы думали, что у меня самые лучшие на свете родители, но мои родители никогда меня не любили. Они только били меня. — Из глаз Гизелы ручьем хлынули слезы. — Мисс Гадкинс меня хотя бы не била, за это она мне и нравилась. Но вы! Я завидовала вам, потому что у вас была миссис Тринкелбери. Она была вам как мама. А мне — нет. Я поступила слишком поздно. Моя мама только кричала на меня, и больше ничего.

Молли была потрясена признаниями девочки.

— Но... — пробормотала она. — Но миссис Тринкелбери все равно бы тебя полюбила. Если бы ты ей разрешила...

— Я ужасная гадина, — всхлипывала Гизела. — Я знаю, меня никто не любит. И я вас не виню. Я сама себя терпеть не могу! Я плохая! И знаете, то, что вы вернулись, это совсем не кошмар. Мне так надоело быть здесь главной! Мне очень плохо! Я заболела. И хочу поправиться. Я хочу *стать* лучше. — Искаженное отчаянием лицо Гизелы смялось в горестные складки, рот раскрылся, но из него не вылетало ни звука. Бедняжка

содрогалась в безмолвных рыданиях, по щекам струились слезы.

Молли положила руку ей на плечо.

— Не плачь, Гизела. Не плачь. Мы всё понимаем. Спасибо, что показала нам свою папку. Тебе бы тоже не помешало увидеть мою. Из нее я узнала, что я — никто и ничто. Мы поможем тебе стать лучше. С сегодняшнего дня здесь все переменится.

— Хорошо, — с трудом выдавила Гизела. — И... спасибо, что вернулись.

Ребята помогли Гизеле встать с постели и отвели ее в ванную. Потом пошли искать Гордона Бойлза.

Они нашли Гордона в комнате Эдны. Он сидел в кресле, закутавшись в одеяло и сунув ноги в большие теплые шлепанцы. Рядом с ним, на диване, под пуховыми одеялами лежали двое других старших детей — Синтия и Крейг. Они, не отрывая глаз, пялились в телевизор, принесенный снизу, из общей гостиной. При появлении Молли и Рокки они лишь на миг взглянули в их сторону, как будто в комнату залетела муха, и снова уставились в телик.

Гордон сидел, уткнувшись подбородком в ладони, и было видно, как он побледнел и похудел. С лица стерлась прежняя агрессия и злоба. На кулаках по-прежнему синела татуировка: «ЦАРЬ ГОРД», но сейчас в нем не было ничего царственного. Синтия и Крейг тоже побледнели, как привидения, и грустно поникли.

Молли выключила телевизор.

— Привет, банда, — сказала она.

Рокки принес всем завтрак, и Гордон наконец-то заговорил. Голос у него был слабый, глаза встревоженно бегали.

Он рассказал, что с тех пор, как закончились занятия в школе, у всех у них было на редкость мерзкое настроение. Утешением служил только телевизор, вот они и смотрели его целыми днями напролет.

— Здесь ужасно. Мы все заболели, — жаловался Гордон. — Меня всего будто наизнанку выворачивает. Со мной что-то не так! Рокки, я серьезно, мне нужен врач.

Синтия и Крейг сидели молча.

— Слушайте, — сказала Молли. — Мы вам поможем, но при одном условии: вы измените свои привычки.

— Это как? — жалобно спросил Гордон.

— Например, перестанете делать гадости.

— Ах, ты об этом, — пробормотал подавленный Гордон, и его глаза

стали добрыми и мокрыми, как у телянка. — Конечно, перестанем. Я уже несколько неде... дней никого не задирал.

— Но как ты нам поможешь, Лупоглазая? — спросила Синтия.

— Помогу, — отрезала Молли. — Погоди — и сама увидишь. И, кстати, для вас я Молли. Молли Мун.

Молли говорила сурово, но в душе была рада, что Синтия назвала ее Лупоглазой. Это означало, что внушенное под гипнозом восхищение, которое осталось в Синтии после брайерсвилльского конкурса талантов, уже выветрилось.

Отправив Гордона, Синтию и Крейга принимать ванну и переодеваться, Молли спросила себя: останется ли эта троица такой же милой и послушной, когда почувствует себя немного лучше?

— Поживем — увидим, — сказал Рокки.

Последним, к кому они заглянули в гости, был Роджер Фиббин. Он обосновался наверху, в изоляторе. Когда ребята вошли, он сидел на кровати и завязывал шнурки на ботинках.

Увидав Молли и Рокки, Роджер подскочил от изумления.

Его лицо стало еще более костлявым, чем раньше, острый нос покраснел, на кончике висела капля, руки посинели от холода. Одет он был так же аккуратно, как раньше, но, присмотревшись, Молли заметила, что воротничок его рубашки изнутри окаймлен грязной коричневой полосой, а серые брюки задубели от пыли. Под ногтями чернели траурные полумесяцы.

— Что... что вы тут делаете? — возмущенно спросил Роджер, и его левый глаз задергался. — Я ухожу. Пойду... пойду проверю мусорные баки. — Он бросил взгляд на наручные часы с разбитым стеклом. — Мне пора. А то, если опоздаю, дворники вывезут весь мусор.

Ребята с трудом успокоили Роджера. Лишь съев полную тарелку омлета с жареной картошкой и выпив две кружки горячего шоколада, он немного пришел в себя и рассказал Молли и Рокки о своем житье-бытье. Бедняга завел привычку питаться объедками из брайерсвилльских мусорных баков. Пару раз у него сильно болел живот, но, по его словам, это было единственным способом обеспечить себе более или менее разнообразное питание.

— Вот, — Роджер, чуть не плача, показал на пустую тарелку из-под омлета. — Ничего вкуснее я не ел уже много... много... недель.

— Не волнуйся, Роджер. С этого дня у нас всегда будет много вкусной еды, — успокоил его Рокки. При этих словах Роджер повис у Рокки на шее

и залился слезами.

Поднимаясь в изолятор, Молли мимоходом заглянула в зеркало — в то самое зеркало, в котором когда-то увидела свое отражение в облике панка.

«До чего же я изменилась», — подумала девочка. Волосы стали густыми и блестящими, с лица исчезли прыщи, на щеках заиграл здоровый румянец. А нос картошкой и близко посаженные зеленые глаза навывкате — теперь эти черты уже не казались Молли уродливыми, они ей нравились, потому что принадлежали ей одной и никому больше.

Она разительно изменилась с того ноябрьского вечера, когда стояла на холме и проклинала свою жизнь и саму себя.

Молли задумалась. А ведь не только она — все ребята в Хардвикском приюте с тех пор изменились. И причиной этих перемен была *книга по гипнотизму*.

Гизела, Роджер, Гордон, Синтия и Крейг оказались выбиты из привычной колеи. Очутившись за рамками школьного распорядка и строгих правил, лишившись жертвы, над которой они привыкли издеваться, они тут же принялись драться друг с другом и разорвали все сложившиеся союзы. Их шайка развалилась, и каждый, оставшись в одиночестве, оказался лицом к лицу с самим собой. И увиденное им не понравилось! Гизела надломилась так сильно, что рассказала Молли всю правду о себе. Молли понимала, что теперь ее бывшая соседка уже не сможет командовать, как прежде. И верила, что Гизела всерьез решила стать лучше. Но в Гордоне, Синтии и Крейге она не была так уверена. Вряд ли они сумеют измениться к лучшему. Она не могла себе представить, как Гордон переводит старушку через дорогу, а Синтия и Крейг ласково рассказывают малышам сказки. Когда они отъедятся и к ним вернутся силы, то, скорее всего, вернется и прежняя задиристость. Жить с ними будет нелегко. Что же касается Роджера — Молли всерьез беспокоилась за него. Она боялась, что невзгоды последних недель помутили рассудок мальчика, и лишь надеялась, что он рано или поздно поправится.

Оставался еще Нокман. Его нрав заметно улучшался. С каждым часом он становился все вежливее и тактичнее. Он был ее первым опытом перевоспитания, и Молли надеялась, что он переменится навсегда, как это произошло с Петулькой. Собачка радостно бегала по всему приюту и резвилась как щенок.

А мисс Гадкинс и Эдна? Молли не знала, где они сейчас и чем занимаются. Было ясно, что внушенные инструкции вскоре выветрятся, но Молли надеялась, что они всерьез заинтересуются новыми увлечениями:

одна — самолетами, другая — итальянской кухней. И если увлечения перерастут в настоящую страсть, эти дамы никогда не вернутся в Хардвикский приют. Ни та, ни другая никогда не смогут полюбить детей. Не из того они теста! Молли оказала им огромную услугу, отправив подальше от детского дома.

Потом Молли спустилась в спальню и спрятала книгу по гипнотизму в самое надежное место. Под матрац.

Глава тридцать восьмая

Услышав в телефонной трубке голос Молли Мун, миссис Тринкелбери не поверила своим ушам, а поверив — едва не заплакала от радости. Она тотчас же прибежала в Хардвикский приют — веселая и розовощекая, как пирожок с вареньем. Одета миссис Тринкелбери была в свое обычное шерстяное пальто, а в руках несла полные сумки разных вкусовностей. Самый большой пакет, как всегда, был полон домашних пирожных с шоколадом. Войдя в приют, она тотчас же раздала их ребятам.

— Ох ты, Б-боже ты мой, — всплеснула она руками, оглядевшись. — Д-д-да что ж за б-б-беспорядок вы тут р-р-развели! Ну и д-д-дела! И запах, как на нечищенной п-п-псарне!

Молли и Рокки рассказали миссис Тринкелбери, что случилось в приюте. Старушку не пришлось долго уговаривать: она быстро согласилась переселиться к ребятам.

— Переезжайте к нам, пожалуйста, миссис Тринкелбери. Вы нам очень нужны. За нами некому присматривать, — пояснила Молли.

— А то пришлют к нам еще одну мисс Гадкинс, — высказал опасение Рокки.

— Приходите, пожалуйста, миссис Тринкелбери, нам очень нужна мама, — взмолилась Руби.

— Чтобы печь нам пирожки, — заявил Джинкс.

Миссис Тринкелбери вздохнула и сложила руки на груди.

— Знаете, с тех пор, как умер мой Альберт, дома стало очень уж одиноко. А после того, как мисс Гадкинс прогнала меня, стало еще хуже. Так что перееду к вам с удовольствием!

Молли и Рокки крепко обняли старушку.

— Вы молодчина, миссис Тринкелбери! — воскликнул Рокки.

Потом они повели миссис Тринкелбери вниз — знакомиться с Нокманом.

Нокман в фартуке орудовал возле раковины, по локоть погрузив руки в пенистую жидкость для мытья посуды. Он уже вытряхнул все мусорные корзины и навел порядок в буфете. Теперь в кухне пахло лимонным чистящим средством.

— Мистер Нокман, это миссис Тринкелбери. Она поселится здесь и будет главной.

— А вам придется поладить с ней, — тихонько шепнул Рокки.

— О, здрафтфуйте, — Нокман стянул резиновые перчатки и вежливо пожал руку новой хозяйке.

— Рада п-п-познакомиться, — кивнула миссис Тринкелбери. — Вы очень х-хорошо здесь п-п-прибрались.

— Спасибо, — польщенно улыбнулся Нокман, радуясь, что его работу похвалили.

— Ну вот и х-х-хорошо, — повторила миссис Тринкелбери, не зная, что сказать дальше. — Как я уже г-г-говорила, Молли, я рада, что вернулась к вам. Если не в-в-возражаете, я принесу сюда м-м-моего Крошку. — И пояснила Нокману: — Это мой ручной п-п-попугайчик, он очень красиво поет. Он наверняка вам п-п-по-нравится.

— У фас есть попугайтшик? — просиял Нокман, восхищенно, как на милостивую богиню, глядя на миссис Тринкелбери.

— Да, есть, — ответила старушка, смущенная вниманием Нокмана, и тоже надела резиновые перчатки. — Пора п-п-приниматься за дело, Молли, — сказала она. — Надо навести здесь п-п-порядок.

К вечеру по приюту поплыл восхитительный аромат: жареное мясо с картошкой и горохом, сладкая кукуруза, пряная подлива. В комнатах стало тепло: миссис Тринкелбери договорилась о доставке топлива, и котельная снова заработала на полную мощность.

Молли и Рокки раздали всем ребятам мыло и шампунь, а также новенькие мягкие полотенца, купленные в аэропорту.

К восьми часам все дети, чисто вымытые и аккуратно одетые, собрались в гостиной. Каждый надел что-то новенькое, выбрав понравившийся костюм в чемоданах Молли. Даже Гордон, Роджер и Крейг отыскали футболки себе по вкусу.

В столовой накрыли праздничный стол. Сверкали чистые бокалы, горели свечи. В камине жарко пылал огонь.

Такого замечательного ужина у Молли еще никогда не было! И дело было не только в еде, хотя и она была выше всяких похвал. Главное — здорово было снова увидеть старых друзей, даже Гизелу и ее компанию. А как они переменились! Ничего в них не осталось от прежних задир. Они сидели тише воды, ниже травы, и чинно ели и пили. Малыши же, напротив, стали веселее, болтали и шумели, вызывая смех у миссис Тринкелбери и даже у Нокмана.

— Миссис Тринкелбери, мистер Нокман... — спросил Джерри, — значит, теперь вы будете нашими мамой и папой? — И оба взрослых

залились краской.

После ужина Молли и Рокки раздали всем подарки, купленные в аэропорту. Гизеле и Синтии — фотоаппараты и плееры, Гордону, Роджеру и Крейгу — радиоуправляемые машинки, Джемме, Джерри, Руби и Джинксу — плюшевых мишек и игрушечные телефоны. Джерри в придачу получил игрушечного мышонка. А еще каждому был подарен мешочек конфет! Миссис Тринкелбери пришла в восторг от доставшихся ей духов и кораллового ожерелья, а Нокман гордо расхаживал в новом костюме.

Когда подарки были розданы, рассмотрены и испробованы, Джемма попросила Молли спеть и станцевать.

— Помнишь, как ты выступала на конкурсе талантов? Станцуй это еще раз.

Молли с улыбкой покачала головой.

— Прости, Джемма, я тебя разочарую. Дело в том, что я давно бросила и петь, и танцевать. Тебе понравилось?

— Да, очень, ты была просто *великолепна!* — припомнила Джемма.

— Неужели? — улыбнулась Молли.

Когда от свечей на столе остались лишь огарки высотой с небольшие грибки, миссис Тринкелбери постучала вилкой по своему бокалу. Все притихли, а робкая старушка встала, прокашлялась и храбро начала речь.

— К-к-как вы все з-з-знаете, я з-з-заикаюсь, — сказала она.

— Это ничего, мы вас все равно любим, — вставила Джемма.

— Спасибо, Д-д-джемма, я тебя т-т-тоже. И пусть я за-заикаюсь, сейчас я хочу п-п-поговорить с вами о т-т-том, чего я не г-г-говорила уже много лет. Но сейчас я д-д-должна это сказать. Время п-п-пришло. Время пришло п-п-потому, что в этом д-д-доме, Х-ха-хар-двикском приюте, наконец-то п-п-поселилось счастье. К-к-как вы все знаете, Молли и Р-р-рокки попросили меня п-п-прийти и остаться здесь, чтобы ухаживать за вами. Н-н-надеюсь, вы все этим довольны.

Миссис Тринкелбери набрала в грудь побольше воздуха и продолжила.

— Д-д-до сих пор в этом д-д-доме было очень грустно, и многим, наверно, к-к-казалось, что никто вас не п-п-понимает, никто не знает, к-к-каково это — быть совсем одному на всем б-б-белом свете. И мисс Г-г-гадкинс вам ничуть не п-п-помогала. Я чувствовала эту п-п-печаль, когда п-п-приходила убираться, и она разрывала мне с-с-сердце. П-п-потому что — вот что я хочу вам с-с-сказать — я т-т-тоже сирота. Вы, наверно, д-д-думаете, что такая старая толстая т-т-тетка не может быть сиротой, но когда я была маленькой д-д-девочкой, мне тоже пришлось уйти в п-п-приют. П-п-понимаете, мой папа умер, когда мне было всего д-д-два года, и п-п-по-том

мама снова вышла замуж. Беда в т-т-том, что у маминого нового мужа уже было т-т-трое детей, а у мамы нас было д-д-двое. П-п-пятеро — это слишком много для одной семьи, мама не справлялась. Вот и решили, что одному из нас надо уйти. Выбор п-п-пал на меня. Я всегда считала, что это нечестно. И очень д-д-долго ненавидела других детей, которые выгнали меня из д-д-дома. А они меня и вправду выгнали. Они были как их отец — такие же негодяи. Они всегда обижали меня и в конце концов в-в-вытолкали из дома. Д-д-дело в том, что я была самая робкая. А п-п-потом, в один п-п-прекрасный день, я услышала п-п-песенку, которую написали будто специально д-д-для меня. Многие из вас ее знают. — Мисс Тринкелбери с улыбкой взглянула на Молли и Рокки. — А для остальных я сейчас ее спою. П-п-песенка вот такая.

И по столовой разнесся дрожащий от волнения голос миссис Тринкелбери.

*«Простите, ребята, того кукушонка,
Что вытолкнул вас из гнезда.
Его мама-кукушка учила с пеленок
Толкаться везде и всегда».*

Молли огляделась по сторонам. Она опасалась, что Гизела и другие старшие дети, услышав колыбельную, начнут корчить рожи. Но нет, они смирно сидели и слушали как завороченные. Только Гордон все еще жевал.

— Эта п-п-песенка многому научила меня, — сказала миссис Тринкелбери. — Благодаря ей я п-п-поняла, что нельзя ненавидеть т-т-тех детей, которые вытолкнули меня из гнезда: они делали только т-т-то, чему научил их отец. П-п-поэтому я п-п-простила их. И с той минуты моя жизнь стала намного легче, п-п-потому что я п-п-перестала ненавидеть. Мы все можем многое п-п-порассказать о том, почему очутились здесь, и, может б-б-быть, кто-то из вас по-п-п-прежнему сердится на людей, оставивших его здесь. Но п-п-припомните — и вы п-п-поймете: они стали т-т-такими потому, что их так воспитали. П-п-попробуйте пожалеть их и п-п-простить. И если мамы-кукушки учат своих детей п-п-плохому, значит, и вы передадите своим детям то, чему вас научили в д-д-детстве. П-п-поэтому с сегодняшнего дня в нашем д-д-доме навсегда поселится счастье. И с этого вечера каждый из вас начнет считаться с чувствами д-д-других. — Она повернулась к малышам. — Мы ведь не станем задирами, п-п-правда? Ведь что такое задиристость? Заразная б-б-болезнь. А мы не хотим ею б-б-

болеть.

— Нет, — подтвердил Джерри. — Не хотим!

— Итак, — заключила миссис Тринкелбери, — если все со мной согласны, я хочу д-д-дать новое имя нашему п-п-приюту. С этого дня здесь п-п-поселится радость. Поэтому я предлагаю впредь называть наш д-д-дом Счастливым Приютом.

Все молчали, восхищенно глядя на миссис Тринкелбери.

— Вы согласны? — спросила она. — Если да, п-п-поднимем бокалы!

И все дружно подняли свои бокалы с «кьютом». Выше всех вознес его Нокман. А Синтия исподтишка швырнула в Крейга кусочком хлеба.

— За Счастливый Приют! — провозгласила миссис Тринкелбери.

— За Счастливый Приют, — поддержали ее все остальные.

И откуда-то издалека донеслось кукование: это ходики отбили десять часов.

— А теперь, — подытожила миссис Тринкелбери, — д-д-думаю, всем пора в п-п-постель.

— Но сначала, — перебил ее Нокман, — я хочу показать фам несколько фокусов.

Молли и Рокки встревожено переглянулись. Ребята решили, что Нокман задумал какую-нибудь пакость, однако все их опасения оказались напрасны: в следующие полчаса они увидели Нокмана с другой, совершенно неожиданной стороны. Бывший мошенник очутился в своей стихии — он развлекал ребят необыкновенными карточными фокусами, извлекал карты у них из-за ушей, из карманов и из-под стульев. Он научил их жульничать в покер, и Молли заметила, как загорелись глаза у Гордона Бойлза. Надо приглядывать за обоими, решила девочка. Гордон чересчур восторгается Нокманом, это может плохо кончиться!

Покончив с карточными фокусами, Нокман принялся демонстрировать удивительную ловкость рук. Он достал кошелек из кармана у миссис Тринкелбери так, что та ничего не заметила, и вытащил пакет с конфетами у Гизелы прямо из-под мышки. Все громко аплодировали и думали, что Нокман — один из самых милых людей, каких они встречали. Но никто, даже Молли, не знал, что Нокман *и в самом деле* повел себя некрасиво. Он *украл* у Гизелы новый фотоаппарат, у Руби — леденец, у Гордона из верхнего кармана — пять фунтов, а у миссис Тринкелбери — ключи от парадной двери. Все эти вещи он засунул себе за пазуху. Там они и лежали, прямо под золотым скорпионом с бриллиантовыми глазами, уютно устроившимся на его волосатой груди.

Часам к одиннадцати все, наконец, разошлись по кроватям. Только Молли и Рокки все еще сидели в креслах у камина, в котором весело потрескивал огонь, и разговаривали. У их ног, посасывая камушек, блаженно развалилась Петулька.

— Ну и денек! — вздохнул Рокки. — Но обрати внимание — я совсем не устал, потому что по нью-йоркскому времени сейчас еще только шесть часов вечера.

— Да, эти перепады во времени сильно выбивают из колеи, — согласилась Молли, глядя на огонь. — Грандиозный был день, — подтвердила она. — И как здесь уютно стало, когда хорошо натопили!

— Да, при мисс Гадкинс было совсем не так...

— Беда в том, — нахмурилась Молли, — что мазут для бойлерной стоит очень дорого. Двести пятьдесят фунтов! Миссис Тринкелбери передала мне счет. — Молли расстегнула молнию на кармане и достала пухлый конверт с деньгами. — А ведь, кроме мазута, придется тратить деньги и на другие вещи — например, заново отделать спальни, купить новую мебель. Если так пойдет и дальше, скоро нам не хватит на отопление, мы не сможем заплатить миссис Тринкелбери, станем хуже питаться. А ведь мы пообещали друг другу, что больше не будем прибегать к гипнозу. Может, зря мы так решили, а, Рок? По-моему, без гипноза нам не обойтись.

Петулька, не выпуская камушка изо рта, подняла голову. Собачка почувствовала, что Молли чем-то обеспокоена.

— Знаешь, — ответил Рокки. — Надо попытаться сводить концы с концами. Жизнь не всегда бывает безоблачна, Молли. Но мы постараемся, и дела пойдут намного лучше, чем прежде. А если будут проблемы, мы с ними справимся.

— М-м-м, да, наверно, — не очень уверенно кивнула Молли.

Петулька склонила голову набок и призадумалась — чем бы развеселить Молли? Ей очень не нравилось, когда девочка начинала тревожиться и грустить. И тут она вспомнила свой излюбленный прием, который обычно срабатывал. Молли всегда радовалась, когда Петулька давала ей свой камушек.

Итак, Петулька ласково лизнула девочке ногу, положила перед ней свой камушек и приветливо твякнула.

Но на этот раз, к удивлению собачки, Молли отреагировала на подарок совсем не так, как обычно.

— Нет, ты только посмотри! Это же надо! — воскликнула девочка, изумленно глядя на камушек.

— Ну и ну, Петулька! Где ты это взяла? — в свою очередь завопил Рокки.

Петулька снова твякнула. Она не могла не согласиться с ребятами: камушек и вправду попался просто загляденье: таких твердых ей никогда еще не доводилось грызть. Она нашла его вчера утром в кармане старой Моллиной куртки, когда пыталась устроиться поудобнее.

Молли подобрала с пола огромный бриллиант и обернулась к Рокки:

— Это тот самый алмаз, который я отобрала у гангстера в банковском подвале. Теперь я припоминаю — я сунула его в карман, а вернуть вместе с остальными драгоценностями забыла. Поэтому он так и не попал в гномика...

Рокки озадаченно почесал в затылке.

— Но ведь по телевизору сказали, что в банк были возвращены все драгоценности...

— Наверное, этот алмаз не успели внести в списки. Помнится, тот гангстер сказал, что украл его только утром, у другого воришки.

— Гав! Гав! — не унималась Петулька, будто говорила ребятам: — Да возьмите же! Он ваш!

Молли ласково потрепала собачку за ухом.

— Что мы будем делать с ним, а, Рок?

— Не знаю, — пожал плечами мальчик, вертя в руке увесистый камень. — Вряд ли нам удастся выяснить, кому он *первоначально* принадлежал. — Потом по его лицу расплзлась озорная улыбка. — Спрячь-ка его понадежнее.

Глава тридцать девятая

В тот вечер Молли и Рокки легли спать только в два часа ночи.

А в четыре Молли проснулась от странного чувства.

За окном сияла полная декабрьская луна, ее призрачный свет заливал спальню. Неожиданно ладони девочки начали потеть, она вздрогнула, встала с постели, надела халат и шлепанцы, достала из-под матраца книгу по гипнотизму.

Будто во сне, Молли вышла из комнаты, спустилась по лестнице, набросила пальто и ступила в морозную ночь. Луна освещала ей путь. Девочка открыла калитку, вышла за ворота приюта и, пройдя по обледеневшей тропинке вниз по холму, обогнула деревню и направилась в Брайерсвилль.

Молли казалось, будто ее тянет за собой какая-то невидимая сила. Она не чувствовала холода и ничего не боялась. Просто ей казалось, что она должна совершить нечто предначертанное, хотя и не знала точно, что именно. Наконец, войдя в городок, она остановилась у брайерсвилльской библиотеки. Поднялась по каменному крыльцу, украшенному львами, вошла в вестибюль. Из двери читального зала выбивалась тоненькая полоска света. Почему-то Молли была твердо уверена, что ей надо именно туда. Она толкнула дверь и вошла.

За столом, как обычно, сидела библиотекарьша.

— А, вот и ты, — улыbnулась она, увидев девочку. — Вернулась? — И, подняв глаза на окно, за которым светила полная луна, добавила: — Ты очень пунктуальна.

При этих словах Молли внезапно вынырнула из странной полудремы. Ей показалось, что она проснулась после хорошего, доброго сна. Голова была ясная, все вокруг выглядело на редкость ярким и отчетливым. Вот она, в пальто поверх халата и в шлепанцах, стоит посреди библиотеки, сжимая под мышкой книгу по гипнотизму. Она молча протянула книгу библиотекарше.

— Спасибо, Молли. Надеюсь, она тебе помогла, — сказала старушка, снимая очки.

Молли попыталась собраться с мыслями. Она озадаченно поглядела на библиотекаршу, недоумевая, откуда та знает ее имя. Потом ее осенило — да ведь старушка наверняка сотни раз читала его на формулярах, принимая

книги. Но откуда ей было известно, что Молли придет именно сейчас? Девочка с подозрением спросила:

— Что вы хотите сказать — «очень пунктуальна»? Что-то не припомню, чтобы я договаривалась с вами о встрече.

Ей вспомнился тот день, когда она украла книгу по гипнотизму. Может быть, библиотечка ее засекла? От смущения Молли не знала, куда деваться. Ей захотелось тихонько поставить книгу по гипнотизму на место и больше не думать о ней. Да нет, она была уверена, что в ту минуту, когда она стащила книгу, библиотечка смотрела в другую сторону. Никто не мог видеть, как Молли взяла книгу! Так откуда же она тогда знает?! Неужели в библиотеке расставлены видеокамеры?! Молли совсем запуталась.

Старушка ласково улыбнулась ей.

— Не тревожься, Молли. Входи, садись.

Молли робко присела за стул напротив библиотечной стойки. И впервые пригляделась к библиотечке повнимательнее.

Перед ней сидела женщина ученого вида, но сейчас, когда она сняла очки, Молли поняла, что она совсем не так стара, как казалась с первого взгляда. Волосы, лишь слегка тронутые сединой, были собраны в старомодный пучок, однако лицо без единой морщинки выглядело молодым. Женщина улыбнулась, и ее глаза засветились добротой.

— Ты, Молли, наверно, думаешь, что я не замечала тебя, потому что всегда сидела, уткнувшись носом в книгу или бумаги. Но я тебя видела. Видела, как ты приходишь сюда, одинокая и замерзшая, и садишься у батареи. Я давно тебя заприметила и всегда очень жалела. Я хотела помочь тебе. Мне казалось, что книга по гипнотизму научит тебя кое-чему... и даже очень многому. Поэтому в тот день, когда ты пришла, мокрая и грязная, я загипнотизировала тебя, чтобы ты нашла эту книгу. Помнишь, как ты уснула на полу, а потом проснулась?

Молли недоверчиво кивнула.

— Так вот, тот сон навела тебе я. Я загипнотизировала тебя, когда поздоровалась. А пока тебе казалось, что ты спишь, я кое-что тебе внушила. Например, я сделала так, чтобы ты нашла книгу. Мне казалось, что три недели — достаточный срок, за это время ты успеешь изучить книгу и сумеешь ею воспользоваться. Поэтому я и попросила тебя принести ее обратно в ночь декабрьского полнолуния.

— Очень пунктуальна... — пробормотала Молли.

— Это и есть та фраза, которая пробудила тебя от твоего полуночного хождения. Кстати, ни о чем другом я тебя под гипнозом не просила. Всему,

что с тобой приключилось за это время, ты обязана лишь *самой себе*... и книге, конечно.

— А обычно я всегда везде опаздываю! — воскликнула Молли и тут же вспомнила, что последние три недели как-то так получалось, что она ни разу никуда не опоздала. — Но откуда о книге узнал Нокман? — спросила девочка.

— Ах, он! Этот обманщик! Дело было так. За несколько дней до этого он позвонил мне из Штатов, сказал, что книга ему нужна для важной научной работы, хотя бы ненадолго. Назвался профессором, был очень настойчив, долго уговаривал меня. Я сказала, что могу на время *одолжить* ему книгу. Но потом он позвонил, когда у меня был выходной, побеседовал с другим библиотекарем и уговорил ее *продать* ему книгу. Выслал деньги заказным письмом, а на следующий день, когда я вышла на работу, коллега сказала мне, что он вот-вот приедет. Тут-то я и заподозрила, что дело нечисто. Я сделала запрос в Чикагский музей и выяснила, что там нет никакого профессора Нокмана! Вот как получилось, что еще до того, как он приехал в Брайерсвилль, я уже знала, что он мошенник. И уже тогда я начала думать о тебе. Мне хотелось, чтобы эта книга попала тебе в руки. — Библиотекарша выключила настольную лампу. — Прости, что подняла тебя с постели. Уже поздно, я тоже устала. Пора мне домой, да и тебе тоже.

Но Молли уже окончательно пришла в себя, и в голове у нее роились вопросы.

— А сейчас я не сплю? — спросила она.

— Нет, — библиотекарша рассмеялась. — А надо бы! Тебе давно пора быть в постели и видеть десятый сон.

— Но я совсем не устала!

— Зато я устала. Мне и правда пора домой. Когда будет свободная минутка — заходи, попьем чаю, поговорим. Расскажешь мне о своих приключениях, а я тебе — о своих.

— У вас тоже были приключения из-за гипноза?

— Конечно. Приключения происходят с каждым, кто обнаружит у себя гипнотический дар. Но сейчас я редко пользуюсь своими способностями. Иногда пускаю в ход только для того, чтобы помочь людям. Это, пожалуй, самое правильное.

— Вы помогли и мне.

— Правда? Очень рада.

Молли задумалась о том, как сильно переменилась она за последние три недели. Если бы не эта добрая женщина, она до сих пор прозябала бы в обидах и одиночестве. А теперь она так многому научилась!

— Спасибо, — искренне поблагодарила девочка. — Простите, я даже не знаю, как вас зовут.

— Люси Логан, — ответила женщина.

— Вас зовут так же, как доктора?! — ахнула Молли. — Доктора Логана, который написал эту книгу?

— Я его правнучка, — улыбнулась Люси Логан. — Послушай, у тебя и так сегодня ночью было много потрясений. Тебе будет трудно уснуть. А мне пора закрываться. Пойдем, Молли. И знай: если захочешь зайти в гости, я всегда буду рада тебя видеть. Приходи, когда хочешь, я расскажу тебе о прадедушке, и мы поговорим о гипнотизме. Хорошо?

Молли кивнула и встала из-за стола.

На пороге Люси Логан помахала ей вслед.

— И счастливого Рождества тебе, Молли, если мы до тех пор не увидимся!

— Счастливого Рождества, — отозвалась Молли. После такого множества ночных откровений у нее кружилась голова.

В ярком свете декабрьской луны Молли отправилась домой. Время от времени она встряхивала головой, вспоминая все, что случилось с ней за последние недели. В памяти оживали разнообразные события, то радостные, то пугающие, и, раздумывая над ними, Молли видела, что нередко ей просто везло. Теперь она диву давалась — до чего удачно все сложилось!

В воздухе закружились крупные хлопья снега, проселочная дорога побелела и в несколько минут покрылась скрипучей порошей. Деревья над живыми изгородями вдоль обочин, казалось, приветливо махали Молли ветвями.

За поворотом показался брайерсвилльский рекламный щит. Как и три недели назад, яркие прожектора выхватывали из темноты рекламу «кьюта»: улыбчивые красавицы в купальниках, казалось, вот-вот застучат зубами от холода. И Молли посмеялась сама над собой: надо же, еще совсем недавно она завидовала этим людям, считала их идеальными и хотела быть одной из них. Теперь ей дела не было до всей их кьютовской жизни. У нее другая жизнь, своя собственная, куда более интересная и исполненная смысла.

Снежные хлопья кружили в воздухе, окружая Молли непроглядной пеленой, приглушали звуки. Молли шагала в безмолвии, вдалеке от шумного мира, наедине с собой. Впервые за все свои десять лет она радовалась собственной жизни. Как здорово быть самой собой, быть Молли Мун, пусть даже эта девочка не всегда ведет себя хорошо!

Книга по гипнотизму показала Молли, что у нее хватит сил выучиться всему чему угодно, стоит только постараться. Если бы полгода назад кто-нибудь сказал ей, что она станет великим гипнотизером, она бы просто не поверила. Тогда ей казалось, что у нее никогда ничего не получится. Сейчас же девочке не терпелось попробовать себя и в других делах. Первым делом она пробежит кросс — просто чтобы посмотреть, получится ли что-нибудь путное. А еще Молли решила научиться как следует танцевать чечетку. Не для того, чтобы стать всемирно известной танцовщицей, а просто чтобы самой получать удовольствие. Сейчас Молли ничуть не заботилась о славе. Ей просто хотелось радоваться жизни и сделать так, чтобы другие тоже радовались.

А до Рождества осталось всего пять дней! За всеми хлопотами Молли напрочь забыла об этом! Она улыбнулась. Это будет *самое* лучшее Рождество на свете!

Молли вдохнула полной грудью прохладный ночной воздух и с улыбкой оглядела притихшую, спящую округу. Ну и удивительная же выдалась ночь! Вспомнить бы, о чем она подумала, когда впервые нашла книгу по гипнотизму! О том, что эта откроет перед ней безграничные возможности? Сегодня Молли готова была сказать то же самое обо всей своей жизни. От макушки до кончиков пальцев. Жизнь полна волшебства. И снова девочка подумала — до чего же хорошо быть обыкновенной, простой Молли Мун!

Дорога, убегающая вдаль, сверкала в лучах луны, как серебристая лента. *Эта* дорога вела ее домой — в Счастливый Приют.

А в тысяче миль от Брайерсвилля, в двенадцати тысячах футов над землей, над заснеженными вершинами Итальянских Альп, выделявал мертвые петли небольшой спортивный самолет. В его кабине сидели две женщины: одна мускулистая, другая костлявая. У той, что сидела на месте пилота, глаза сверкали безумным огоньком. На ее шее, будто кулон, болталась на веревочке вставная челюсть. На трехцветной футболке здоровячки было написано: «Полюби Италию, а не то...»

Когда самолет завершил очередной вираж, великанша встала.

— Агнесса, не хотите ли уна паста мольто, мольто бене?

— М-м, пожалуй, да, только не надо класть слишком много перца. Очень прошу, Эдна, — *не переперчите*.

КОНЕЦ